

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Вестник
Российского мониторинга
экономического
положения
и здоровья населения
НИУ ВШЭ
(RLMS-HSE)**

Выпуск 7

*Ответственный редактор
П. М. Козырева*

Москва 2017

УДК 316.4
ББК 60.5
В38

*Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований
НИУ ВШЭ*

Редакционная коллегия:
П. М. Козырева, М. С. Косолапов, В. В. Радаев,
С. Ю. Роцин, Я. М. Рощина

Вестник Российского мониторинга экономического положения
В38 и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 7 [Электронный
ресурс]: сб. науч. ст. / отв. ред. П. М. Козырева. – Электрон. текст. дан.
(объем 1,83 Мб). – М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»,
2017. – 148 с.: илл. ISBN 978-5-7598-1661-4

В состав седьмого выпуска электронного издания «Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE)» вошли статьи, подготовленные на основании данных 24-х волн панельного обследования домохозяйств RLMS-HSE (1992–2015 гг.).

В центре внимания авторов находятся различные аспекты социально-экономической адаптации россиян к условиям экономического кризиса, здоровье и благополучие детей и подростков, распространение и практики использования сети Интернет в России. Предлагаемые материалы отражают точку зрения авторов и открыты к обсуждению и дополнению.

Издание адресовано исследователям, преподавателям, студентам и всем, кто интересуется результатами мониторинга RLMS-HSE.

УДК 316.4
ББК 60.5

Содержание

Введение	4
<i>Воронин Г. Л., Козырева П. М., Косолапов М. С., Низамова А. Э., Сивкова И. В., Смирнов А. И., Соколова С. Б., Тонис Е. И, Шестова О. А.</i> Социально-экономическое поведение российских домохозяйств	6
<i>Рощина Я. М.</i> Дети и подростки в России в 1994–2015 гг.: здоровье, образование и характеристики семьи	96
<i>Артемьева Н. М., Назимова А. С.</i> Чем занимаются дети в России: практики и динамика временных затрат	117
<i>Богданов М. Б., Лебедев Д. В.</i> Пользование сетью Интернет в России в 2003–2015 гг.	129
Сведения об авторах	146

ВВЕДЕНИЕ

Седьмой выпуск «Вестника Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE)» посвящен сравнительному анализу результатов 24-й волны лонгитюдного обследования домохозяйств RLMS-HSE. Обследование проводится ежегодно по вероятностной, стратифицированной, многоступенчатой территориальной выборке, разработанной при непосредственном участии ведущих мировых экспертов в данной области. Выборка сформирована как репрезентативная на федеральном уровне. Сбор данных 24-й волны мониторинга производился в октябре-декабре 2015 г., в выборочную совокупность вошли около 7000 домохозяйств.

В центре внимания данного выпуска находится изучение практик социально-экономической адаптации россиян в условиях углубляющегося экономического кризиса. Произошедшее в 2015 г. обострение кризисной ситуации в российской экономике привело к снижению стандартов и качества жизни населения, росту угрозы безработицы, повышению цен. Кризис ударил по потребительским привычкам и создал новые ограничения для бизнеса. У государства осталось гораздо меньше возможностей для поддержки массовых групп и слоев населения, испытывающих огромные трудности в ухудшающейся экономической ситуации. Особенно уязвимыми в этих условиях оказались семьи с несовершеннолетними детьми. В этой связи в представленном выпуске особое внимание уделено анализу благосостояния, благополучия и здоровья детей и подростков.

Выпуск открывает [коллективная статья](#), в которой представлен исчерпывающий анализ тенденций, характеризующих изменения в социально-экономическом положении и поведении домашних хозяйств в контексте происходящих социально-экономических изменений. Довольно широко освещается динамика, источники и дифференциация доходов и расходов российских домохозяйств. Приводятся обширные данные, содержащие информацию относительно условий и качества жизни семей, поведения граждан на рынках потребительских благ. Дана обобщенная картина стратификации домохозяйств по благосостоянию, показаны тенденции, раскрывающие различия в уровне доходов, расходов и стандартах потребления между наиболее и наименее обеспеченными семьями. Довольно тщательно анализируются особенности и тенденции изменения потребительской активности россиян. Рассматривается динамика уровня удовлетворенности населения жизнью и оценок жизненных перспектив.

Выпуск продолжает статья [Я. М. Рощиной «Дети и подростки в России в 1994–2015 гг.: здоровье, образование и характеристики семьи»](#), анализирующая основные тенденции в изменении социально-экономического положения и здо-

ровья российских детей и подростков. Автор отмечает противоречивость наблюдаемых тенденций. С одной стороны, в рассматриваемый период растет доля детей, проживающих в неполных семьях, ухудшается благосостояние детей из многодетных семей. С другой стороны, повышается уровень образования родителей и в целом улучшается здоровье детей и подростков. Доступность качественного образования, а также вероятность диагностики и профилактики заболеваний у детей и подростков напрямую связаны со степенью урбанизации, уровнем образования родителей и доходами семьи.

Продолжает анализ степени благополучия детей и подростков в России статья [Н. М. Артемьевой](#) и [А. С. Назимовой](#) «[Чем занимаются дети в России: практики и динамика временных затрат](#)». Авторы проводят анализ временных затрат детей и подростков в зависимости от пола, возраста, уровня образования родителей, среднедушевого дохода и уровня урбанизации места жительства ребенка. Авторы отмечают, что группы детей, вовлеченных в ту или иную активность (спортивную, творческую, дополнительную образовательную), формируются по мере взросления. Предпочтения детей относительно того или иного вида деятельности имеют явно выраженную гендерную окраску. Образование родителей оказывает непосредственное влияние как на вероятность вовлеченности ребенка в спортивные, творческие или дополнительные образовательные занятия, так и на выбор разновидности занятий.

Завершает выпуск статья [М. Б. Богданова](#) и [Д. В. Лебедева](#) «[Пользование сетью Интернет в России в 2003–2015 гг.](#)». На основании различных процедур классификации авторы выявляют группы россиян, для которых характерно наиболее активное пользование сетью Интернет. Среди них оказываются подростки и молодые люди с высшим и средним специальным образованием, проживающие в урбанизированных местностях, а также лица среднего возраста с высшим образованием. Россияне с разными социально-демографическими и социально-экономическими характеристиками имеют различные предпочтения как относительно электронных устройств, которые они используют при выходе в мировую сеть, так и относительно ежедневных интернет-практик. Продолжающееся расширение и диверсификация аудитории Интернета ведет к смещению основных функций сети с рабочих и образовательных к рекреационным.

*Воронин Г. Л., Козырева П. М., Косолапов М. С., Низамова А. Э.,
Сивкова И. В., Смирнов А. И., Соколова С. Б., Тонис Е. И., Шестова О. А.*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Аннотация. В работе представлен сравнительный анализ результатов 24-й волны «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE), отразивших положение российских домохозяйств в 2015 г. По сравнению с предшествующими раундами обследования в 2015 г. наблюдалось дальнейшее снижение доходов домохозяйств, сопровождавшееся уменьшением доли заработной платы в общей структуре доходов. Доля доходов от государственных трансфертных платежей, домашнего производства и неформального сектора, напротив, продолжала возрастать. Благодаря небольшому росту реальных доходов домохозяйств нижних трех квинтилей и продолжающемуся падению доходов домохозяйств двух верхних квинтилей в очередной раз снизился уровень социально-экономического неравенства. К концу 2015 г. совокупные ежемесячные расходы домохозяйств упали на 8%, что составило разительный контраст с 2014 г., когда реальные расходы фактически стагнировали. В 2015 г. была прервана долгосрочная тенденция снижения доли расходов на продукты питания в общей структуре расходов домохозяйств. Уровень безработицы вырос, достигнув 5,5%. При этом показатель участия в рабочей силе у мужчин увеличился с 84,4 до 85,2%, а у женщин снизился с 80,2 до 79%. В 2015 г. средний размер дохода, получаемого женщинами, составлял 74,1% от среднего дохода мужчин, что было лишь немногим больше, чем 72,8% в предыдущем году. С 2014 по 2015 г. удельный вес работников, не полностью получавших заработную плату, увеличился с 2,5 до 2,8%. Продолжился рост количества домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг. Доля таких домохозяйств возросла с 7,2% в 2014 г. до 8,4% в 2015 г. Исследование выявило очередное ухудшение социального самочувствия населения. В 2015 г. россияне были меньше удовлетворены жизнью, указывали на ухудшение экономического положения, негативно оценивали свои жизненные перспективы и испытывали постоянное беспокойство по поводу потери работы.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS-HSE, домохозяйство, доходы, расходы, потребление, занятость, безработица, социальное неравенство, социальные установки.

В 2015 г. экономический кризис в России принял глубокий и затяжной характер, а ситуация в экономике, характеризующаяся постепенным нарастанием негативных процессов, стала существенно отличаться от того, что наблюдалось во время предыдущих кризисов. Если экономический кризис 2008–2009 гг. был спровоцирован глобальным финансовым обвалом, то нынешний кризис во многом вызвали накопившиеся структурные диспропорции, которые привели к замедлению роста экономики, а потом к значительному экономическому спаду. Структурные дисбалансы усугубились возросшими внешними шоками, создававшими дополнительные проблемы. Российская экономика находилась под мощным давлением санкций и контрсанкций, стремительно упавших цен на нефть, реакции курса рубля на крайне низкие нефтяные цены.

Динамика, структура и дифференциация доходов домохозяйств

Согласно данным официальной статистики, 2015 г. был не самым благоприятным для российской экономики. ВВП страны оказался в области отрицательных значений, снизившись по сравнению с 2014 г. на 3,7%. Продолжилось сокращение потребительского и инвестиционного спроса. Индекс промышленного производства в 2015 г. по сравнению с 2014 г. снизился на 3,4%, добыча полезных ископаемых выросла только на 0,3%, обрабатывающие производства потеряли 5,4%, производство и распределение электроэнергии, газа и воды снизились на 1,6%. В то же время в сельском хозяйстве и пищевой промышленности на протяжении 2015 г. наблюдались уверенные темпы роста и планомерное движение по пути импортозамещения. По итогам года прирост производства продукции сельского хозяйства по сравнению с аналогичным периодом прошлого года составил около 3%¹.

В 2015 г. потребительская инфляция достигла 12,9% после того, как в 2014 г. цены выросли на 11,4%. Но при этом в конце года было отмечено существенное замедление инфляции. За предыдущие два года инфляция усилилась вдвое – в 2011–2013 гг. средний прирост за год составлял 6,4%. С ростом инфляции в 2014 г. реальные доходы населения пошли вниз. До 2014 г. последний раз такая большая, т. е. двузначная, инфляция по итогам года была зафиксирована в кризисном 2008 г. (тогда она составила 13,3%). Главным фактором усиления инфляции стала значительная девальвация рубля, резко усилившаяся с конца 2014 г. и продолжившаяся в 2015 г. Структура инфляции за 2014–2015 гг. претерпела значительные изменения. Так, более дорогими стали продовольственные товары, и цены на них значительно выросли как в 2014 г. – на 15,4%, так и в 2015 г. – на 14%. Рост цен на продовольственные товары в 2015 г. внес в инфляцию 5,2 процентного пункта. В секторе непродовольственных товаров в 2015 г. рост цен на 13,7% имел «догоняющий» характер. При этом они стали в 0,9 раза дешевле относительно инфляции за два

¹ Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2015 г. М.: Минэкономразвития РФ, 2016. С. 3–25.

последних года. Компонента непродовольственных товаров внесла в инфляцию 5,1 п. п., или 40% (в 2014 г. — 27%). Вклад удорожания услуг на 10,2% составил 2,6 п. п., или 20% (для сравнения: в 2014 г. — 2,7 п. п., или 24%)¹. На рис. 1 показан уровень инфляции за каждые 12 месяцев, начиная с 1996 г.

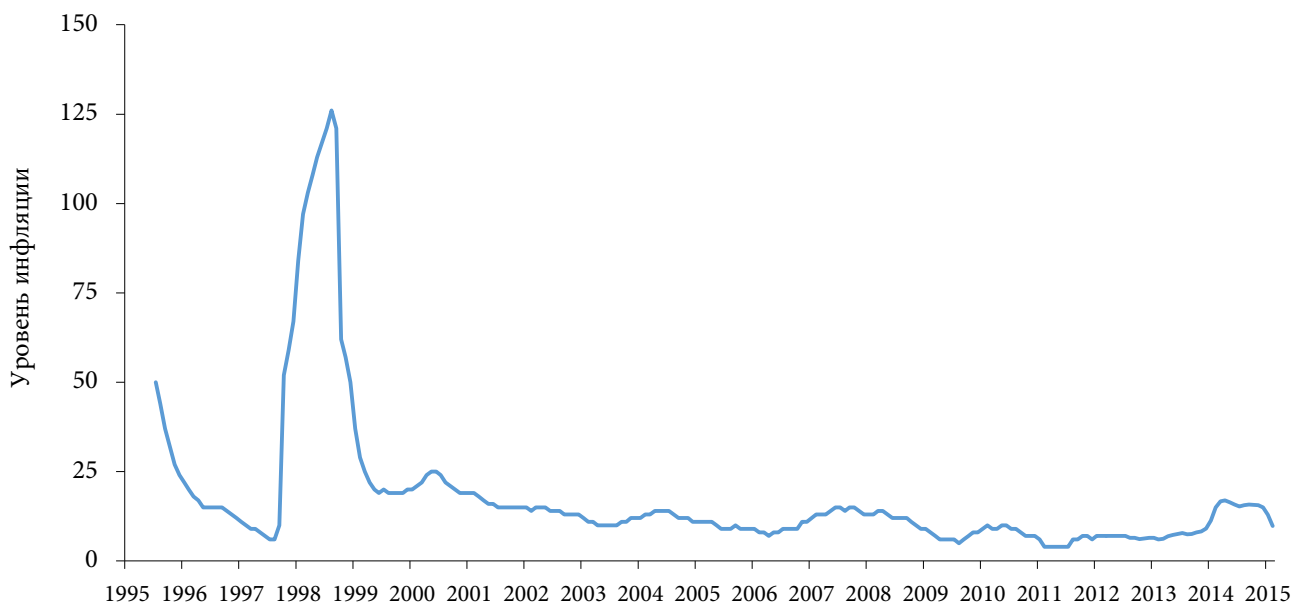

Рис. 1. Годовые (12 месяцев) уровни инфляции, январь 1996 г. — декабрь 2015 г., % к соответствующему периоду предыдущего года, все товары и услуги

Напомним, что в этот период инфляция была значительно менее острой, чем в 1992—1995 гг., когда показатели годовой инфляции были постоянно выше 100%, а в ряде случаев превышали 1000 и 2000%. Начиная с 2000 г. постоянно наблюдались умеренные годовые уровни инфляции. Но в 2014 г. наметился набирающий темпы рост данного показателя. В марте 2015 г. он достиг максимального уровня, затем в течение нескольких месяцев был на 1—2% меньше, и только в конце года инфляция пошла на спад более быстрыми темпами.

На рис. 2 сравниваются индекс потребительских цен, который отражает изменения общей стоимости жизни для всех россиян, и прожиточный минимум для взрослого мужчины, составленный по среднероссийским ценам, за весь период проведения RLMS-HSE. При обращении к рисунку необходимо учитывать, что вертикальная ось представляет собой логарифмическую шкалу. Увеличение значений по этой шкале отражает соответствующие пропорциональные изменения.

Из рис. 2 следует, что с декабря 2014 г. по декабрь 2015 г. черта бедности для взрослого мужчины повысилась на 7%, в то время как общий индекс цен вырос почти на 13%. Похожая картина наблюдалась в предыдущем году, тогда как еще годом ранее она была совсем иной. Так, если с декабря 2013 г. по декабрь 2014 г. черта бедности для взрослого мужчины поднялась на 9%, а общий индекс цен вырос более чем на 11%, то с декабря 2012 г. по декабрь 2013 г. прожиточный минимум для взрослого мужчины увеличился на 17,3%, что было более чем втрое больше роста общего индекса потребительских цен.

¹ Об итогах социально-экономического развития... С. 26—27.

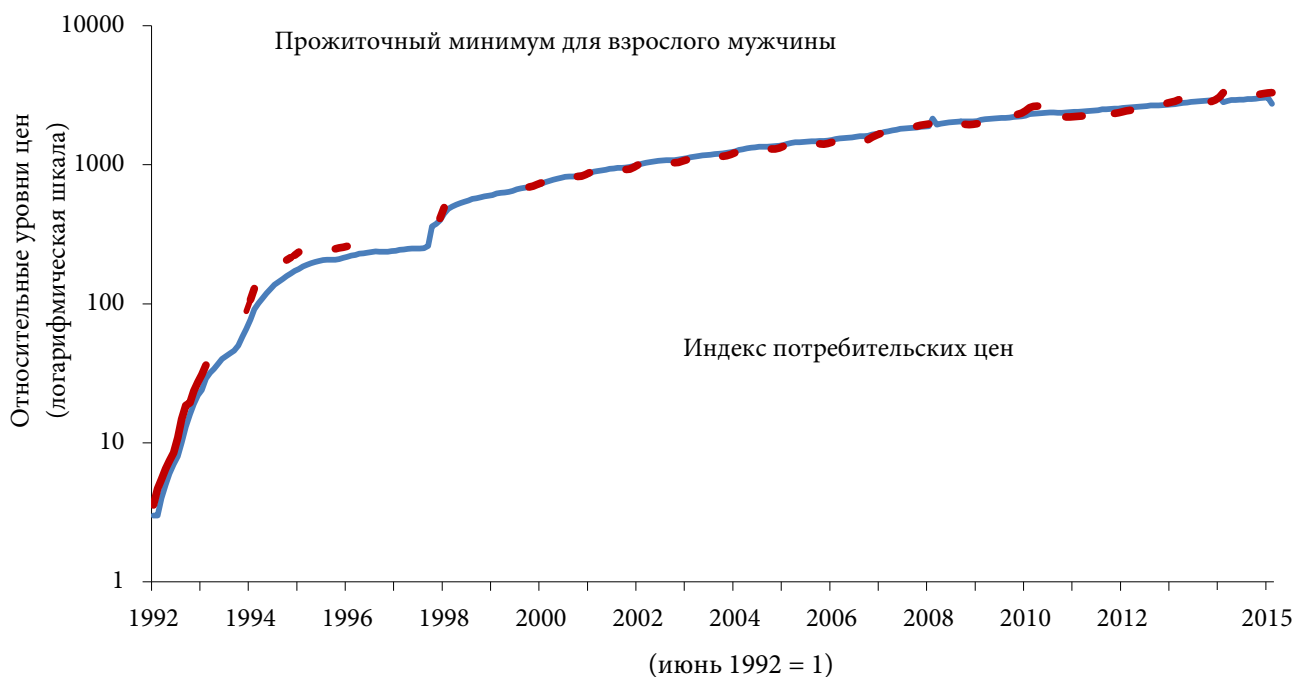

Рис. 2. Относительные уровни цен по месяцам, июнь 1992 г. — декабрь 2015 г.

В настоящей работе размер доходов, расходов и платежей за все годы проведения опроса приведен в ценах декабря 2015 г. с использованием ценового дефлятора Росстата (ИПЦ). В ряде случаев при выведении средних показателей не принимались во внимание экстремальные величины доходов и расходов. При этом следует помнить, что в начале 1998 г. произошла деноминация рубля, когда все старые цены в рублях были уменьшены в 1000 раз. В декабре 2014 г. случилось резкое ослабление рубля. На фоне валютной паники, вызванной действием совокупности мощных экономических факторов, главными из которых были экстремальное падение цен на нефть и введение экономических санкций со стороны западных государств, обменный курс рубля в середине декабря 2014 г. по сравнению с началом месяца вырос приблизительно с 49 до 67 руб. за один доллар и с 61 до 85 руб. за один евро.

В 2015 г. было отмечено дальнейшее снижение реальных доходов населения, но его темпы были существенно меньше, чем в 2014 г. Главными причинами этого снижения оставались стагнация производства, падение инвестиций и углубление экономического кризиса, который усугубил падение мировых цен на нефть. Как показал анализ данных RLMS-HSE, представленных в таблице 1, если с 2013 по 2014 г. средние реальные доходы российских домохозяйств уменьшились на 5,4%, то с 2014 по 2015 г. — только на 1,1%¹. В результате указанных изменений общая сумма месячного дохода домохозяйств опустилась ниже уровня кризисного 2008 г., оставаясь, однако, выше, чем в 2011 г. Заметим, что в 2013 г. по сравнению с 2012 г. совокупный доход российских домохозяйств, увеличился на небольшие 0,6%, тогда как в предыдущем году был выявлен существенный рост, достигающий 7,3%.

¹ Под «домохозяйством» или «семьей» в данном исследовании понимаются люди, проживающие вместе и имеющие общие доходы и расходы.

Таблица 1

Структура совокупного дохода домохозяйств, 1992–2015 гг., в руб. декабря 2015 г.

Источники дохода	1992	1998	2004	2008	2011	2013	2014	2015
Доход от работы на государственных предприятиях	12 439	3955	7294	12 399	12 135	13 575	13 234	11 677
Доход от работы на частных предприятиях	785	1904	6865	12 985	13 564	13 549	12 894	12 647
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	1591	1144	1714	1941	1634	1445	1384	1652
Общий доход от заработной платы	14 815	7003	15 873	27 505	27 597	28 569	27 512	25 976
Государственные трансфертные платежи	4118	2968	5375	8861	10 798	12 595	13 099	14 177
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	1656	1300	2695	3940	2214	3109	2153	2375
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	1717	2324	1251	1352	1018	1180	1067	1170
Доход от продажи личного имущества	1147	417	684	429	423	391	373	117
Доход от сдачи личной собственности в аренду	18	37	120	215	205	266	279	196
Дивиденды	–	71	610	117	64	354	120	127
Помощь от родственников и благотворительная помощь	3164	1174	1741	3664	2891	2986	2195	2140
Общая сумма месячного дохода	26 631	15 293	28 348	46 781	45 800	49 449	46 798	46 279

Данные Федеральной службы государственной статистики демонстрировали несколько иную картину. Так, по данным Росстата, за 2015 г. доходы населения в реальном выражении (доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на индекс потребительских цен) сократились на 4,3%, тогда как в 2014 г. они уменьшились только на 0,7%, а в 2013 г. показывали даже рост на 4%. В течение 2015 г. реальные располагаемые денежные доходы населения демонстрировали только негативную динамику относительно соответствующих периодов 2014 г.: I квартал – снижение на 2,3%; II квартал – на 4,8%; III квартал – на 5,2%; IV квартал – на 4,4%.

В 2015 г., как и во все предыдущие годы, доминирующее положение в структуре доходов российских домохозяйств занимали доходы от заработной платы и государственных трансфертных платежей, т. е. социальных трансфертов, которые предоставляются населению из федеральных, региональных и местных бюджетов, государственных внебюджетных социальных фондов (пенсии, стипендии, социальные пособия, компенсационные выплаты, льготы и т. п.). Однако величина дохода из данного источника существенно уменьшилась.

Так, по данным RLMS-HSE, за последний год совокупный доход российских домохозяйств от заработной платы уменьшился на 5,6%, что было существенно больше, чем 3,3%, зафиксированных годом ранее. В целом в 2015 г. по

сравнению с 2013 г. доход от данного источника уменьшился на 9,1% и был заметно меньше, чем в 2008 и 2011 гг. Стоит обратить внимание на тот интересный факт, что в 2013 г. совокупный доход домохозяйств от заработной платы увеличился на 2,7% по сравнению с 2012 г., достигнув своего максимального значения за все время систематических наблюдений в рамках мониторинга.

Данные Росстата зафиксировали снижение в 2015 г. по сравнению с 2014 г. реальной среднемесячной начисленной заработной платы на 9%, в то время как годом ранее она увеличилась на 1,2%. Это падение было отмечено во всех без исключения субъектах Российской Федерации. Причем самое большое снижение, достигающее 15%, было выявлено в Республике Ингушетия. Почти на 12% снизилась реальная среднемесячная начисленная заработная плата в Белгородский, Ивановской, Псковской областях, в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Республике Алтай. И в то же время в Сахалинской области она уменьшилась только на символические 0,2%, в Республике Саха (Якутия) – на 3,4%, в Чукотском автономном округе – на 3,7%, в Камчатской области – на 3,8%, в Ямало-Ненецком автономном округе – на 5,9%.

Что касается среднемесячной номинальной начисленной заработной платы, то она, по данным Росстата, за 2014 г. выросла на 9,1% (с 29,8 тыс. до 32,5 тыс. руб.), тогда как за 2015 г. – только на 4,7% (до 34 тыс. руб.). Во II квартале 2015 г. по сравнению с I кварталом этого же года среднемесячная начисленная заработная плата выросла почти на 10%, но в III квартале снизилась приблизительно на 5%, а в IV квартале по сравнению с III кварталом вновь выросла более чем на 11%.

Наиболее высокими заработки были в добывающих отраслях, связанных с производством кокса и нефтепродуктов (81,6 тыс. руб., рост за год на 8,1%), добычей топливно-энергетических полезных ископаемых (71,4 тыс. руб., рост на 7%), добычей полезных ископаемых (63,7 тыс. руб., рост на 8%), а также у специалистов, занятых финансовой деятельностью (70 тыс. руб., рост на 2,2%). На другом полюсе находились работники, занятые в текстильном и швейном производстве (15,8 тыс. руб., рост на 9%), производстве кожи, изделий из кожи и производстве обуви (17,8 тыс. руб., рост на 10,4%), сельском и лесном хозяйстве (19,7 тыс. руб., рост на 11,3%), обработке древесины и производстве изделий из дерева (20,4 тыс. руб., рост на 9,3%), работники гостиниц и ресторанов (20,6 тыс. руб., рост на 4,4%). Таким образом, в 2015 г. разница в уровне заработной платы между работниками, занятыми в наиболее и наименее обеспеченных отраслях, достигала 5 и более раз.

По федеральным округам показатели среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в 2015 г. выглядели следующим образом: Дальневосточный ФО – 43,2 тыс. руб. (рост на 5,6%), Центральный ФО – 42 тыс. руб. (рост на 5%), Уральский ФО – 39,1 тыс. руб. (рост на 4,9%), Северо-Западный ФО – 37,9 тыс. руб. (рост на 7%), Сибирский ФО – 29,6 тыс. руб. (рост на 4,5%), Приволжский ФО – 25,6 тыс. руб. (рост на 4,2%), Южный ФО – 25,5 тыс. руб. (рост на 4,8%), Северо-Кавказский ФО – 21,7 тыс. руб. (рост на 3,8%). Максимальные величины среднемесячной номинальной заработной платы были зафиксированы в Чукотском автономном округе – 79,5 тыс. руб. (рост на 4,3%), Ямало-Ненецком автономном округе – 77,3 тыс. руб. (рост на 3,7%), Магаданской области – 66 тыс. руб. (рост на 6,2%), Москве – 64,3 тыс. руб. (рост на 5,1%),

Сахалинской области – 61,3 тыс. руб. (рост на 11,7%), Ханты-Мансийском автономном округе – 60,1 тыс. руб. (рост на 3,6%), Тюменской области – 56,6 тыс. руб. (рост на 3,9%), тогда как минимальные величины оказались в Республике Калмыкия – 20,1 тыс. руб. (рост на 4%), Республике Дагестан – 19,2 тыс. руб. (рост на 5,7%), Карачаево-Черкесской Республике – 20,7 тыс. руб. (рост на 3,9%).

Согласно данным RLMS-HSE, если в 2013–2014 гг. доход от работы на государственных предприятиях немного превышал доход от работы на частных предприятиях, то в 2015 г. была выявлена противоположная картина. Доход от работы на государственных предприятиях за последний год сократился на 11,8%, а по сравнению с декабрем 2013 г. – на 14%. Доход домохозяйств от работы на частных предприятиях за 2015 г. уменьшился на 1,9%, тогда как по сравнению с 2013 г. – на 6,7%. Из этих данных следует, что в 2015 г. доходы домохозяйств от работы на государственных предприятиях сокращались намного быстрее, чем в 2014 г., тогда как в отношении доходов от работы на предприятиях частного сектора наблюдалась противоположная динамика. Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности в 2014 г. по сравнению с 2013 г. уменьшился на 4,3%, однако в 2015 г. вновь вырос на 19,4%.

К концу 2015 г. почти 49% всех доходов домохозяйств от заработной платы поступало исключительно из частных источников, что было немного больше, чем 47%, зафиксированных в 2014 г. В то же время доход от заработной платы на предприятиях государственной формы собственности составлял около 45% всех доходов домохозяйств от указанного источника, что было, однако, меньше, чем почти 48%, зафиксированных в 2014 г. Что касается дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности, то на него пришлось немногим более 6% общего дохода от заработной платы, т. е. приблизительно на 1 п. п. больше, чем в предыдущем году.

В 2015 г. продолжился дальнейший рост государственных трансфертных платежей, не прекращающийся с 1998 г. В течение 2015 г. они выросли на 8,2% и достигли самого высокого уровня из когда-либо зафиксированных в ходе опросов RLMS-HSE. Темпы этого роста были примерно вдвое выше, чем годом ранее. В 2014 г. по сравнению с 2013 г. государственные трансфертные платежи увеличились только на 4%, тогда как годом ранее такое увеличение составило 1,5%. И это было намного меньше, чем 14,9% роста, зафиксированных в 2012 г. по сравнению с 2011 г.

Как и ранее, рост государственных трансфертных платежей обеспечивался главным образом повышением пенсий, составляющих основную часть трансфертов. 1 апреля 2015 г. на 10,3% были увеличены размеры не только социальных пенсий, но и других видов пенсий, назначенных в соответствии с Федеральным законом «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации»: у инвалидов и участников Великой Отечественной войны, вдов и родителей погибших военнослужащих, граждан, пострадавших от радиации. Кроме того, с 1 февраля 2015 г. страховые пенсии более 39 млн российских пенсионеров были проиндексированы на 11,4%, исходя из роста потребительских цен за 2014 г. В результате индексации средний размер страховой пенсии по старости с учетом фиксированной выплаты по стране составил 12,9 тыс. руб.

Очень важным является тот факт, что, по данным официальной статистики, в 2015 г. впервые с 1999 г. в России начали сокращаться пенсии в реальном выражении, т. е. с учетом инфляции. Сложившаяся ситуация существенно отличалась от ситуации предыдущего кризиса, когда за счет резкого увеличения пенсий властям удалось избежать значительного сокращения доходов населения. В 2008–2010 гг. пенсии в среднем по стране росли в номинальном выражении сразу на несколько десятков процентов в год. Этот рост существенно опережал инфляцию. В 2008 г. в реальном выражении пенсии выросли на 18%, а в 2009 г. — почти на 11%. В 2010 г. после проведенной валоризации рост с учетом инфляции достиг почти 35%.

Примечательно, что во второй половине 2015 г. произошло снижение прожиточного минимума, размер которого необходим для определения размеров стипендий, пособий и других социальных выплат. Прожиточный минимум является также ориентиром для региональных и федеральных надбавок к пенсиям. Если во II квартале 2015 г. прожиточный минимум на душу населения составлял 10 017 руб., то в III квартале он сократился до 9673 руб., а в IV квартале — до 9452 руб. При этом прожиточный минимум для пенсионеров сократился с 10 792 руб. во II квартале до 10 187 руб. в IV квартале; для трудоспособного населения — с 8210 до 7781 руб. соответственно, а для детей — с 9806 до 9197 руб. Подобные изменения позволяют снижать социальные выплаты и пенсионные надбавки, сокращая тем самым социальную нагрузку на бюджет. К тому же не идеален расчет стоимости прожиточного минимума. Его величина определяется на основании потребительской корзины и данных Росстата об уровне потребительских цен на продукты питания, непродовольственные товары и услуги. Многие эксперты критикуют утвержденную с 2013 г. систему расчета стоимости потребительской корзины. К тому же она рассчитывается без учета показателей инфляции, а исходя из стоимости конкретных продуктов питания. Поэтому в действительности фактический прожиточный минимум в России в несколько раз превышает официально установленный уровень.

Наряду с ростом дохода домохозяйств от государственных трансфертных платежей в 2015 г. по сравнению с 2014 г. был выявлен рост на 10,1% совокупного денежного и натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора, тогда как годом ранее было отмечено его сокращение на 24,9%. Поэтому, даже несмотря на отмеченный рост, величина данного дохода в 2015 г. составляла только 82,7% от показателя 2013 г. Заметим, что в 2013 г. размер совокупного денежного и натурального дохода российских домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора вырос на 15,8%.

Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора после снижения в 2014 г. почти на треть, а именно на 30,7%, в 2015 г. вырос на 10,3%. Характерно, что в предыдущие годы денежный доход от домашнего производства и неформального сектора увеличивался. Так, в 2012 г. он вырос на 20,3%, а в 2013 г. — на 16,8%. После всех этих изменений денежный доход домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора оказался лишь немного больше, чем в 2011 г. Натуральный доход домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора после снижения на 9,6% в предыдущем году в 2015 г. увеличился на 9,7%. Многие домохозяйства, обеспокоенные проблемами, связан-

ными с высокой инфляцией и низким уровнем жизни, стали проявлять стремление обеспечить семейную продовольственную безопасность за счет натурального хозяйства. Но, несмотря на отмеченный рост, натуральный доход домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора оставался на очень низком уровне, лишь немного превышая абсолютный минимум, отмеченный в 2011 г.

Помощь от родственников и благотворительная помощь после стремительного сокращения в 2014 г. на 26,5% за последний год уменьшилась еще на 2,5%. Это снижение произошло после довольно существенного увеличения в 2013 г. — на 13,9%, которое, в свою очередь, последовало после снижения на 9,3% в 2012 г. В целом в конце 2015 г. доход российских домохозяйств от частных трансфертов был почти на 42% меньше максимального значения, установленного в 2008 г.

Экономический кризис изменил денежные отношения между гражданами, которые стали реже соглашаться одалживать деньги не только друзьям и знакомым, но даже родственникам. Основная причина отказов в подобных просьбах — отсутствие денег. Поскольку доходы основной массы россиян сократились и они стали больше тратить на повседневные нужды, свободных средств у многих практически не осталось. Больше людей стали сталкиваться со случаями невозврата долгов родственниками, друзьями и знакомыми. Особенно заметной эта проблема стала в тех регионах, где граждане перегружены банковскими долгами. Причем после начала кризиса все больше граждан стали чаще обращаться за займами к своим родственникам, друзьям или знакомым. Основными причинами таких обращений были необходимость дожить до зарплаты, оплата коммунальных услуг, услуг врачей и приобретение лекарств.

Особого внимания заслуживает трехкратное сокращение в 2015 г. дохода обследованных домохозяйств от продажи личного имущества. Это падение было обусловлено не столько тем, что людям нечего было предложить для продажи, сколько снижением покупательских возможностей населения и изменением финансового поведения домохозяйств в сторону усиления сберегательных тенденций. Неясность текущей ситуации и неопределенность будущего вынудили многих россиян более рационально и осторожно подходить к использованию имеющихся финансовых и других ресурсов. После такого значительного снижения было достигнуто минимальное значение дохода от данного источника за все время наблюдений. Доход домохозяйств от сдачи личной собственности в аренду после увеличения в 2014 г. по сравнению с 2013 г. на 4,9%, в результате которого было достигнуто его максимальное значение за все время наблюдений, в 2015 г. резко сократился на 30,7%.

Что касается дивидендов, то важно еще раз напомнить, что по сравнению с другими источниками дохода домохозяйств дивиденды в наибольшей мере подвержены ежегодным колебаниям. В решающей мере это объясняется тем, что лишь некоторые респонденты в ходе опросов указывали значения данного источника дохода, тогда как абсолютное большинство опрошенных постоянно сообщали, что они не имеют доходов в виде дивидендов или страховых платежей. Но, несмотря на это, все же важно отметить, что в 2014 г. доходы обследованных домохозяйств от дивидендов резко упали более чем на 66% и оставались на таком низком уровне в 2015 г. (за последний год рост составил всего лишь 5,8%). Люди с низкими до-

ходами, число которых в условиях кризиса существенно увеличилось, объективно склонны делать выбор в пользу текущего потребления, но не открытия или пополнения счета в банке.

Данные RLMS-HSE, отражающие процентное соотношение различных источников дохода домохозяйств в период с 1992 по 2015 г., еще раз показывают, что основными источниками доходов населения на протяжении всех лет мониторинга являлись заработная плата и государственные трансфертные платежи, значимость которых за последний год, однако, изменилась разнонаправлено (см. табл. 2; рис. 3–6¹). Так, если в 2013 г. на долю дохода от данных источников приходилось 86,4% совокупного дохода российских домохозяйств, то в 2014 г. уже 87,8%, т. е. на 1,4 п. п. больше. И это было самое высокое значение, достигнутое за весь период систематических наблюдений. Вместе с тем в 2015 г. было выявлено небольшое снижение доли дохода от указанных источников до 87,2%, т. е. на 0,6 п. п.

Таблица 2

Распределение доходов по источникам, 1992–2015 гг., %

Источники доходов	1992	1998	2004	2008	2009	2011	2013	2014	2015
Доход от работы на государственных предприятиях	41,5	22,3	22,9	23,9	22,9	24,0	24,1	24,0	21,3
Доход от работы на частных предприятиях	2,3	8,0	16,9	21,1	21,3	24,1	21,4	21,4	21,2
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	5,1	5,3	4,7	3,3	3,5	3,0	2,3	2,3	2,7
Общий доход от заработной платы	48,9	35,6	44,5	48,3	47,7	51,1	47,8	47,7	45,1
Государственные трансфертные платежи	30,9	30,9	34,7	34,6	36,4	35,4	38,6	40,1	42,1
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	1,6	5,6	7,1	5,3	5,2	3,9	4,2	3,5	4,1
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	7,8	17,8	5,5	3,9	3,8	2,6	2,6	2,4	2,6
Доход от продажи личного имущества	1,2	1,0	0,5	0,4	0,4	0,4	0,2	0,4	0,1
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,0	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,4	0,4	0,3
Дивиденды	–	0,3	0,3	0,3	0,1	0,1	0,3	0,2	0,2
Помощь от родственников и благотворительная помощь	9,7	8,5	7,1	6,9	6,1	6,3	5,9	5,4	5,3
Общая сумма месячного дохода	100	100	100	100	100	100	100	100	100

¹ Данные, приведенные в таблице 2 и на рисунках 3–6, основаны на средних данных о структуре дохода по домохозяйствам и не могут быть напрямую выведены из данных о среднем доходе, содержащихся в таблице 1. При использовании цифр из таблицы 1 соотношение среднего дохода из одного источника к среднему доходу в целом будет соответствовать средневзвешенным долям дохода домохозяйства, где веса пропорциональны общему доходу каждого домохозяйства.

Из данных мониторинга, представленных в [таблице 2](#), видно, что в 2015 г. доля дохода российских домохозяйств от заработной платы продолжила свое поступательное сокращение, начатое в 2011 г., когда она была максимальной. В целом с 2011 по 2015 г. эта доля уменьшилась на 6 п. п. — с 51,1 до 45,1%. Особенно значительным ее сокращение оказалось в 2015 г., когда доля дохода домохозяйств от заработной платы за один год уменьшилась на 2,6 п. п. В то же время доля дохода российских домохозяйств от государственных трансфертных платежей продолжила не менее последовательное увеличение. С 2011 по 2015 г. она выросла на 6,7 п. п. — с 35,4 до 42,1%, в том числе за последний год — на 2 п. п. В результате отмеченного роста был достигнут новый максимум данного показателя.

Дистанция между долей дохода домохозяйств от заработной платы и долей дохода от государственных трансфертных платежей в 2015 г. сократилась до минимальных 3 п. п. (в 2014 г. — 7,6 п. п.), что стало еще одним свидетельством роста роли государственных трансфертов в обеспечении жизнедеятельности семей в условиях углубляющегося экономического кризиса. В 2013 г. доля дохода обследованных домашних хозяйств от заработной платы превышала долю дохода от государственных трансфертных платежей на 9,2 п. п., что было немного больше, чем в 2012 г. (8,3 п. п.), но существенно меньше, чем в относительно благополучном 2011 г., когда она составляла 15,7 п. п.

Если за 2014 г. доли совокупного дохода российских домохозяйств от работы на государственных предприятиях и на предприятиях частного сектора, а также на предприятиях смешанной формы собственности, практически не изменились, то в 2015 г. были отмечены некоторые важные изменения. Так, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. доля дохода домохозяйств от работы на государственных предприятиях уменьшилась на 2,7 п. п. — с 24 до 21,3%. Одновременно доля дохода от работы на частных предприятиях уменьшилась всего лишь на 0,2 п. п. (с 21,4 до 21,2%), а доля дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности увеличилась только на 0,4 п. п. (с 2,3 до 2,7%). В 2014 г. доля дохода российских домохозяйств из государственных или смешанных частно-государственных источников, включая трансферты и заработные платы, составила 66,4%, что было на 1,4 п. п. больше, чем в предыдущем году. В 2015 г. эта доля немного уменьшилась — до 66,1%, т. е. на 0,3 п. п. Общая доля денежного и натурального доходов от домашнего производства и неформального сектора за последний год увеличилась на 0,8 п. п. — с 5,9 до 6,7%.

Полные и довольно подробные данные, характеризующие общую динамику изменения удельного веса доходов от заработной платы и постоянно растущих государственных трансфертных платежей в совокупном доходе российских домохозяйств, представлены на [рис. 3](#). Они, в частности, показывают, что во время экономических кризисов роль заработной платы в формировании совокупного дохода домохозяйств снижается. Так, в 1998 г. по сравнению с 1996 г. доля дохода домохозяйств от этого источника уменьшилась на 3,3 п. п. — с 38,9 до 35,6%. В 2008 г. по сравнению с 2007 г. она сократилась с 49,6 до 48,4%, и далее в 2009 г. до 47,4%, т. е. на 2,2 п. п. И наконец, в 2015 г. по сравнению с 2013 г. доля дохода домохозяйств от заработной платы уменьшилась на 2,8 п. п. — с 47,9 до 45,1%.

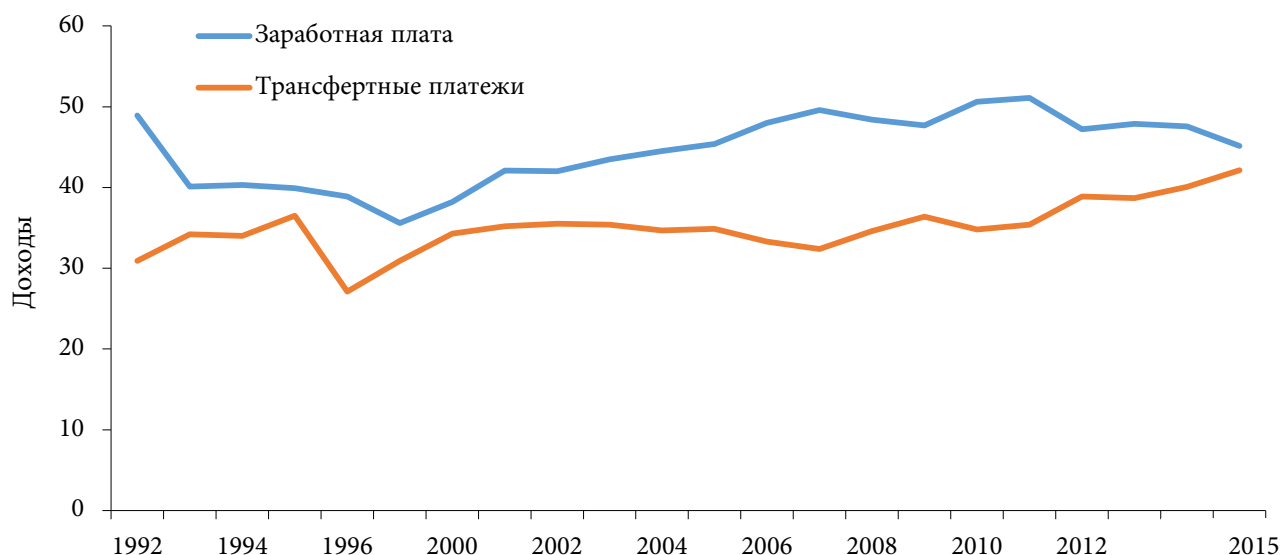

Рис. 3. Распределение доходов по источникам: заработная плата, трансфертные платежи, 1992–2015 гг., %

В то же время общий тренд изменения доли дохода домохозяйств от трансфертных платежей демонстрировал позитивную динамику на протяжении всех последних лет, независимо от того, как развивалась ситуация в российской экономике. В частности, до 2007 г. эта доля колебалась в пределах 34–35%. Исключение составляет только достаточно трудный для страны 1996 г., когда она упала до 27,1%. Но за 2007–2015 гг. она довольно последовательно выросла на 7,7 п. п., или в 1,3 раза, — с 32,4 до 42,1%, существенно приблизившись к доле дохода домохозяйств от заработной платы.

Из рис. 4 следует, что доли дохода российских домохозяйств от работы на предприятиях и организациях с разной формой собственности в последние годы менялись очень мало, что не позволяет говорить о каком-либо заметном влиянии экономического кризиса на их динамику. Так, доля дохода домохозяйств от работы на предприятиях и в организациях государственного сектора уже длительное время колеблется в границах довольно узкого коридора от 23 до 24%, и только в 2015 г. резко снизилась на 2,7 п. п.

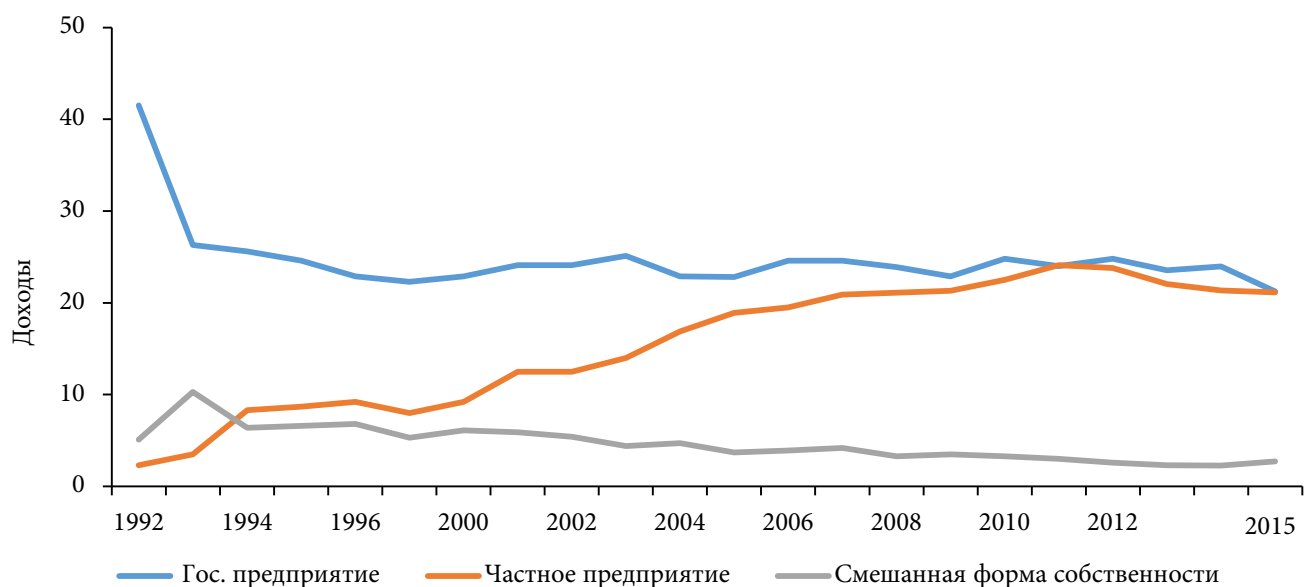

Рис. 4. Распределение доходов по источникам: государственные, частные предприятия, предприятия смешанной формы собственности, 1992–2015 гг., %

В то же время доля дохода от работы на предприятиях частного сектора, нараставшая до 2011 г., затем немного уменьшилась и в 2014–2015 гг. стабилизировалась на уровне, лишь немного превышающем 21%. Интересно, что если в 2013 г. сокращение общей доли дохода домохозяйств от заработной платы происходило главным образом за счет уменьшения доли дохода от работы на частных предприятиях, то в 2015 г. — за счет снижения доли дохода от работы на государственных предприятиях. Что касается доли дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности, то она в последние годы находилась на минимальном уровне, меняясь в пределах от 2 до 3%.

Данные мониторинга, представленные на рис. 5, демонстрируют длительные тренды сокращения значимости денежного и натурального доходов от домашнего производства и неформального сектора в формировании совокупного дохода домохозяйств. Но при этом доля денежного дохода от домашнего производства и неформального сектора на протяжении пяти последних лет колебалась в довольно узких границах от 3,5 до 4%, а натурального дохода — в пределах 2,4–2,6%.

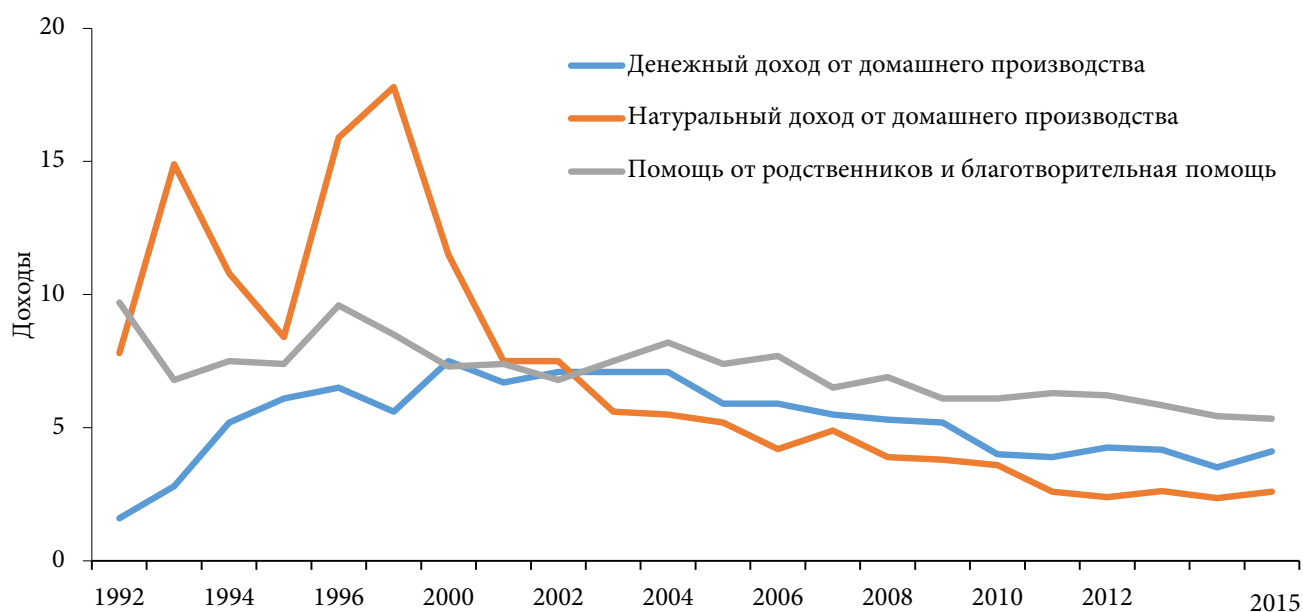

Рис. 5. Распределение доходов по источникам: денежный и натуральный доходы от домашнего производства, помощь родственников и благотворительная помощь, 1992–2015 гг., %

Обращают на себя внимание также огромные перепады в значениях доли натурального дохода, которые наблюдались на протяжении первых десяти лет мониторинга (от 8,4% в 1995 г. до 17,8% в 1998 г.). Наиболее последовательным является сокращение доли дохода российских домохозяйств от помощи родственников и благотворительной помощи, т. е. от частных трансфертов. Этот тренд очень четко прослеживается, начиная с 2004 г. В целом за 2004–2015 гг. эта доля уменьшилась на 2,9 п. п. — с 8,2 до 5,3%. Как и в предыдущем случае, влияние экономического кризиса здесь ощущается довольно слабо. Примечательно также, что после 2003 г. линии всех анализируемых трендов располагаются практически параллельно, не пересекаясь друг с другом.

Весомость наименее значимых источников дохода (доход от продажи личного имущества, доход от сдачи личной собственности в аренду и дивиденды) в формировании совокупного дохода российских домохозяйств на протяжении последних лет менялась не существенно. Как следует из данных мониторинга, представленных на рис. 6, в течение 2006–2015 гг. суммарная доля дохода от этих источников не превышала 1%. В частности, в 2015 г. она составила всего лишь 0,7% (доход от продажи личного имущества – 0,1%; доход от сдачи в аренду личного имущества – 0,3%; дивиденды – 0,2%). И это было самое низкое значение за все время наблюдений. А наибольшей доля дохода домохозяйств от этих источников была в середине 1990-х годов, когда она составляла около 2% совокупного дохода домохозяйств.

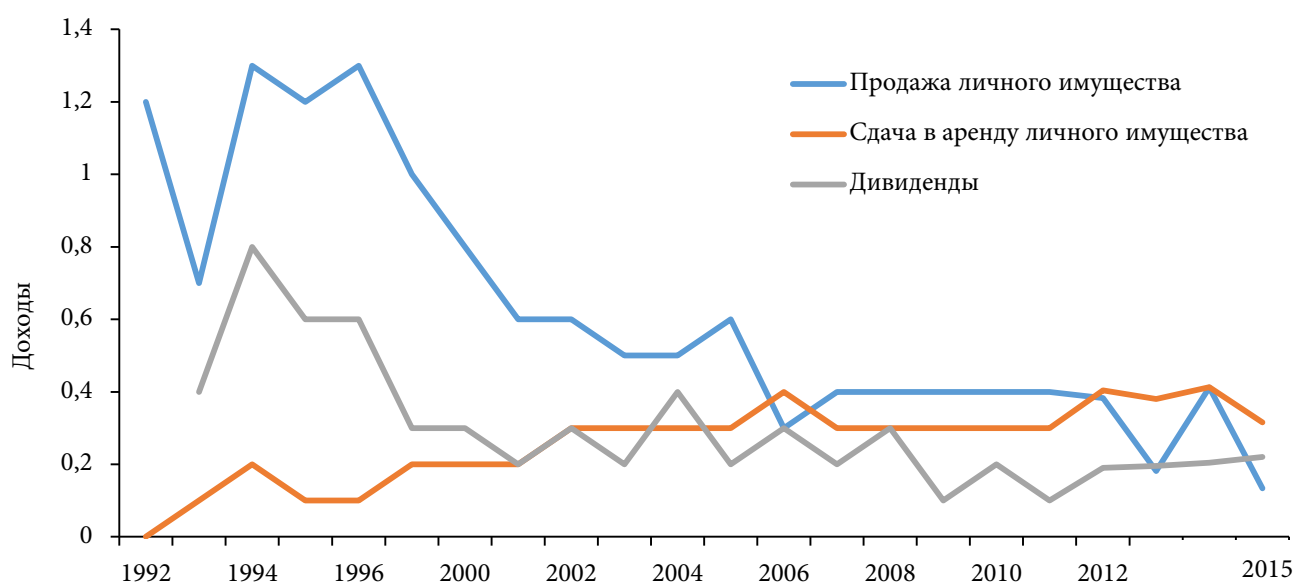

Рис. 6. Распределение доходов по источникам: продажа и сдача в аренду личного имущества, дивиденды, 1992–2015 гг., %

В таблице 3 представлены данные мониторинга о процентном соотношении обследованных домашних хозяйств, имеющих доходы из разных источников. Из этих данных можно увидеть, что в 2015 г. 64,1% российских домохозяйств получали какой-либо доход от заработной платы, что было, однако, немного меньше, чем 66,4% в 2014 г. Обращает на себя внимание и то, что с 1998 по 2010 г. доля таких домохозяйств увеличилась с 57,6 до 71,4%, т. е. на 13,8 п. п., вплотную приблизившись к максимальному значению, зафиксированному еще во время первого опроса в 1992 г. (72,4%). Но затем начался медленный спад. С 2010 по 2015 г. доля домохозяйств, располагающих доходом от заработной платы, постепенно сократилась на 7,3 п. п. – с 71,4 до 64,1%.

Как и во многие предыдущие годы, среди домохозяйств, получающих какой-либо доход от заработной платы, преобладают домашние хозяйства с доходом от работы на государственных предприятиях. Доля домохозяйств, получающих доход от работы в государственном секторе, длительное время колебалась в очень узких границах. Но в 2015 г. она резко уменьшилась до 39,6%, по сравнению с 43,7% в 2014 г., т. е. на 4,1 п. п., достигнув минимального значения за время проведения мониторинга. Заметим, что в 2013 г. по сравнению с 2012 г. доля таких домохозяйств увеличилась

на 0,5 п. п. (с 42,7 до 43,2%), и далее в 2014 г. повысилась еще на 0,5 п. п. Доля домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях и в организациях частного сектора, за последний год уменьшилась на 1,1 п. п. — с 36 до 34,9%. Примечательно, что в 2014 г. по сравнению с 2013 г. она увеличилась на 0,8 п. п. (с 35,2 до 36%). Хотя до этого данный показатель в течение двух лет уменьшался. С 2011 по 2013 г. сокращение удельного веса домохозяйств, получающих доход от работы на частных предприятиях и в организациях, составило 3,7 п. п. (с 38,9 до 35,2%). В то же время доля домохозяйств с доходом от работы на предприятиях смешанной формы собственности выросла за последний год на 0,4 п. п. — с 4,8 до 5,2%. Примечательно, что это увеличение было первым за последние несколько лет. В целом с 1996 по 2014 г. доля таких домохозяйств сократилась с 12,4 до 4,8%, т. е. более чем в 2,5 раза.

Таблица 3

Доля домохозяйств с доходом из данного источника, 1992–2015 гг., %

Источники доходов	1992	1998	2004	2008	2009	2011	2013	2014	2015
Доход от работы на государственных предприятиях	64,9	42,1	43,0	44,7	42,7	44,0	43,2	43,7	39,6
Доход от работы на частных предприятиях	5,3	16,0	28,4	35,7	35,9	38,9	35,2	36,0	34,9
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	10,5	10,7	9,0	6,8	7,2	5,7	4,8	4,8	5,2
Общий доход от заработной платы	72,4	57,6	64,1	67,2	67,7	69,9	66,7	66,4	64,1
Государственные трансфертные платежи	86,5	60,3	76,8	73,1	74,1	68,9	72,0	73,0	74,6
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	15,2	24,1	24,4	17,8	18,3	14,8	15,0	13,8	15,2
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	56,3	62,9	50,5	44,3	46,4	37,9	39,3	39,9	40,4
Доход от продажи личного имущества	3,8	2,8	1,4	0,9	1,3	1,1	0,6	1,5	0,8
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,2	0,6	1,3	1,5	1,2	1,3	1,7	1,6	1,3
Дивиденды	–	1,1	1,1	1,0	0,8	0,9	2,1	2,3	2,2
Помощь от родственников и благотворительная помощь	34,7	25,5	29,0	27,8	26,3	27,5	25,8	26,9	26,9

Отмечено дальнейшее увеличение удельного веса домохозяйств, получающих доход от государственных трансфертных платежей. С 2013 по 2014 г. их доля увеличилась с 72 до 73%, и далее в 2015 г. до 74,6%, т. е. в целом на 2,6 п. п. Такой большой процент домохозяйств с доходом от государственных трансфертов объясняется тем, что в состав значительной части российских домохозяйств входят пожилые люди, получающие доход в виде пенсии. И число таких людей в стране постоянно увеличивается, что создает серьезные проблемы для реализации целей и задач пенсионного обеспечения населения.

Представляет интерес тот факт, что количество домохозяйств с натуральным доходом от домашнего производства и неформального сектора намного превосходит число домохозяйств, располагающих соответствующим денежным доходом. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. удельный вес домохозяйств, которые получали натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора, увеличился с 39,9 до 40,4%, т. е. на 0,5 п. п. В целом этот подъем наблюдается с 2011 г., тогда как ранее доля таких домохозяйств в основном сокращалась. В кризисных ситуациях у россиян проявляется поколениями выработанный иммунитет к трудностям, возникающим с приобретением продуктов. В случае невозможности купить какие-то продукты они начинают производить их сами, решая таким нехитрым путем проблему продовольственной безопасности своей семьи. Поэтому, приспособившись к новому кризису, россияне, особенно живущие в провинции, увеличили опору на личное хозяйство. В новых обстоятельствах многие пытались просто выжить.

Что касается домохозяйств, получающих денежный доход от домашнего производства и неформального сектора, то их доля в 2015 г. по сравнению с 2014 г. увеличилась на 1,4 п. п. — с 13,8 до 15,2%. Это увеличение последовало вслед за аналогичным сокращением, выявленным в предыдущем году. Рассматривая эти данные, важно понимать, что в условиях острого экономического кризиса альтернативные способы заработка, такие как частный извоз или ремонт квартир, стали терять былую эффективность. Кризис ударил не только по формальному, но и по неформальному сектору экономики.

Несущественными остаются доли домохозяйств, получающих какой-либо доход от продажи личного имущества, от сдачи личной собственности в аренду или в виде дивидендов. В то же время в 2015 г., как и годом ранее, около 27% домохозяйств имели доход от частных трансфертов, т. е. от помощи родственников и благотворительной помощи. И в целом доля домашних хозяйств, получающих доход от данного источника, за все годы мониторинга менялась не существенно. Исключение составляет только первая половина 1990-х годов, когда удельный вес подобных домохозяйств достигал одной трети.

В [таблице 4](#) доходы российских домохозяйств классифицированы по квинтилям душевого дохода. В ней приводится общая информация об уровне реальных доходов внутри квинтилей. В выделенной строке таблицы показан средний доход по квинтилям распределения доходов в 2015 г. Нижняя часть таблицы содержит обобщенные данные за 2014 г. о размерах и источниках доходов за этот год по квинтилям.

Как следует из [таблицы 4](#), за последний год у домохозяйств первых трех квинтилей отмечен небольшой рост реальных доходов, тогда как у домохозяйств двух последних — снижение. В частности, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. средний доход двадцати процентов наименее обеспеченных домохозяйств увеличился почти на 2%, домохозяйств второго квинтиля — на 4,2%, домохозяйств третьего квинтиля — на 2,7%, тогда как средний доход домохозяйств четвертого квинтиля уменьшился на 2,1%, а двадцати процентов наиболее обеспеченных домохозяйств сократился на 6,1%. В предыдущие два года были выявлены изменения, аналогичные по направленности, но более значительные по величине, способствующие ослаблению материального неравенства. Так, в 2014 г. по сравнению с 2013 г.

в первом квинтиле реальные доходы выросли на 11%, в то время как в пятом они уменьшились почти на 15%, что сыграло решающую роль в сокращении среднего дохода всех российских домохозяйств. В 2013 г. доходы домохозяйств самого богатого квинтиля сократились на 5%, тогда как доходы домохозяйств, принадлежащих к первым четырем квинтилям, увеличились на 3,4–5,1%. Но, несмотря на все это, кризис оказывал более значительное влияние на бедные домохозяйства. Потери домохозяйств из верхнего квинтиля в относительном выражении были все же не особенно велики, а накопленные ресурсы и восстановительные возможности этих домохозяйств, как показывают исследования, гораздо выше, чем у бедных¹.

Таблица 4

Распределение источников дохода в зависимости от квинтилей душевого дохода, декабрь 2015 г., %

Источники доходов	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Доход от работы на государственных предприятиях	23,6	19,6	18,5	18,4	26,5
Доход от работы на частных предприятиях	19,4	19,9	18,3	22,8	25,5
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	2,9	2,0	1,9	2,8	4,1
Общий доход от заработной платы	46,0	41,5	38,8	44,0	56,2
Государственные трансфертные платежи	36,8	47,4	50,7	45,2	29,6
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	6,6	3,5	2,8	3,2	4,5
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	3,4	2,4	2,7	2,2	2,3
Доход от продажи личного имущества	0,1	0,0	0,1	0,1	0,4
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,2	0,2	0,1	0,3	0,8
Дивиденды	0,1	0,1	0,1	0,3	0,6
Помощь от родственников и благотворительная помощь	6,9	4,9	4,7	4,6	5,7
Средняя сумма месячного дохода, декабрь 2015 г., в руб. 2015 г.	26 562	36 035	42 068	51 915	75 643
Общий доход от заработной платы, декабрь 2014 г.	48,2	40,4	40,4	48,5	61,2
Государственные трансфертные платежи, декабрь 2014 г.	37,1	48,8	49,5	40,1	23,8
Средняя сумма месячного дохода, декабрь 2014 г., в руб. 2015 г.	26 089	34 585	40 946	53 008	80 559

Симптоматично, что в течение 2009–2011 гг. для российских домохозяйств всех квинтилей наиболее значимым источником дохода являлась заработная плата. Однако в 2012–2014 гг. для домохозяйств второго и третьего квинтилей наиболее весомым источником дохода стали постоянно растущие государственные транс-

¹ Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / под ред. Ж. Т. Гоценко. М.: ЦСПиМ, 2016. С. 51–68.

фертные платежи. В 2015 г. преобладание дохода от заработной платы было характерно только для домохозяйств полярных первого и пятого квинтилей. Особенно большую роль играет заработная плата при формировании доходов домохозяйств, принадлежащих к самому верхнему квинтилю.

За последний год доля общего дохода от заработной платы у двадцати процентов наименее состоятельных домохозяйств уменьшилась на 2,2 п. п. — с 48,2 до 46%, тогда как у двадцати процентов наиболее состоятельных домохозяйств — с 61,2 до 56,2%, т. е. на 5 п. п. В четвертом квинтиле это снижение составило 4,5 п. п. (с 48,5 до 44%), а в третьем — 1,6 п. п. (с 40,4 до 38,8%). И только во втором квинтиле было выявлено небольшое увеличение на 1,1 п. п. — с 40,4 до 41,5%.

В 2015 г. доля дохода от работы на государственных предприятиях у домохозяйств самого состоятельного квинтиля была выше, чем у домохозяйств наименее обеспеченного квинтиля, почти на 3 п. п. (26,5% против 23,6%), тогда как доля дохода от работы на частных предприятиях у домохозяйств верхнего квинтиля была выше, чем у домохозяйств нижнего квинтиля, более чем на 6 п. п. (25,5% против 19,4%). Доходы от заработной платы, поступающие от работы на государственных и частных предприятиях, оставались одинаково важными для домохозяйств большинства квинтилей. Более или менее существенные различия наблюдались только в первом квинтиле, где доля дохода от работы на государственных предприятиях заметно превосходила долю дохода от работы на предприятиях частного сектора, и в четвертом квинтиле, где наблюдалась противоположная картина. Что касается дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности, то у домохозяйств пятого квинтиля он был почти вдвое больше, чем у домохозяйств первых трех квинтилей.

Наиболее значимыми трансфертные платежи были для доходов домохозяйств трех средних квинтилей, а наименее значимыми для доходов самых обеспеченных домохозяйств. В 2015 г., как и один год назад, трансфертные платежи от государства составляли немногим более трети дохода домохозяйств в нижнем квинтиле. Далее их доля растет до половины в третьем квинтиле, но затем падает, причем особенно стремительно в последнем квинтиле. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. доля дохода от государственных трансфертных платежей у двадцати процентов наименее обеспеченных домохозяйств уменьшилась лишь на 0,3 п. п. — с 37,1 до 36,8%, в то время как у двадцати процентов наиболее обеспеченных домохозяйств эта доля увеличилась на 5,8 п. п. — с 23,8 до 29,6%. Но, несмотря на эти изменения, наименее зависимыми от государственных трансфертных платежей оставались домохозяйства верхнего квинтиля, которые в 2015 г. получали менее трети своего дохода за счет пенсий, различных социальных пособий, стипендий и т. д. Примечательно, что подобная картина наблюдалась и в 2013 г. Но если сравнивать с данными более ранних исследований, то обнаруживается рост важности трансфертных платежей для формирования доходов домохозяйств четвертого и пятого квинтилей.

Как и прежде, денежный доход от домашнего производства и неформального сектора более важен для домохозяйств первого и последнего квинтилей, тогда как натуральный доход практически в одинаковой мере значим для домохозяйств всех квинтилей. Стоит обратить внимание на тот факт, что на протяжении опросов значение домашнего производства для бедных и малообеспеченных хозяйств

существенно менялось. Так, в начале прошлого десятилетия домашнее производство и работа в неформальном секторе обеспечивали более значительную долю дохода бедных домохозяйств. В 2000 г. домохозяйства нижнего квинтиля получили из этого источника почти 23% всех доходов, а в 1998 г. эти источники обеспечили более 30% доходов данной группы. Поступление доходов в бюджет домохозяйств от продажи личного имущества, от сдачи в аренду личной собственности и в виде дивидендов, как и во все предыдущие годы, в наибольшей мере было характерно для домохозяйств самого высокодоходного квинтиля.

По данным RLMS-HSE, в 2015 г. средний доход двадцати процентов наиболее обеспеченных домохозяйств в 2,8 раза превышал средний доход двадцати процентов наименее обеспеченных домохозяйств. Это было немного меньше, чем трехкратное превышение, зафиксированное в 2014 г., и четырехкратное превышение, выявленное в 2013 г. Таким низким, как в 2015 г., данный показатель не был ни разу за весь период проведения мониторинга. Подобное снижение может свидетельствовать об определенном выравнивании доходов большей части населения, но на низком уровне. Следует также заметить, что уменьшение разрыва в уровне доходов, но с определенными перепадами, отмечалось начиная с 1998 г., когда доходы домохозяйств в высшем доходном квинтиле были в 7,5 раза больше доходов беднейших домохозяйств. В 2005 г. этот разрыв составлял 5,2 раза, но к 2008 г. вырос до 6,7 раза. В дальнейшем он сократился до 4,1 раза в 2011 г., но в 2012 г. немного вырос — до 4,6 раза.

Сопоставление доходов домохозяйств, принадлежащих к соседним квинтилям, показало, что по уровню доходов большим остается отрыв домохозяйств верхнего квинтиля от домохозяйств ближайшего четвертого квинтиля, который с 2008 по 2011 г. сократился с 2,2 раза до 1,8 раза. В 2012 г. был выявлен новый рост этого разрыва до 2 раз, который, однако, в 2013 г. сменился снижением до 1,8 раза, и в 2014–2015 гг. — до 1,5 раза. Отрыв домохозяйств второго квинтиля от домохозяйств первого квинтиля сократился с 1,5 раза в 2013 г. до 1,3 раза в 2014 г., но в 2015 г. увеличился до 1,4 раза. Другие аналогичные показатели за последний год практически не изменились. Так, в 2014 г. отрыв домохозяйств третьего квинтиля от домохозяйств второго квинтиля и отрыв домохозяйств четвертого квинтиля от домохозяйств третьего квинтиля сохранился на уровне 1,2 раза.

В [таблице 5](#) представлено распределение обследованных домашних хозяйств, получающих доход от заработной платы из разных источников, по квинтилям душевого дохода. Из данных таблицы хорошо видно, что в последние годы сложилась довольно устойчивая картина квинтильной дифференциации домохозяйств по доходам от заработной платы.

В 2015 г., как и в 2014 г., домохозяйства с наибольшими доходами указывали работу на частном предприятии в качестве источника дохода почти в 1,5 раза чаще, чем домохозяйства с наименьшими доходами. Примечательно, что 10 лет назад данный разрыв достигал более чем 2,5 раза. Обращает на себя внимание и тот интересный факт, что доля домохозяйств с доходом из данного источника в первых трех квинтилях примерно одинакова и увеличивается только в четвертом квинтиле. В 2015 г. немногим более 40% всех домохозяйств верхнего квинтиля получали доход от заработной платы из частных источников, и около половины

из государственных, что было меньше, чем в 2014 г. Удельный вес российских домохозяйств, получающих доход от заработка на смешанных государственно-частных предприятиях, нарастает с 4–5% в первых трех квинтилях до 8% в самом верхнем квинтиле.

Таблица 5

Процент домохозяйств с доходом из данного источника, по квинтилям дохода, 2006–2015 гг., %

Источники дохода	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Октябрь 2006					
Доход от работы на государственных предприятиях	35,4	36,9	45,2	52,1	54,4
Доход от работы на частных предприятиях	20,5	22,3	29,0	40,9	50,5
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	3,9	6,5	8,0	10,6	8,9
Ноябрь 2008					
Доход от работы на государственных предприятиях	34,0	36,8	44,6	56,5	51,7
Доход от работы на частных предприятиях	20,5	23,2	36,5	44,3	53,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,4	5,5	6,6	8,3	9,4
Ноябрь 2010					
Доход от работы на государственных предприятиях	40,4	32,9	43,1	48,6	52,5
Доход от работы на частных предприятиях	26,0	27,9	33,2	39,7	52,7
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,8	5,2	8,5	9,5	8,2
Декабрь 2014					
Доход от работы на государственных предприятиях	44,0	36,5	36,6	47,9	54,2
Доход от работы на частных предприятиях	32,2	31,1	32,2	37,6	47,2
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	2,9	3,5	4,6	5,3	7,7
Декабрь 2015					
Доход от работы на государственных предприятиях	39,8	36,2	34,4	37,7	50,8
Доход от работы на частных предприятиях	30,5	33,0	30,0	38,5	42,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,9	3,7	3,7	6,0	8,2

Данные Росстата демонстрируют аналогичные тенденции, свидетельствующие о некотором сокращении неравенства по доходам в России. Так, с 2014 по 2015 г. децильный коэффициент фондов, т. е. разрыв в доходах между 10% самых богатых граждан и 10% самого бедного населения, сократился с 16 до 15,6 раза. Напомним, что до 2007 г. включительно данный показатель только нарастал, достигнув своего максимума в 16,7 раза. В 2008–2010 гг. этот рост приостановился на уровне 16,6 раза, что было связано с определенным влиянием финансово-экономического кризиса, а затем было отмечено его медленное снижение. Аналогичным образом менялся коэффициент Джини (индекс концентрации доходов), свидетельствующий о степени расслоения общества. С 2000 по 2007 г. он вырос с 0,395 до 0,422; в 2008–2010 гг. стабилизировался на уровне 0,421 и затем начал снижаться. С 2013 по 2014 г. данный коэффициент уменьшился с 0,419 до 0,416, и далее в 2015 г. — до 0,412. Небольшие, но схожие изменения были отмечены при сопоставлении данных, характеризующих распределение денежных доходов по 20-процентным группам населения. В частности, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. доля денежных доходов, приходящихся на первую группу (с наименьшими доходами), увеличилась с 5,2 до 5,3%, приходящихся на вторую группу — с 9,9 до 10%, приходящихся на третью группу — с 14,9 до 15,1%, приходящихся на четвертую группу — с 22,6 до 22,8%. И только в пятой группе (с наибольшими доходами) было отмечено сокращение с 47,4 до 47%. Таким образом, в 2015 г. на долю двадцати процентов россиян с наименьшими доходами приходилось всего лишь 5,3% общего объема денежных доходов населения, тогда как на долю двадцати процентов граждан с наибольшими доходами почти половина, а именно — 47%.

По данным RLMS-HSE, доля домохозяйств с доходом ниже прожиточного минимума в 2015 г., как и годом ранее, составила 1,8%, в том числе домохозяйств с доходом меньше половины прожиточного минимума — 0,9% и с доходом от 50 до 100% прожиточного минимума — 0,9%. Жили в семьях с доходом меньше прожиточного минимума только 2,4% детей в возрасте до 7 лет и 0,5% всех пенсионеров. В то же время, согласно данным Росстата, число людей с доходами ниже прожиточного минимума составляло более 15 млн человек, или около 11% населения. И еще около 30% граждан вплотную подошли к черте бедности.

Но, как уже не раз отмечалось, такой подход искажает реальную картину бедности. В действительности очень многие из тех семей, которые находятся выше этой условной черты, живут в крайне сложных материальных условиях и довольствуются только самым необходимым. Если использовать другие, более точные критерии, то оказывается, что за годы кризиса доля бедных семей существенно увеличилась. В этом убеждают исследования Института социологии РАН, которые показывают, что в 2014–2015 гг. численность бедных, по сравнению с предкризисными 2012–2013 гг., увеличилась в России вдвое и составила в октябре 2015 г. около 25% всего населения. По мнению исследователей, к двукратному расширению группы бедных в условиях экономического кризиса привели два параллельно сработавших комплекса причин. С одной стороны, это была «оптимизация» экономики, которая привела к увольнению наименее эффективной, но квалифицированной рабочей силы, в основном мужчин. С другой стороны, скачок цен, который произошел в условиях стагнирующих зарплат, способствовал тому, что многие из тех, чей уровень дохода лишь немного превышал накануне кризиса

прожиточный минимум, оказались в числе бедных¹. Заслуживает внимания тот факт, что увеличение количества бедных не привело к ожидаемому снижению численности среднего класса².

На рис. 7 подробно представлены изменения в распределении душевого дохода в период с декабря 2014 г. по декабрь 2015 г. Здесь отражено соотношение реального дохода от каждого процентиля в 2015 г. к реальному доходу того же процентиля в 2014 г. Рассматривая приведенные данные, следует иметь в виду, что на рисунке представлены данные душевого дохода, в то время как в предыдущих графиках и таблицах использованы данные по доходам домохозяйств.

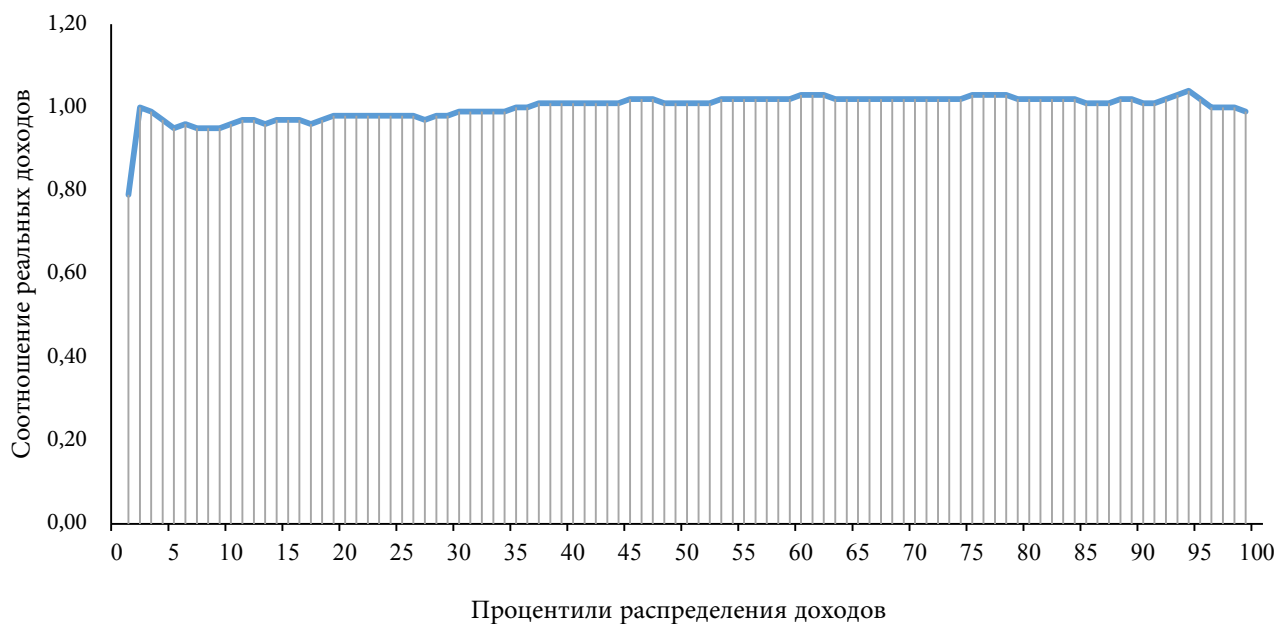

Рис. 7. Соотношение роста доходов каждого процентиля (реальный доход процентиля в 2015 г., деленный на реальный доход процентиля в 2014 г.), декабрь 2014 г. – декабрь 2015 г.

Как следует из рис. 7, в 2015 г. реальный душевой доход практически не изменялся во всех процентилях (в сравнении с доходами в 2014 г.). Более или менее заметный спад был отмечен только в самых нижних по душевому доходу процентилях.

На рис. 8 рассматриваются различия в показателях душевых доходов населения по данным RLMS-HSE и Росстата. Показатели Росстата свидетельствуют о значительных колебаниях в уровне реальных доходов населения. Но при этом результаты RLMS-HSE, как и прежде, демонстрируют более низкий среднедушевой доход, чем соответствующие данные Росстата. Многие значительные колебания могут быть объяснены получением «тринадцатой зарплаты» в конце декабря каждого года, поскольку в течение всех лет, представленных на рисунке, в конце года отмечаются значительные колебания доходов.

На рис. 8 показан также медианный душевой доход домохозяйств по данным RLMS-HSE. На момент проведения каждого опроса RLMS-HSE медианный душевой доход оказывался на 20–30% ниже среднедушевого дохода. Величина среднего дохода на душу не отражает действительного уровня доходов большей части населения России. Например, в октябре 2015 г. средний душевой доход, по данным RLMS-HSE,

¹ Российское общество и вызовы времени. Кн. 3 / М. К. Горшков [и др.]; под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. С. 201–224.

² Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. С. 15–37.

был равен 20 800 руб., в то время как медианный душевой доход составлял только 17 580 руб., т. е. превышение составляло 18,3%. Примерно таким же это превышение, достигающее 20,4%, было в 2014 г. (18 310 руб. и 15 206 руб. соответственно).

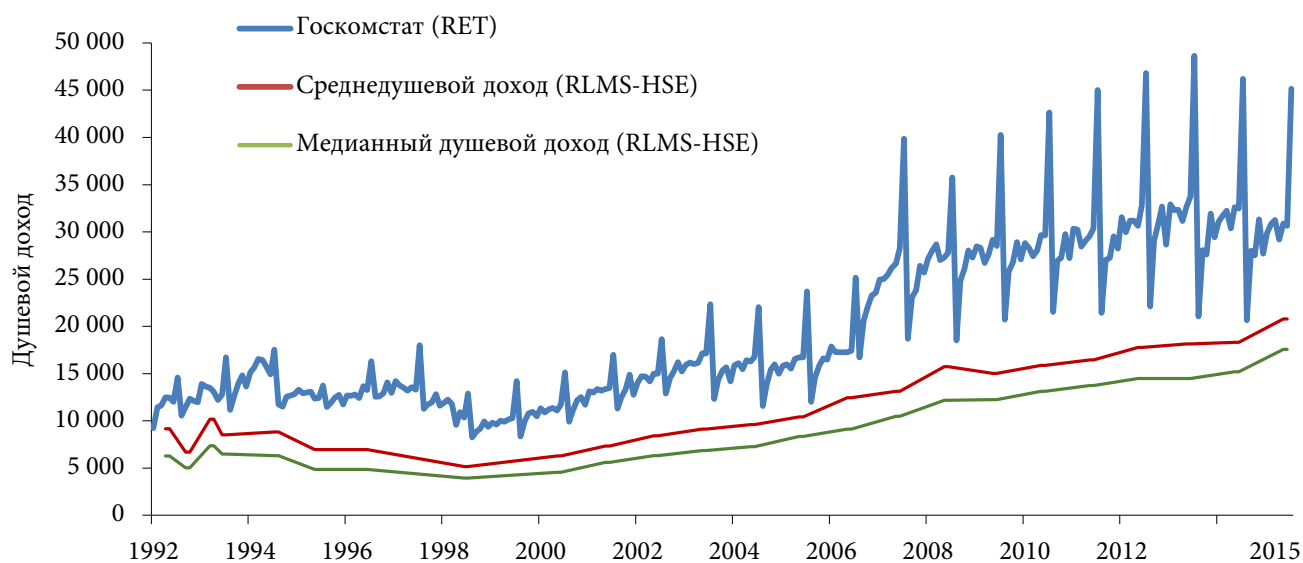

Рис. 8. Сравнение показателей душевых доходов по данным RLMS-HSE и Росстата, ежемесячный доход на душу населения, 1992–2015 гг., в руб. 2015 г.

Таким образом, в 2015 г. население России жило и трудилось под давлением ухудшившихся внешних условий и очередного экономического кризиса, важнейшими последствиями которого стали разогнавшаяся инфляция и возросший курс доллара, которые оказали сильное влияние на уровень жизни россиян. Было отмечено дальнейшее сокращение реальных доходов домохозяйств, темпы которого были, однако, существенно ниже, чем в 2014 г. Темпы сокращения доходов домохозяйств от работы на государственных предприятиях намного опережали темпы сокращения доходов от работы на предприятиях частного сектора. Но в то же время продолжился рост трансфертных платежей и повышение их значимости при формировании совокупного дохода домохозяйств. Выявленные изменения в распределении доходов способствовали ослаблению социального неравенства, которое, однако, остается очень глубоким. Довольно высокой является доходная дифференциация домохозяйств, снижающая «запас прочности» многих семей в условиях углубившегося экономического кризиса. На общую дифференциацию доходов в стране накладываются глубокие региональные и поселенческие неравенства.

Расходы домохозяйств

Снижение реальных доходов населения, которое стало ощущаться с началом экономического кризиса, неизбежно привело к замедлению роста потребления. Уже в конце 2014 г. российский потребитель в полной мере начал непосредственно на себе ощущать негативные последствия кризиса. Еще более тяжелая ситуация с доходами, сложившаяся в 2015 г., неизбежно повлекла за собой дальнейший спад потребительского спроса. Если в первые месяцы экономического кризиса семьи еще не были готовы жертвовать уровнем своего потребления и для его поддержа-

ния использовали часть сбережений, то летом и осенью 2015 г. картина заметно изменилась. Спад потребления домохозяйств существенно превысил сокращение реальной заработной платы. К концу года стало полностью ясно, что население уже приготовилось к периоду многолетней депрессии в экономике и неопределенности в отношении своих будущих доходов и расходов.

Как показывает анализ данных мониторинга, начиная с 2013 г. отмечалось сначала замедление темпов роста расходов российских семей, а затем их резкое снижение. Если в 2012 г. по сравнению с 2011 г. ежемесячные расходы домашних хозяйств на приобретение продуктов питания и непродовольственных товаров выросли более чем на 14%, то в 2013 г. по сравнению с предыдущим годом — только на 1,2%, а в 2014 г. — всего лишь на символические 0,2%. Как следует из [таблицы 6](#), в 2015 г. было отмечено значительное сокращение этих расходов, которое составило почти 8%. К концу 2015 г. подавляющее большинство российских семей перешли к режиму экономии, начали более тщательно подходить к выбору и покупке продовольственных и других товаров.

Существенное сокращение расходов домохозяйств, отмеченное в 2015 г., произошло главным образом за счет еще более значительного падения расходов на непродовольственные товары. Изменение ежемесячных расходов российских домохозяйств на непродовольственные товары (в реальном выражении) на протяжении последних лет демонстрировало негативную динамику. Если в 2012 г. по сравнению с 2011 г. они выросли на 19,5%, то в 2013 г. по сравнению с предыдущим годом — только на 1,4%. В 2014 г. они практически не изменились, а в 2015 г. резко упали почти на 12%. В то же время ежемесячные расходы российских домохозяйств на продукты питания в 2015 г. по сравнению с 2014 г. увеличились приблизительно на 2%, что было немного больше, чем в предыдущие годы. Так, в 2014 г. совокупные расходы домохозяйств на продукты питания продемонстрировали минимальный рост, равный 0,8%. Примерно таким же этот рост, составивший всего лишь 0,6%, был и в 2013 г.

В целом российские домохозяйства тратили в 2015 г. на продукты питания лишь немного больше, чем во время предыдущего экономического кризиса 2008–2009 гг. В течение последнего года произошло небольшое увеличение расходов на молочные продукты, фрукты и овощи, продукты домашнего изготовления, картофель и хлебобулочную продукцию, тогда как расходы на мясо, птицу и рыбу практически не изменились, а траты на алкоголь и питание вне дома, т. е. на питание в ресторанах, кафе, барах, столовых и других пунктах общественного питания, — снизились.

Так, ежемесячные расходы домохозяйств на молочные продукты за последний год увеличились на 6,4%, продолжив длительную тенденцию роста, которая берет свое начало еще в 1998 г. С 2008 г., т. е. с начала предыдущего экономического кризиса, размер этих расходов вырос почти на четверть, а именно на 22,6%. Менее последовательно увеличивались расходы российских домохозяйств на мясо, птицу и рыбу. В 2015 г. по сравнению с предыдущим годом их размер практически не изменился. Вместе с тем в 2014 г. был отмечен рост этих расходов на 6,2%, который последовал непосредственно за увеличением на 3,5%, выявленным годом ранее. В целом в 2015 г. по сравнению с 2008 г. расходы российских домохозяйств на мясо, птицу и рыбу выросли более чем на 10%. Ежемесячные расходы российских домохозяйств на фрукты и овощи в 2015 г. по сравнению с 2014 г. увеличились на 7,9%. Это увеличение последовало вслед за сокращением данной статьи расходов в 2014 г. на 3,4% и в 2013 г. на 7,8%. В целом в 2015 г. расходы на фрукты и овощи были на 7,4% больше, чем в 2008 г.

Таблица 6

Ежемесячные расходы домохозяйств по отдельным статьям, 1992–2015 гг., в руб. декабря 2015 г.

Категории расходов	1992	1998	2004	2008	2011	2014	2015
Расходы на продукты питания							
Молочные продукты	1239	788	1012	1383	1496	1594	1696
Мясо, птица, рыба	4112	2306	3143	4210	4219	4636	4633
Картофель	537	120	334	276	236	193	212
Хлеб	1968	1349	1288	1220	954	1015	1082
Фрукты, овощи	2011	601	1073	1453	1361	1248	1346
Прочие продукты питания	5249	2312	2321	2720	2542	2437	2821
Питание в столовых, ресторанах, кафе	858	650	1490	2066	2174	2342	2054
Продукты домашнего изготовления	1794	2465	1512	1597	1364	1410	1462
Алкоголь	993	383	448	497	454	540	417
Всего расходов на продукты питания	18 761	10 982	12 620	15 422	14 723	15 413	15 719
Расходы на непродовольственные товары							
Табачные изделия	527	392	414	478	601	812	889
Одежда	2821	2085	2425	3606	3020	2894	2585
Горючее, топливо*	365	500	1076	1634	1702	1861	1812
Электроника и др. товары длительного пользования	1466	1640	4020	7337	5945	6623	4415
Услуги и отдых	460	2226	4299	7530	7079	5482	5369
Оплата обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам	1236	641	1125	5166	6150	10 320	9054
Оплата жилья и коммунальных услуг	383	843	1781	3296	4035	4335	4158
Акции, облигации	175	6	0	0	21	3	6
Различные товары (мыло, игрушки, газеты и т. п.)	1674	–	773	1088	1104	1021	1036
Сбережения	570	589	935	2112	2211	1968	1833
Всего расходов на непродовольственные товары	9673	8922	16 851	32 251	32 236	39 033	34 382
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары	28 434	19 901	29 470	47 676	46 956	54 449	50 105

*Начиная с декабря 1994 г., категория «Топливо» включает в себя бензин, газ в баллонах и дрова. Во время предыдущих опросов газ в баллонах и дрова учитывались в категории коммунальных услуг. Опросы указанных выше годов показывают долю каждого вида топлива: 12/1994: бензин – 49%, дрова – 19%, газ в баллонах – 32%; 10/1996: бензин – 56%, дрова – 18%, газ в баллонах – 26%; 11/1998: бензин – 58%, дрова – 16%, газ в баллонах – 26%; 10/2000: бензин – 71%, дрова – 11%, газ в баллонах – 18%; 10/2002: бензин – 72%, дрова – 11%, газ в баллонах – 17%; 10/2003: бензин – 71%, дрова – 13%, газ в баллонах – 16%; 10/2004: бензин – 73%, дрова – 13%, газ в баллонах – 13%; 10/2005: бензин – 73%, дрова – 14%, газ в баллонах – 13%; 10/2006: бензин – 75%, дрова – 12%, газ в баллонах – 12%; 10/2007: бензин – 77%, дрова – 12%, газ в баллонах – 11%; 11/2008: бензин – 83%, дрова – 10%, газ в баллонах – 7%; 11/2009: бензин – 84%, дрова – 9%, газ в баллонах – 7%. 12/2010: бензин – 85%, дрова – 9%, газ в баллонах – 7%; 12/2013: бензин – 88,6%, дрова – 7,6%, газ в баллонах – 3,8%; 12/2014: бензин – 88,5%, дрова – 7,4%, газ в баллонах – 4,2%; 12/2015: бензин – 89,4%, дрова – 6,9%, газ в баллонах – 3,7%.

Увеличение расходов домохозяйств на эти и некоторые другие продукты питания, отмеченное в период экономического кризиса, было связано не с ростом потребления (наоборот, потребление снизилось), а с резким взлетом цен на эти продукты. Причем на фоне снижающегося потребления цены на овощи и фрукты росли гораздо быстрее, чем на молоко, мясо, птицу и рыбу. Именно этим обстоятельством можно объяснить то, что в течение последних двух лет расходы домохозяйств на плодоовощную продукцию росли заметно быстрее, чем на мясо, птицу, рыбу и некоторые другие продукты.

Исследование выявило также увеличение в 2015 г. по сравнению с 2014 г. расходов обследуемых домохозяйств на хлебобулочную продукцию на 6,6%, хотя в предыдущие годы эта статья расходов чаще сокращалась. Обращает на себя внимание также тот интересный факт, что в 2014 г. наиболее значительным, достигающим 44%, было падение расходов обследованных домохозяйств на картофель. Вместе с тем в 2015 г. эти расходы вновь выросли, но только на 9,8%, оставаясь на 23,2% меньше, чем в 2008 г., и на 36,5% меньше, чем в 2004 г.

Подобные большие перепады, зачастую следующие год за годом, можно объяснить той огромной ролью, которую играет картофель в формировании потребительских ориентаций россиян. О роковом влиянии картофеля на инфляцию уже неоднократно заявляли многие известные экономисты, утверждая, что рост цен на картофель очень часто провоцирует инфляционные всплески на продовольственном рынке, равно как следствием хорошего урожая картофеля становится замедление роста цен. Так, замедление роста цен на продовольствие весной 2016 г. специалисты Центробанка объясняли именно действием разовых благоприятных факторов, к числу которых относится хороший прошлогодний урожай картофеля.

В трудных условиях увеличились также расходы российских домохозяйств на продукты домашнего изготовления. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. они выросли на 3,7%. Заметим, что в 2013 г. они также увеличивались. Рост составил 10,5%. Но, несмотря на это увеличение, в 2015 г. расходы обследованных домохозяйств на продукты домашнего изготовления оставались на 8,5% меньше, чем в 2008 г., и на 40,7% меньше, чем в далеком 1998 г.

Как и прежде, значительными остаются ежегодные колебания расходов российских домохозяйств на алкоголь. Так, в 2010 г. по сравнению с предыдущим годом они увеличились почти на 17%, но уже в 2011 г. уменьшились на 7%. Затем в 2012 г. они резко взлетели на 30%, но в 2013 г. вновь снизились на 13,6%. И наконец, в 2014 г. было отмечено очередное увеличение на 6,2%, а в 2015 г. новое падение на 22,8%. Указанные перепады во многом объясняются ответной реакцией населения на меры, которые предпринимает правительство по регулированию этой сферы экономики, решая задачи по снижению алкоголизации населения и повышению уровня здоровья нации. Вместе с тем самое последнее и весьма существенное уменьшение расходов российских домохозяйств на алкоголь, зафиксированное в 2015 г., объясняется главным образом снижением покупательской способности населения, которое обусловлено негативными последствиями глубокого экономического кризиса.

Одним из негативных последствий нынешних экономических трудностей, являющихся постоянным спутником экономических кризисов, стало значительное сокращение расходов домохозяйств на питание вне дома (в столовых, ресторанах, кафе, барах и т. п.), которое в 2015 г. по сравнению с 2014 г. составило 12,3%. В результате такого существенного сокращения, наблюдающегося на фоне роста цен на услуги общепита, расходы на питание вне дома опустились до уровня кризисного 2008 г.

В 2015 г. рынок общественного питания переживал в России очень трудные времена. В крупных городах с рынка ушло большое количество участников, во многих населенных пунктах заметно снизилась посещаемость заведений общественного питания, а также стоимость среднего посещения заведений. В сложных условиях россияне стали реже ходить в рестораны. Так, по данным специальных исследований, в 2012–2013 гг. доля людей, посещавших рестораны, постепенно увеличивалась, но в 2015 г. она вернулась к уровню 2010–2011 гг. и составила около 8%. Специалисты объясняют это тем, что посещение ресторанов в период острого экономического кризиса стало для многих граждан очень обременительным для их бюджета. И в то же время люди стали чаще заходить в кофейни, доля посетителей которых выросла с 17% в 2014 г. до 20% в 2015 г.¹

По данным Росстата, в 2015 г. оборот в сегменте общественного питания снизился почти на 6%. Рост оборота наблюдался лишь в нескольких регионах (Тульская и Воронежская области, республики Мордовия и Хакасия). В то же время в большинстве регионов отмечался серьезный кризис на рынке общепита. Хотя нельзя не заметить, что, несмотря на банкротства, на рынке постоянно появлялись новые участники. По итогам 2015 г. цены в этом сегменте увеличились на 11,6% по сравнению с 2014 г. Падение доходов населения, инфляция и продуктовое эмбарго заставили бизнес пересматривать направления развития, сменить поставщиков, сделать выбор между «серыми» схемами поставок из стран ближнего зарубежья или импортозамещением. Эти же причины подталкивали бизнес к использованию местных продуктов. Но если в целом в России рынок общественного питания стагнировал, то в отдельных секторах наблюдался устойчивый рост. Наиболее убедительным примером может служить позитивная динамика в таком сегменте, как фастфуд. В сегменте быстрого питания, так же, как и в ресторанах высокой кухни, основная ставка делалась на местного производителя.

Что касается различных групп непродовольственных товаров, то наибольшим оказалось снижение расходов домохозяйств на электробытовую технику и другие дорогостоящие товары длительного пользования (автомобиль, мебель, предметы интерьера, ювелирные изделия и т. п.). За последний год они упали на рекордные 33,3%. В 2013 г. по сравнению с 2012 г. эти расходы уменьшились на 12,2%, а в 2014 г. по сравнению с 2013 г. — еще на 10,6%. После всех этих и других снижений и повышений они оказались почти на 40% меньше, чем в 2008 г.

Менее существенным оказалось в 2015 г. сокращение трат домохозяйств на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам, которое составило 12,3%. Это снижение примечательно тем, что оно оказалось первым,

¹ Потребительское поведение: из ресторанов — в кофейни // Эксперт. 2016. № 24. С. 8.

начиная с 1998 г. До самого последнего времени расходы на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам только росли, достигнув максимума в 2014 г. В частности, в 2014 г. по сравнению с предыдущим годом они выросли на 17,4%. Примерно таким же рост расходов на эту группу услуг был в 2013 г. В целом за 1998–2014 гг. они последовательно, от года к году, выросли более чем в 16 раз.

Довольно существенным было также сокращение расходов российских домохозяйств на приобретение одежды и обуви. В 2015 г. по сравнению с прошлым годом они снизились на 10,7%. Темпы этого снижения были примерно вдвое выше, чем в 2014 г., когда расходы домохозяйств на покупку одежды и обуви сократились на 5,5%. В целом в 2015 г. эти расходы были на 28,3% меньше, чем в 2008 г., когда они достигали одного из самых высоких значений, и даже на 8,4% меньше, чем в очень и очень далеком 1992 г.

Особого внимания заслуживает сокращение реальных расходов обследованных домохозяйств на оплату жилья и коммунальных услуг, которое в 2015 г. по сравнению с предыдущим годом составило 4,1%. По сути это было первое снижение за все время систематических наблюдений в рамках мониторинга, что, возможно, объясняется ростом задолженностей домохозяйств по оплате жилья и коммунальных услуг в кризисных условиях. Многие семьи просто перестали оплачивать эти услуги, ссылаясь на отсутствие достаточных средств. До этого, с 1992 по 2014 г., расходы домохозяйств на оплату жилья и коммунальных услуг выросли более чем в 11 раз.

Менее существенным было сокращение расходов на топливо и горючее, а также на услуги и отдых. Так, в 2015 г. расходы на топливо и горючее по сравнению с 2014 г. уменьшились на 2,6%. В 2015 г. они были на 11% больше, чем в 2008 г., и в 5 раз больше, чем в 1998 г. Расходы российских домохозяйств на услуги и отдых снизились в 2015 г. по сравнению с предыдущим годом на 2,1%. В 2015 г. эти расходы были на 20,7% меньше, чем в 2008 г., но почти в 12 раз больше, чем в 1998 г. Это снижение непосредственно связано с падением объема платных услуг, которое охватило практически все их группы. Едва ли не единственным исключением стало увеличение потребления платных медицинских услуг, которые за время кризиса заметно подорожали. Население продолжало наращивать расходы на платную медицину вопреки кризису и инфляции.

В 2015 г. продолжилось сокращение расходов домохозяйств на сбережения. Если в 2014 г. по сравнению с 2013 г. они уменьшились на 8,3%, то в 2015 г. по сравнению с 2014 г. — на 6,9%. До 2013 г. сокращение этой расходной статьи бюджета домохозяйств прерывалось только один раз — в 2009 г., когда она уменьшилась на 3,5%. В 2015 г. расходы на сбережения были на 13,2% меньше, чем в 2008 г., но в 3,2 раза больше, чем в 1998 г.

Едва ли не единственными статьями расходов домохозяйств, в отношении которых был отмечен рост, явились траты на табачные изделия и на различные товары повседневного спроса, такие как мыло, шампунь, игрушки, газеты, журналы и т. п. Так, расходы домохозяйств на табачные изделия увеличились в 2015 г. по сравнению с 2014 г. почти на 10%. Хотя нельзя пройти мимо того интересного факта, что темпы этого роста были существенно меньше темпов, зафиксирован-

ных в 2014 г., когда данные расходы увеличились на 17,8%. В целом за 1998–2014 гг. расходы на табачные изделия выросли в 2,3 раза, что было обусловлено не увеличением количества курильщиков и ростом потребления курящими всевозможной табачной продукции, а постоянным повышением цен на табак и табачные изделия. В то же время расходы на различные товары повседневного спроса увеличились за последний год только на 1,5%. В 2015 г. они были на 4,8% меньше, чем в 2008 г., и на 38,1% меньше, чем в 1998 г.

Если оценивать ситуацию в целом, то можно заключить, что в 2015 г. спад потребления домохозяйств значительно превысил сокращение реальной зарплаты. Многие российские семьи существенно сократили свои траты, ожидая дальнейшего ухудшения экономической ситуации и условий жизни. Наиболее массовыми покупками последнего времени у таких семей стали одежда и обувь. В результате потребительский выбор на рынке одежды и обуви резко сместился в самые нижние ценовые сегменты. То есть россияне не перестали покупать одежду и обувь, но многие из них перестали покупать дорогую одежду и обувь.

Известно, что при снижении доходов потребители имеют свойство менять свои привычки. Они стремятся переходить из линейки более дорогих товаров в сторону более дешевых, что воспринимается как экономия. Самыми популярными статьями для экономии оказались развлечения, досуг, путешествия и деликатесы. Немало россиян стало экономить на обычной еде и алкоголе. Причем значительно реже, чем в среднем по населению, это демонстрировали представители высокодоходных групп россиян. Очень часто они даже повышали такие траты, заменяя тем самым походы в рестораны, бары, кафе и другие подобные заведения. Но в то же время потребление верхнего слоя среднего класса снизилось из-за негативных ожиданий сокращения рабочих мест, невыплат премий и бонусов, а также отсутствия некоторых наименований продуктов, на которые раньше магазины делали главную ставку. Быстрого восстановления потребительского спроса не предвиделось, поскольку из-за неясной социально-экономической ситуации большинство россиян не планировали крупных покупок в следующем году.

В 2015 г. были прерваны долгосрочные тенденции нарастания в структуре ежемесячных расходов обследованных домохозяйств доли расходов на непродовольственные товары и соответствующего сокращения удельного веса расходов на продукты питания, которые получили развитие в середине 1990-х годов¹. Из рис. 9 следует, что до самого последнего времени средняя доля расходов на продукты питания почти монотонно снижалась: с 1992 по 2014 г. она упала с 72,6 до 39,1%, т. е. в 1,9 раза, тогда как удельный вес расходов на непродовольственные товары не менее поступательно вырос с 27,4 до 60,9%. Однако в 2015 г. эти тенденции получили противоположное развитие. Доля расходов домохозяйств на продукты питания увеличилась сразу на 2,4 п. п. — до 41,5%, а доля расходов на непродовольственные товары снизилась на ту же величину — до 58,5%. В результате указанных перемен разрыв между анализируемыми значениями в 2015 г. по сравнению в 2014 г. уменьшился с 21,8 до 17 п. п.

¹ Средние по статьям расходов получены путем расчета средних отдельно по каждой статье по всем домохозяйствам в выборке. Соотношение средних расходов соответствует взвешенным средним данным долей в бюджете, где веса пропорциональны общим расходам домохозяйства. Расходы на одежду, электронику и другие товары длительного пользования учитывались за трехмесячный срок.

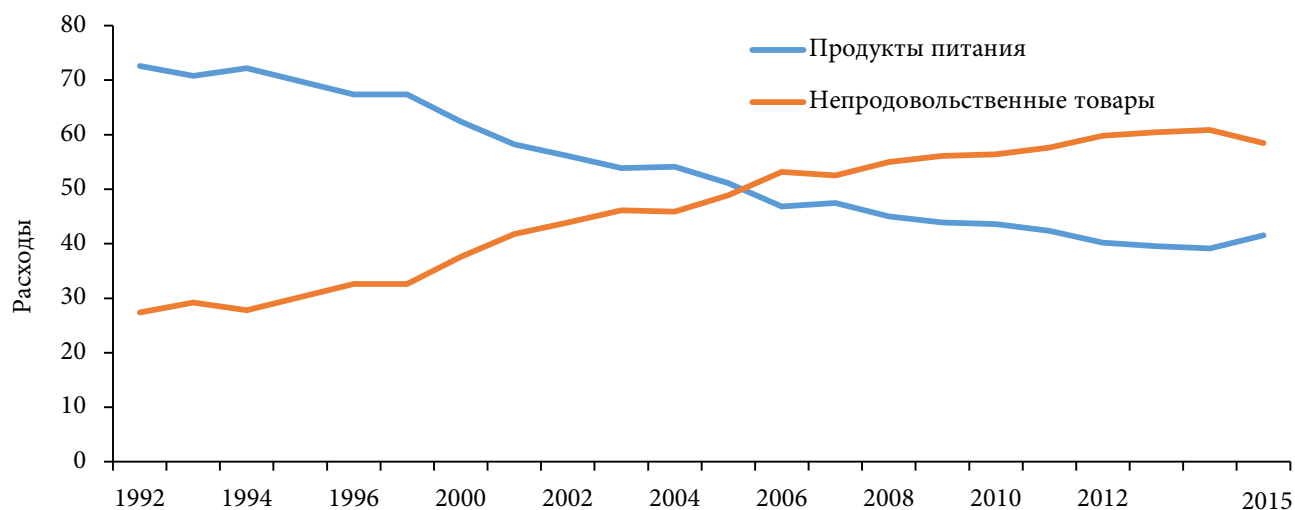

Рис. 9. Структура расходов: продукты питания и непродовольственные товары, 1992–2015 гг., %

На рис. 10–12 представлены данные, демонстрирующие ряд важных тенденций, которые раскрывают долгосрочные изменения в структуре ежемесячных расходов российских домохозяйств. Так, из данных мониторинга, приведенных на рис. 10, следует, что доля расходов домохозяйств на питание вне дома после скачкообразных колебаний в предыдущий период за последний год уменьшилась на 0,3 п. п. — с 4,1 до 3,8%.

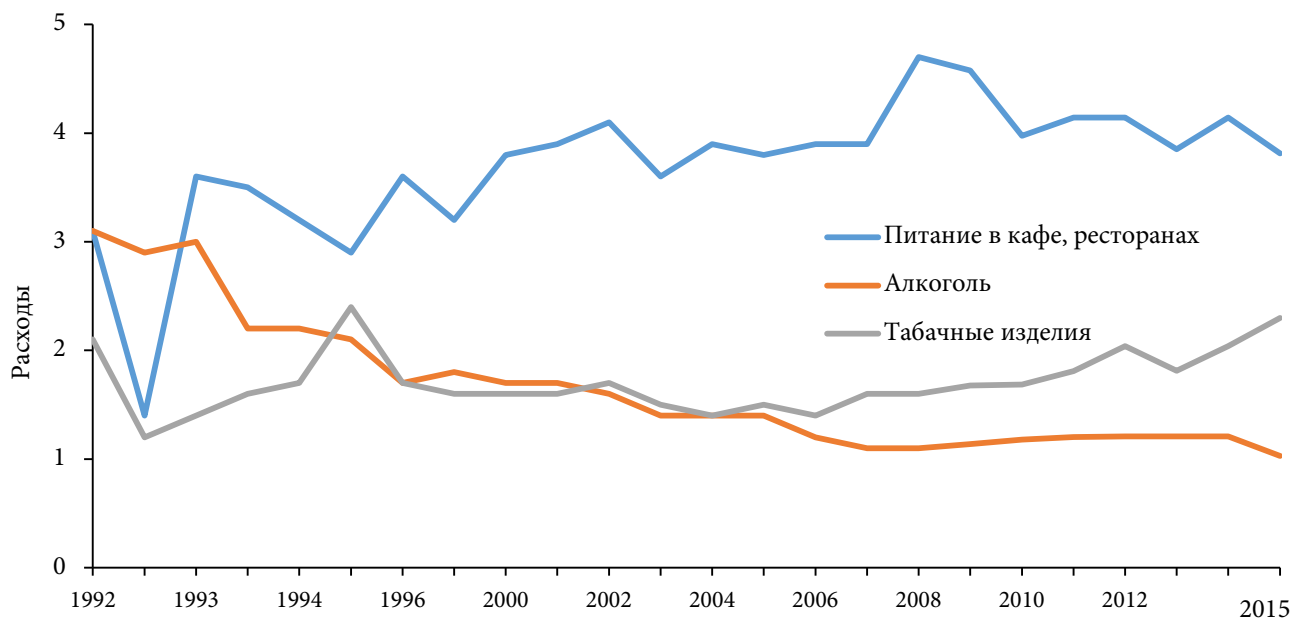

Рис. 10. Структура расходов: питание вне дома, алкоголь, табачные изделия, 1992–2015 гг., %

Самой большой долей трат на питание в ресторанах, кафе, барах, столовых и других пунктах общественного питания в бюджете российских домохозяйств была в 2010–2011 гг. В то же время средняя доля бюджета домохозяйств, расходуемая на алкогольную продукцию, уменьшилась на 0,2 п. п. — с 1,2 до 1%, а аналогичная доля расходов на табачные изделия немного увеличилась — с 2 до 2,3%, т. е. на 0,3 п. п. Причем тенденция медленного роста доли расходов домохозяйств на табачную продукцию выявляется на протяжении всего последнего десятилетия, все больше принимая характер устойчивого долгосрочного тренда.

Из данных RLMS-HSE, приведенных на рис. 11, видно, что среди расходов обследованных домохозяйств на непродовольственные товары особенно высокой остается доля трат на оплату услуг, которая наиболее интенсивно росла в 1992–2003 гг., но затем колебалась в довольно узких границах.

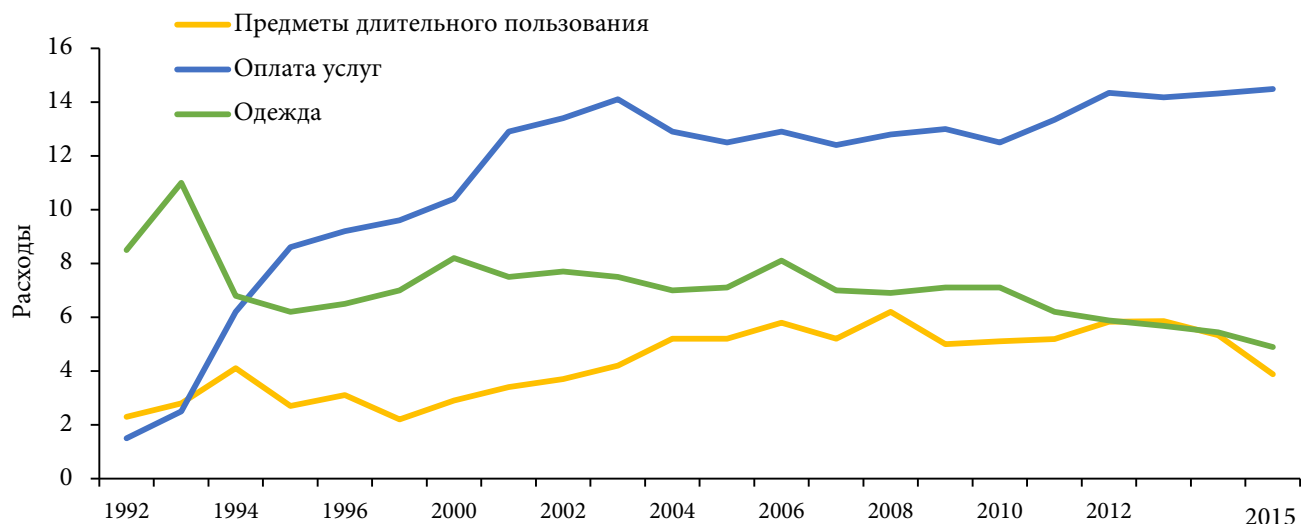

Рис. 11. Структура расходов: предметы длительного пользования, оплата услуг, одежда, 1992–2015 гг., %

Общим трендом, фиксируемым с 2010 г., является медленное нарастание расходов на оплату услуг, которое составило 2 п. п., — с 12,5 до 14,5%, в том числе за последний год — 0,2 п. п. Удельный вес расходов домохозяйств на одежду и обувь, длительное время сохраняющийся примерно на одном уровне, в последние годы снижается. Данная тенденция довольно четко просматривается с 2008 г. За указанный период доля расходов обследованных домохозяйств на одежду и обувь сократилась на 2 п. п. — с 6,9 до 4,9%. В то же время доля расходов домохозяйств, предназначенных для приобретения предметов длительного пользования, уже долгое время подвержена колебаниям в пределах узкого коридора значений. За последний год она уменьшилась на 1,4 п. п. — с 5,3 до 3,9%.

Данные мониторинга, представленные на рис. 12, показывают, что одной из самых высоких на сегодня остается доля расходов российских домохозяйств на оплату жилья и коммунальных услуг.

Непрерывно нарастая с 1994 г., доля расходов на оплату жилья и коммунальных услуг достигла в 2011 г. максимума, равного 13,2%, и затем менялась разнонаправлено в границах узкого коридора значений. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. эта доля увеличилась на 0,2 п. п. — с 12,9 до 13,1%. Выявленное увеличение можно связать прежде всего с ростом тарифов, который был вызван повышением цен на топливо, электроэнергию и другие материальные затраты. Одним из существенных факторов, который увеличил суммарные расходы населения по жилищным платежам, стали взносы на капитальный ремонт. По данным Росстата, во многом из-за появления платежей на капремонт в июле 2015 г. жилищные услуги в Москве подорожали на 40,9%. В целом по России по итогам сентября 2015 г. содержание и ремонт жилья (включая капремонт) подорожали для россиян на 24,8%. Эта нагрузка значительно различается по регионам. Так, в Санкт-Петербурге был установлен

дифференцированный в зависимости от типа дома взнос в размере от 2,6 до 3 руб. за квадратный метр, и было предусмотрено софинансирование на капремонт. В то же время в Москве был введен обязательный взнос на капремонт – 15 руб. с квадратного метра общей площади.

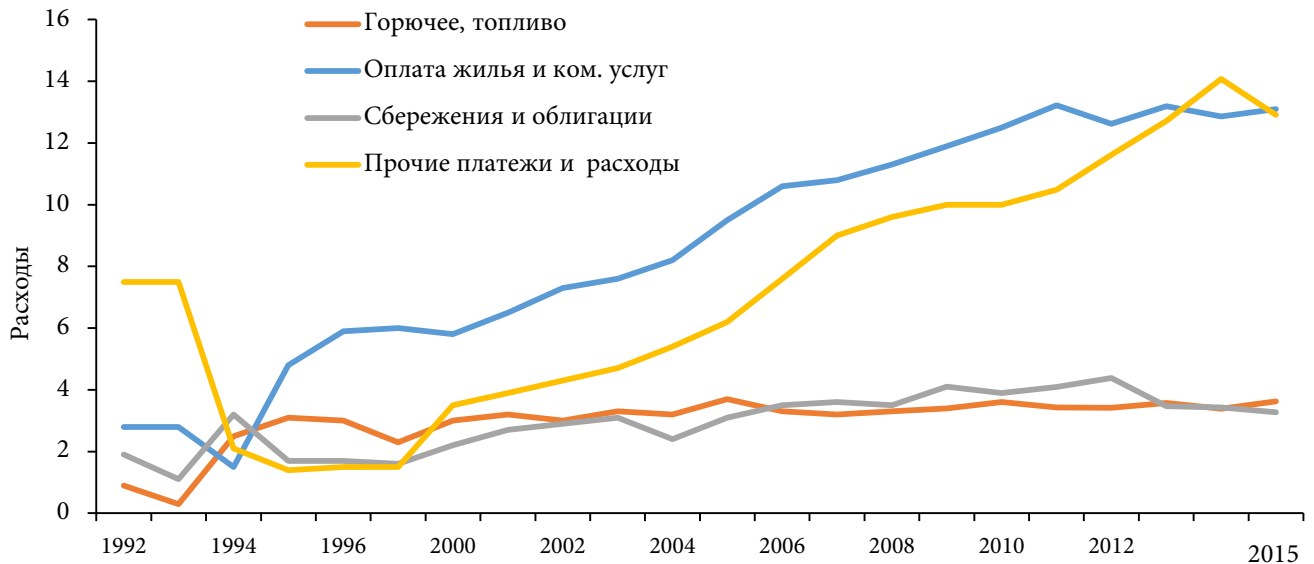

Рис. 12. Структура расходов: топливо, сбережения и облигации, оплата жилья и коммунальных услуг, прочие платежи и расходы, 1992–2015 гг., %

Удельный вес расходов на горючее, топливо в бюджете домохозяйств менялся незначительно. С 2000 по 2014 г. доля расходов на эти цели колебалась в пределах от 3 до 3,7%. В 2015 г. по сравнению с предыдущим годом доля этих расходов увеличилась на 0,2 п. п. – с 3,4 до 3,6%. Не особенно существенными были также изменения в доле расходов домохозяйств на сбережения и облигации. После длительного, но крайне медленного нарастания доля расходов домохозяйств на сбережения и облигации достигла максимума в 2012 г., составлявшего 4,4%, но затем к концу 2015 г. она очень медленно снизилась до 3,3%.

В таблице 7 представлены данные о расходах обследованных домохозяйств из различных квинтилей распределения душевых расходов за декабрь 2015 г.

Анализ данных таблицы показывает нарастающее снижение дифференциации домохозяйств по уровню расходов в самые последние годы. Так, в 2011 г. наиболее обеспеченные двадцать процентов домохозяйств тратили на продукты питания и непродовольственные товары в 6,5 раза больше, чем беднейшие двадцать процентов домохозяйств. В 2012 г. эта разница быстро выросла до 7,9 раза, но в 2013 г. вновь сократилась до 7,5 раза. В 2014 г. она уменьшилась до 7,4 раза, а в 2015 г. резко упала до 6,2 раза. Напомним, что в 1998 г. данный показатель достигал 10 раз. Довольно значительными остаются различия в величине расходов между самыми богатыми и всеми остальными российскими домохозяйствами. В частности, в 2014 г. расходы обследованных домохозяйств, принадлежащих к верхнему квинтилю, превышали расходы домохозяйств предыдущего четвертного квинтиля приблизительно в 2,4 раза, но в 2015 г. этот показатель уменьшился до 2,1 раза.

Таблица 7

Ежемесячные расходы домохозяйств по квинтилям распределения душевых расходов,
декабрь 2015 г., в руб. декабря 2015 г.

Категории расходов	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Расходы на продукты питания					
Молочные продукты	1014	1529	1690	1947	2292
Мясо, птица, рыба	2666	4025	4388	5104	6981
Картофель	104	157	254	262	281
Хлеб	933	1050	1110	1180	1140
Фрукты, овощи	613	969	1337	1655	2150
Прочие продукты питания	1598	2497	2830	3292	3886
Питание в столовых, ресторанах, кафе	901	1302	1952	2447	3667
Продукты домашнего изготовления	1099	1442	1716	1716	1336
Алкоголь	172	280	336	581	719
Всего расходов на продукты питания	9100	13 252	15 613	18 184	22 451
Расходы на непродовольственные товары					
Табачные изделия	659	846	832	1035	1066
Одежда	1226	1792	2341	3142	4428
Горючее, топливо	741	1228	1447	2263	3382
Электроника и др. товары длительного пользования	180	778	1335	2881	16907
Услуги и отдых	2156	3564	5061	7533	23433
Оплата обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам	616	1934	3990	10357	28389
Оплата жилья и коммунальных услуг	2744	3753	4199	4696	5392
Акции, облигации	0	0	0	15	9
Различные товары (мыло, игрушки, газеты и т. п.)	680	849	892	1208	1558
Сбережения	149	621	1200	1740	5457
Всего расходов на непродовольственные товары	9152	15 365	21 296	34 870	91 274
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары	18 255	28 620	36 913	53 058	113 727
Всего расходов на продукты питания, декабрь 2014 г.	8588	12 539	15 729	18 318	21 904
Всего расходов на непродовольственные товары, декабрь 2014 г.	9296	15 432	23 137	37 599	109 767
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары, декабрь 2014 г.	17 886	27 974	38 869	55 921	131 674

Анализ динамики расходов обследованных домохозяйств за последние годы свидетельствует о дальнейшем сокращении неравенства по данному критерию. В этом убеждает продолжающийся опережающий рост расходов наименее обеспеченных домохозяйств. Так, расходы на продукты питания и непродовольственные товары у домохозяйств самого бедного квинтиля в 2013 г. по сравнению с предыдущим годом выросли на 4,5%, в 2014 г. — на 0,9%, а в 2015 г. — на 2,1%. У домохозяйств второго квинтиля эти расходы в 2013 г. увеличились на 3,8%, в 2014 г. — уменьшились на 1,3%, но в 2015 г. вновь увеличились на 2,3%. И в то же время у более обеспеченных домохозяйств третьего квинтиля расходы на продукты питания и непродовольственные товары выросли в 2013 г. на 4,2%, в 2014 г. — на 2,1%, тогда как в 2015 г. сократились на 5%. У домохозяйств четвертого квинтиля в 2013 г. был отмечен рост расходов на 1%, в 2014 г. — на 3,2%, а в 2015 г. было выявлено их сокращение на 5,1%. И наконец, расходы домохозяйств верхнего квинтиля в эти годы только снижались. В 2013 г. они сократились всего лишь на 0,4%, в 2014 г. снизились уже на 1,4%, а в 2015 г. сразу упали на 13,6%.

Значительный рост цен заставил людей сокращать потребление, включать режим экономии, переходить к резервному образу жизни. У малообеспеченных слоев населения, израсходовавших основные резервы экономии для поддержания текущего потребления, было отмечено сокращение потребления основных продуктов питания, тогда как в высокодоходных группах наблюдалось определенное снижение качества потребительской корзины. Многие обеспеченные семьи стали выбирать дешевые товары и услуги, отказываться от приобретения дорогих предметов длительного пользования, от заграничного отдыха и направлять сэкономленные средства на поддержание текущего потребления на приемлемом уровне.

Нынешний экономический кризис более серьезно ударил по россиянам с низким уровнем доходов. В определенной мере это обусловлено введением продуктового эмбарго, которое усилило перекос в сторону продовольственной инфляции, тогда как во время предыдущего кризиса подобных тенденций не наблюдалось. Расходы на продукты стали съедать львиную долю доходов граждан с достатком ниже среднего. Данные, представленные в [таблице 7](#), показывают, что за последний год доля расходов на питание в бюджетах обследованных домохозяйств всех квинтилей увеличилась, но наибольшим этот рост был у домохозяйств самого богатого квинтиля. Так, у домохозяйств нижнего квинтиля доля расходов на продовольствие выросла в 2015 г. по сравнению с 2014 г. на 1,8 п. п. (с 48 до 49,8%); у домохозяйств второго квинтиля — на 1,5 п. п. (с 44,8 до 46,3%); у домохозяйств третьего квинтиля — на 1,8 п. п. (с 40,5 до 42,3%); у домохозяйств четвертого квинтиля — на 1,5 п. п. (с 32,8 до 34,3%); у домохозяйств самого верхнего квинтиля — на 3,1 п. п. (с 16,6 до 19,7%). Характерно, что в 1998 г. доли расходов на питание в бюджетах домохозяйств нижнего и верхнего квинтилей составляли 71 и 43% соответственно, но уже к 2005 г. они сократились до 59 и 30% соответственно.

В 2015 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили ежемесячно на питание приблизительно в 2,5 раза больше, чем домохозяйства нижнего квинтиля. Примерно таким же этот показатель был в 2012–2014 гг., что свидетельствует о стабилизации неравенства в области расходов домашних хозяйств на продукты питания. Примечательно, что в 2008–2009 гг. эта дистанция достигала 3,5 раза, а в 1998–2000 гг. — около 5–6 раз. Практически не меняется в последние годы также

величина разрыва в расходах на продукты питания между домохозяйствами самого верхнего квинтиля и домохозяйствами ближнего к нему четвертого квинтиля. В 2012–2015 гг. она составляла около 1,2 раза.

В течение последних двух лет расходы на продукты питания у домохозяйств первого и второго квинтилей уверенно снижались, но темпы этого снижения в 2015 г. удвоились. Так, в 2014 г. расходы на продовольствие сократились на 2,4 и 3% соответственно, тогда как в 2015 г. — уже на 5,6 и 5,4%. В то же время у домохозяйств третьего и четвертого квинтилей расходы на продукты питания в 2014 г. увеличились на 4,2 и 2,4% соответственно, но в 2015 г. — только на 0,7 и 0,8% соответственно. Что касается домохозяйств верхнего квинтиля, то у них расходы на продукты питания в 2014 г. уменьшились на символические 0,1%, в то время как в 2015 г. они снизились на 2,4%.

Как и годом ранее, изменения различий по отдельным статьям продовольственных расходов между домохозяйствами полярных квинтилей за последний год оказались незначительными. Так, если в 2008 г. разница в ежемесячных расходах на молочные продукты между самыми богатыми и самыми бедными домохозяйствами достигала 3,7 раза, то начиная с 2012 г. она из года в год оставалась на уровне 2,2–2,3 раза. Аналогичный разрыв в расходах на мясо, птицу и рыбу уменьшился с 3,7 раза в 2008 г. до 2,8 раза в 2012 г. и далее составлял около 2,5–2,7 раза. Что касается различий в расходах на картофель, то они в последние годы менялись более динамично. Так, эта дистанция сократилась с 5 раз в 2008 г. до 3,4 раза в 2012 г. и затем до 3,1 раза в 2013 г., но в 2014 г. она вновь немного увеличилась — до 3,2 раза. И наконец, в 2015 г. она снизилась до 2,7 раза. И в то же время дистанция в расходах между домохозяйствами крайних квинтилей на овощную продукцию и фрукты, постепенно сократившаяся за 2008–2012 гг. с 5,7 до 3,7 раза, в 2013 г. вновь увеличилась до 4 раз. Однако в 2014 г. было отмечено новое снижение до 3,2 раза, а в 2015 г. — увеличение до 3,5 раза. Как и прежде, одной из самых маленьких была разница между самыми богатыми и беднейшими домохозяйствами в 2013–2015 гг. в расходах на хлебобулочную продукцию — 1,2 раза. Примерно такой же оставалась в последние годы разница в расходах этих домохозяйств и на продукты домашнего изготовления.

Что касается разрыва между домохозяйствами полярных квинтилей в расходах на алкоголь, то в последние годы он сокращался, но в 2015 г. это снижение прекратилось. Так, с 2012 по 2013 г. этот разрыв стремительно уменьшился с 7,8 до 4,4 раза, и далее в 2014 г. — до 4 раз, но в 2015 г. он вновь увеличился до 4,2 раза. Во многом похожая тенденция наблюдалась в отношении различий в расходах домохозяйств противоположных квинтилей на питание вне дома. С 2008 по 2013 г. дистанция между ними последовательно сократилась с 8,8 до 4,9 раза, затем в 2014 г. — до 4,5 раза, и далее в 2015 г. — до 4,1 раза.

Заслуживает внимания тот факт, что у домохозяйств всех квинтилей первую строчку по величине расходов на продовольственные товары занимают траты на мясо, птицу и рыбу. Но в то же время у домохозяйств трех верхних квинтилей на второй строчке располагаются расходы на питание вне дома, т. е. в ресторанах, кафе, барах, столовых и т. п., тогда как у домохозяйств первого и второго квинтилей, не имеющих больших доходов, второе место принадлежит расходам на продукты домашнего изготовления. Весьма внушительными у домохозяйств всех

квнтилей являются расходы на молочные продукты. Симптоматично также, что домохозяйства двух нижних квинтилей расходуют на хлеб больше денег, чем на фрукты и овощи, тогда как у более состоятельных домохозяйств выявлена противоположная картина.

В отличие изменений в распределении расходов домохозяйств на продукты питания сдвиги в распределении трат на непродовольственные товары за последний год оказались более существенными. Если за 2010–2012 гг. разница в расходах на непродовольственные товары между беднейшими и самыми состоятельными домохозяйствами выросла с 10,3 до 13,2 раза, то в 2013 г. она сократилась до 12,5 раза, в 2014 г. — до 11,8 раза, а в 2015 г. — до 10 раз, т. е. вернулась на уровень 2010 г. Следует отметить, что самым высоким данный показатель был в 1998 г., когда домохозяйства верхнего расходного квинтиля тратили на непродовольственные товары почти в 20 раз больше, чем беднейшие двадцать процентов домохозяйств.

Характерно, что если в 2014 г., как и годом ранее, домохозяйства верхнего квинтиля тратили на непродовольственные товары почти в 7 раз больше, чем домохозяйства, принадлежащие ко второму квинтилю, то в 2015 г. эта дистанция сократилась до 6 раз. Одновременно уменьшился и разрыв в расходах на непродовольственные товары между домохозяйствами верхнего и третьего квинтилей — с 5 до 4,3 раза, и между домохозяйствами верхнего квинтиля и четвертого, т. е. ближайшего к нему квинтиля, — с 3 до 2,6 раза.

Как уже отмечалось, после кризиса 2008–2009 гг. наблюдался рост расходов домохозяйств на непродовольственные товары. И эти расходы росли тем быстрее, чем были выше потребительские возможности российских домохозяйств. Но в дальнейшем ситуация существенно изменилась. Рост расходов замедлился во всех квинтилях, и наибольшим это замедление было у наиболее состоятельных домохозяйств. И наконец, в 2015 г. во всех квинтилях была выявлена отрицательная динамика, нарастающая по мере перехода от бедных к более состоятельным и более богатым домохозяйствам.

Так, в 2014 г. по сравнению с предыдущим годом у домохозяйств самого бедного квинтиля расходы на непродовольственные товары увеличились на 4,1%, но в 2015 г. они снизились на 1,5%. У домохозяйств второго квинтиля продолжилась отрицательная динамика, показывающая снижение анализируемых расходов на 0,7% в 2014 г. и на 0,4% в 2015 г. У домохозяйств третьего квинтиля после увеличения расходов на непродовольственные товары в 2014 г. на 0,7% в 2015 г. было выявлено их снижение на 8%. Аналогичная картина наблюдалась в четвертом квинтиле. Здесь после роста указанных расходов в 2014 г. на 3,6% в 2015 г. тоже произошел резкий спад на 7,3%. И наконец, у двадцати процентов самых богатых домохозяйств расходы на непродовольственные товары последовательно сократились на 1,7% в 2014 г. и на 16,8% в 2015 г.

Анализ полученных данных позволил выявить очередные изменения, характеризующие различия в величине расходов на отдельные виды непродовольственных товаров между богатыми и бедными домохозяйствами. В частности, было установлено, что, как в предыдущие годы, самым большим остается разрыв между богатыми и бедными домохозяйствами в величине расходов на электронику и другие товары длительного пользования, и этот разрыв начал увеличиваться. Так, если в 2012 г. разница в этих расходах между домохозяйствами, принадлежащими

к крайним квинтилям, достигала 99 раз, то в 2013 г. она уменьшилась до 74 раз, но в 2014 г. вновь выросла до 82 раз, а в 2015 г. — до 95 раз. Но в то же время дистанция в величине расходов на электронику и другие товары длительного пользования между домохозяйствами пятого и четвертого квинтилей продолжила сокращаться. В целом с 2012 по 2015 г. она последовательно уменьшилась с 9 до 5,9 раза.

Эти траты всегда были одними из самых больших у домохозяйств с разным уровнем доходов и расходов. Но в последнее время они потеряли свою прежнюю весомость. В 2015 г. они располагались на первом месте среди расходных статей бюджета у домохозяйств четвертого квинтиля, на втором месте среди статей бюджета у домохозяйств самого богатого квинтиля и на третьем месте среди расходных статей бюджета у домохозяйств второго и самого богатого квинтилей. И только у домохозяйств первого квинтиля расходы на электронику и другие товары длительного пользования были едва ли не самыми низкими.

Весьма значительным остается разрыв в расходах богатых и бедных домохозяйств на обучение, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам. Причем эти расходы сегодня составляют самую затратную статью семейного бюджета наиболее обеспеченных домохозяйств, относящихся к четвертому и пятому расходным квинтилям. Среди расходных статей бюджета у домохозяйств второго и третьего квинтилей они занимают третью строку, а у домохозяйств самого бедного квинтиля они располагаются лишь на одном из последних мест. За последний год разница в расходах домохозяйств, принадлежащих к полярным квинтилям, на обучение, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам заметно сократилась. Так, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. она упала с 56 до 47 раз. И это было лишь немного больше 42 раз, зафиксированных в 2012–2013 гг.

Одной из наиболее затратных статей бюджета обследованных домохозяйств с разным достатком продолжают оставаться расходы на услуги и отдых. У домохозяйств третьего квинтиля эта статья расходов стоит на первом месте, а у домохозяйств всех остальных квинтилей располагается на второй-третьей позиции. Примерно такая же картина наблюдалась и в 2014 г. Но в то же время разрыв в расходах на услуги и отдых между домохозяйствами противоположных квинтилей постепенно сокращается. Если в 2012 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили на эти цели почти в 13 раз больше, чем домохозяйства первого квинтиля, то в 2013 г. данный показатель снизился до 12,4 раза, в 2014 г. — до 11,1 раза, а в 2015 г. — до 10,9 раза.

К наиболее важным и затратным бюджетным статьям у домохозяйств всех квинтилей относятся расходы на оплату жилья и коммунальных услуг. У наименее обеспеченных домохозяйств, относящихся к первому и второму квинтилям, эта статья расходов стоит, причем уже длительное время, на первом месте, у домохозяйств третьего квинтиля — на втором месте, у домохозяйств четвертого и пятого квинтилей — на третьем месте. В 2014 г., как и в 2013 г., домохозяйства верхнего квинтиля тратили на оплату жилья и коммунальных услуг почти в 2,2 раза меньше, чем домохозяйства нижнего квинтиля, что было немного меньше, чем 2,4 раза в 2012 г. В 2015 г. эта дистанция сократилась до 2 раз. В 2015 г. домохозяйства самого богатого квинтиля тратили на оплату жилья и коммунальных услуг в 1,4 раза больше, чем домохозяйства второго квинтиля, в 1,3 раза больше, чем домохозяйства третьего квинтиля, и только в 1,1 раза больше, чем домохозяйства четвертого квин-

тия. Важно заметить, что в 2015 г. двадцать процентов беднейших домохозяйств тратили на оплату жилья и коммунальных услуг на 22,4% больше, чем на одежду и обувь, и на 27,3% больше, чем на услуги и отдых.

Крайне важной статьёй бюджета домохозяйств с разным достатком на протяжении всех лет мониторинга выступают расходы на одежду и обувь. В 2015 г. величина расходов беднейших домохозяйств на покупку одежды и обуви еще больше приблизилась к величине соответствующих расходов самых состоятельных домохозяйств. Так, если в 2012 г. домохозяйства первого квинтиля тратили на эти цели в 4,3 раза меньше, чем домохозяйства пятого квинтиля, то в 2013 г. — уже в 4,3 раза меньше, в 2014 г. — в 3,8 раза меньше, а в 2015 г. — уже в 3,6 раза меньше. Разница в расходах на приобретение одежды и обуви между домохозяйствами соседних верхнего и четвертого квинтилей уменьшилась на едва заметную величину — с 1,5 раза в 2012–2013 гг. до 1,4 раза в 2014–2015 гг. Если в 2014 г. домохозяйства беднейшего квинтиля тратили на покупку одежды и обуви в 4,2 раза больше, чем на приобретение электроники и других товаров длительного пользования, то в 2015 г. — уже в 6,8 раза больше. В это же время домохозяйства самого обеспеченного квинтиля, наоборот, тратили на покупку одежды и обуви в 3,8 раза меньше, чем на приобретение электроники и других товаров длительного пользования, что, однако, было меньше 5,2 раза, зафиксированных в предыдущем году.

Разрыв в расходах на разного рода непродовольственные товары повседневного спроса (мыло, шампуни, игрушки, газеты, журналы и т. п.) между домохозяйствами, принадлежащими к крайним квинтилям, сократился с 2,7 раза в 2013–2014 гг. до 2,3 раза в 2015 г. Домохозяйства самого богатого квинтиля тратили на эти цели в 1,8 раза больше, чем домохозяйства второго и третьего квинтилей, и в 1,3 раза больше, чем домохозяйства четвертого квинтиля. Интересно, что у беднейших домохозяйств эти расходы были выше, чем траты на электронику и другие товары длительного пользования, а также на оплату обучения, на выплаты по займам, кредитам и страховым полисам.

Весьма существенной оставалась в 2015 г. дистанция между домохозяйствами полярных квинтилей в тратах на горючее и топливо. Но если в 2012 г. эта разница доходила до 6 раз, то в 2013–2014 гг. она сократилась до 5,6 раза, а в 2015 г. упала до 4,6 раза. Это было меньше, чем в 2010–2011 гг., и намного меньше, чем в 2008 г., когда данная разница достигала более 10 раз. Стоит обратить внимание и на сокращение различий между домохозяйствами полярных квинтилей в расходах на табачную продукцию — с 2,5 раза в 2008 г. до 1,8 раза в 2012–2014 гг. и до 1,6 раза в 2015 г. В 2015 г. домохозяйства самого бедного квинтиля тратили на табачные изделия в 3,7 раза больше, чем на предметы длительного пользования, на 7% больше, чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам, и лишь немного меньше, чем на различные товары повседневного спроса.

Что касается расходов на акции, облигации и т. п., то они, как и в предыдущие годы, были характерны только для наиболее богатых и состоятельных домохозяйств, принадлежащих к четвертому и пятому квинтилям. Как и прежде, колоссальной оставалась дистанция в объемах средств, направляемых домохозяйствами, принадлежащими к полярным квинтилям, на сбережения. С 2006 по 2010 г. она сократилась с 60 до 23 раз, но в 2011 г. вновь выросла до 67 раз. Вместе с тем в 2012 г. было зафиксировано новое падение до 39 раз, а затем в 2013 г. стреми-

тельный рост до 60 раз. В 2014 г. эта разница опять сократилась до 30 раз, а в 2015 г. увеличилась до 37 раз. Такие огромные колебания можно отнести большей частью на счет нестабильной экономической ситуации, оказывающей существенное влияние на потребительское поведение и формирование финансовых стратегий российских домохозяйств. В 2015 г. различия в объеме средств, предназначенных для сбережений, составляли между домохозяйствами верхнего и второго квинтилей 9 раз, между домохозяйствами верхнего и третьего квинтилей — 4,5 раза, а между домохозяйствами верхнего квинтиля и ближайшего к нему четвертого квинтиля — 3,1 раза.

Таким образом, если в 2014 г. было отмечено символическое, но все же увеличение расходов российских домохозяйств, то в 2015 г. по мере углубления и расширения экономического кризиса произошло их быстрое сокращение. Расходы на продукты питания продемонстрировали минимальный рост, тогда как расходы на непродовольственные товары — стремительное падение. К концу 2015 г. подавляющее большинство российских семей сократили потребление, перешли к режиму экономии, начали более тщательно подходить к выбору и покупке продуктов питания и непродовольственных товаров. Упавший потребительский спрос оказался не в состоянии поддерживать восстановление экономики.

Динамика владения предметами длительного пользования

В 2015 г. продолжали нарастать негативные тенденции на рынках товаров длительного пользования, и серьезных предпосылок для улучшения ситуации не наблюдалось. Вместе с тем в ходе исследования было выявлено очередное повышение уровня оснащенности российских домохозяйств предметами длительного пользования, о чем свидетельствуют данные мониторинга, представленные в [таблице 8](#). Они, в частности, показывают, что в 2015 г., несмотря на существенное сокращение доходов и расходов населения, как и годом ранее, по большинству анализируемых товарных групп наблюдалась положительная динамика. В результате этого роста, хотя зачастую и очень маленького и даже мизерного, были обновлены максимальные значения обеспеченности российских домохозяйств различными предметами длительного пользования.

Как показал анализ, за последний год доля российских домохозяйств, являющихся владельцами хотя бы одного легкового и/или грузового автомобиля, увеличилась только на 0,1 п. п. — с 44,1% в 2014 г. до 44,2% в 2015 г. Это увеличение наблюдалось на фоне огромно падения продаж автомобилей в России. По итогам 2015 г. продажи автомобилей в стране сократились более чем на треть. В сегменте легких коммерческих автомобилей снижение продаж составило около 31%, тогда как суммарный объем продаж грузовых автомобилей сократился почти на 43%. Россияне стали не только реже покупать автомобили, но и экономить на обслуживании уже имеющихся автомашин. Так, большинство автомобилистов перешли к экономии на услугах автомоек. Многие стали реже эксплуатировать свой автомобиль или отказались от ежедневных поездок, от пользования автомобилем для

дальних поездок, а также от услуг платных стоянок и гаражей. Увеличилось количество автомобилистов, которые начали экономить на страховке, заправлять свой автомобиль более дешевым и менее качественным бензином.

Таблица 8

Распределение владеющих различными предметами длительного пользования на момент проведения опроса, 1992–2015 гг., %

Предметы длительного пользования	1992	1998	2000	2004	2008	2012	2013	2014	2015
Черно-белый телевизор	53,7	34,5	29,8	13,4	–	–	–	–	–
Цветной телевизор	54,6	73,5	75,9	87,8	96,4	97,6	97,6	97,7	97,8
Видеомагнитофон	3,1	32,2	33,4	42,6	35,2	23,8	21,7	18,5	16,6
Компьютер	–	4,0	4,1	16,1	38,2	61,0	64,8	67,2	67,4
Легковой или грузовой автомобиль	16,5	24,8	26,3	27,8	34,5	41,6	42,5	44,1	44,2
Холодильник	93,0	92,4	93,3	94,6	–	–	–	–	–
Холодильник «No Frost»	–	–	–	–	35,0	51,1	56,1	57,1	60,8
Стиральная машина	76,6	78,5	79,1	80,4	–	–	–	–	–
Автоматическая стиральная машина	–	–	–	–	53,0	72,7	76,7	79,5	80,8
Дача*	17,8	30,9	30,4	27,1	24,4	24,1	23,4	23,4	23,2

*Дача означает садовый домик или дом в деревне, владение дачей учитывается только для городских домохозяйств.

Если в 2013 г. количество домохозяйств, имеющих отечественные легковые автомобили и легковые автомобили иностранных моделей, было примерно одинаковым (приблизительно по 22%), то в 2014–2015 гг. доля домохозяйств, владеющих легковыми автомобилями иностранных моделей, увеличилась до 23,4%, тогда как доля домохозяйств, владеющих отечественными легковыми автомобилями, сократилась до 21%. Доля домохозяйств, имеющих в собственности грузовые автомобили, практически не меняется и сохраняется на уровне 2,5%.

Довольно стабильной на протяжении всех последних лет оставалась доля российских домохозяйств, имеющих в собственности такие малые средства передвижения, как мотоциклы, мотороллеры, скутеры, мопеды, квадроциклы, моторные лодки и т. д. На протяжении 2012–2015 гг. доля таких домохозяйств составляла около 3%. Крайне медленно меняется также количество домохозяйств, владеющих взрослыми велосипедами. За 2012–2014 гг. их доля увеличилась с 21 до 22%, т. е. всего лишь на 1 п. п. за три года, и в 2015 г. практически не изменилась. Но в то же время до кризиса наблюдалось увеличение числа отдельных граждан, имеющих велосипеды, т. е. росло количество членов семей, пользующихся велосипедами. В последние годы все больше россиян рассматривают велосипед как наилучшее или очень удобное городское транспортное средство и отказываются от автомобиля в его пользу. Развитие этого вида транспорта очень активно поддерживается местными властями. По данным специальных исследований, наибольшие показатели продаж велосипедов в России были выявлены в 2014 г, но в 2015 г. наступил спад. В 2015 г. объем этого сегмента рынка уменьшился по сравнению с 2014 г. на 26,3%. Было отмечено также уменьшение и объемов производства двухколесных

транспортных средств на отечественных просторах на 38,8% относительно предыдущего периода. На спад данного рынка оказал существенное влияние углубляющийся экономический кризис, заставивший россиян более взвешенно подходить к покупкам товаров не первой необходимости.

Одним из наиболее устойчивых и долгосрочных трендов является постепенное уменьшение количества российских домохозяйств, владеющих дачами, т. е. садовыми домиками или домиками в деревне (владение дачей учитывается только для городских домохозяйств). В целом с 1998 по 2015 г. удельный вес таких домохозяйств сократился на 7,7 п. п., или почти в 1,5 раза, – с 30,9 до 23,2%, в том числе за последний год – на 0,2 п. п. Это обусловлено, скорее всего, тем, что на смену традиционным дачам стало приходиться более современное, дорогое и комфортабельное загородное жилье – коттеджи, таунхаусы и т. п. Большинство владельцев подобного жилья живут на два дома, используя загородное жилье для временного проживания в летнее время, проведения свободного времени и отдыха. Выбор в пользу «распределенного» образа жизни объясняется тем, что многие владельцы такого загородного жилья продолжают трудовую деятельность и вынуждены тратить массу времени для того, чтобы добраться до работы, которая находится в городе. По этой же причине не могут окончательно перебраться на постоянное место жительства за город и многие владельцы дач. К тому же при отсутствии в стране развитой коммуникационной инфраструктуры людям крайне сложно, а порой и невозможно совместить преимущества городской и сельской жизни в одном жилье.

Довольно существенным остается рост оснащенности российских домохозяйств современными предметами культурного и бытового назначения, которые относятся к категории основных или к предметам так называемого стандартного потребительского набора. Вместе с тем, рассматривая данные относительно обеспеченности домохозяйств этими предметами, следует учитывать, что, поскольку черно-белые телевизоры, холодильники и стиральные машины старых моделей практически полностью вытеснены цветными телевизорами, современными холодильниками и автоматическими стиральными машинами нового поколения, данные об уровне оснащенности домохозяйств бытовой техникой устаревших моделей после 2004 г. не собираются.

Из [таблицы 8](#) следует, что доля домохозяйств, имеющих во владении цветной телевизор, достигла своего максимума и практически не меняется на протяжении нескольких последних лет. Количество таких домохозяйств увеличивалось наиболее высокими темпами в 1990-е годы, когда их доля выросла с 54,6% в 1992 г. до 75,9% в 2000 г., т. е. на 21,3 п. п. за 8 лет. К концу 2012 г. эта доля повысилась до 97,6%, а к концу 2015 г. – до 97,8%.

В 2015 г. продолжилось довольно динамичное нарастание количества домохозяйств, располагающих современными холодильниками «No Frost» и автоматическими стиральными машинами. В целом с 2008 по 2015 г. доля домохозяйств, имеющих современный холодильник «No Frost», выросла с 35 до 60,8%, т. е. на 25,8 п. п., или в 1,7 раза, в том числе только за 2015 г. – на 3,7 п. п. Примечательно в данном случае то, что такой значительный рост, который был достигнут за последний год, произошел в условиях жесткого и постоянно углубляющегося экономического кризиса, сопровождающегося падением доходов и расходов семей.

В предыдущем году повышение уровня обеспеченности российских домохозяйств современными холодильниками составило только 1 п. п. Что касается уровня обеспеченности домохозяйств автоматическими стиральными машинами, то за последний год он вырос на 1,3 п. п. — с 79,5% в 2014 г. до 80,8% в 2015 г. В целом с 2008 по 2015 г. удельный вес домохозяйств, имеющих в пользовании современные стиральные машины, вырос более чем в 1,5 раза, или на 27,8 п. п., — с 53 до 80,8%.

Исследование зафиксировало также повышение в крайне сложных экономических условиях уровня оснащённости российских домохозяйств такими предметами бытового назначения, как отдельная морозильная камера, микроволновая печь и посудомоечная машина. Так, удельный вес домохозяйств, владеющих морозильной камерой, увеличился с 2013 по 2015 г. с 12,5 до 14,2%, т. е. на 1,7 п. п., в том числе за последний год — на 0,7 п. п. В то же время доля домохозяйств, имеющих в собственности микроволновую печь, увеличилась за указанный период с 64 до 65,8%, т. е. на 1,8 п. п., а доля домохозяйств, пользующихся посудомоечной машиной, увеличилась с 3,1 до 3,5% т. е. на 0,4%.

Еще одной длительной и устойчивой тенденцией является сокращение количества домохозяйств, оснащенных такими устаревшими техническими устройствами культурно-бытового назначения, как видеомагнитофоны и видеоплееры. Так, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. удельный вес домохозяйств, имеющих в своем распоряжении видеомагнитофоны, уменьшился с 18,5 до 16,6%, т. е. на 1,9 п. п. И это было гораздо меньше, чем 3,2 п. п., зафиксированных годом ранее, что является еще одним свидетельством постепенного падения темпов сокращения количества домохозяйств, оснащенных видеомагнитофонами.

Аналогичные тенденции наблюдаются в последние годы в отношении обеспеченности российских семей DVD-проигрывателями и DVD-плеерами, цифровыми фотоаппаратами, цифровыми видеокамерами, MP3-плеерами. Так, доля домохозяйств, располагающих DVD-проигрывателем и/или DVD-плеером, сократилась в 2014 г. по сравнению с 2013 г. на 4,3 п. п. — с 41,2 до 36,9%, и далее в 2015 г. еще на 5,6 п. п. — до 31,3%. В то же время доля домохозяйств, располагающих цифровым фотоаппаратом, сократилась в 2014 г. по сравнению с предыдущим годом только на 1,9 п. п. — с 37,2 до 35,3%, и затем в 2015 г. еще на 2,4 п. п. — до 32,9%. Что касается домохозяйств, имеющих в собственности какую-либо цифровую видеокамеру, то их удельный вес уменьшился в 2014 г. по сравнению с 2013 г. всего лишь на 0,1 п. п. — с 7,4 до 7,3%, и далее в 2015 г. еще на 0,6 п. п. — с 7,3 до 6,7%. Доля домохозяйств, располагающих MP3-плеерами, сократилась в 2014 г. по сравнению с предыдущим годом на 1,9 п. п. — с 9,7 до 7,8%, и затем в 2015 г. на 0,7 п. п. — до 7,1%.

Анализ последних данных мониторинга выявил существенное замедление темпов компьютеризации российских домохозяйств, которое свидетельствует о том, что насыщение домохозяйств компьютерной техникой подходит к своему максимуму. Но определенную роль в падении этих темпов сыграло, безусловно, сокращение материальных возможностей семей в условиях экономического кризиса. Самые высокие ежегодные темпы компьютеризации были отмечены в 2009 г., когда прирост домохозяйств — владельцев компьютеров за год составил 7,3 п. п. Но в дальнейшем это приращение стало постепенно снижаться и составило в 2010 г. около 5,5 п. п., в 2011 г. — 5,3 п. п., в 2012 г. — только 4,7 п. п., а в 2013 г. — всего

лишь 3,8 п. п. В 2014 г. по сравнению с 2013 г. доля домохозяйств, имеющих у себя какой-либо компьютер (стационарный или переносной), увеличилась на 2,4 п. п., а в 2015 г. по сравнению с 2014 г. — только на мизерные 0,2 п. п. В результате всех этих повышений доля российских домохозяйств, располагающих компьютерами, достигла максимально значения — 67,4%.

При наличии общего положительного тренда количество российских домохозяйств, располагающих стационарными компьютерами, в последние годы сокращалась, тогда как число владельцев переносных компьютеров (ноутбук, лэптоп и т. д.) постепенно увеличивалась. Так, доля домохозяйств, имеющих в собственности стационарные компьютеры, уменьшилась в 2014 г. по сравнению с предыдущим годом на 1,5 п. п. — с 43,2 до 41,7%, и затем еще на 0,7 п. п. в 2015 г. — до 41%. В то же время удельный вес домохозяйств, имеющих в собственности переносные компьютеры, от года к году увеличивался. С 2013 по 2014 г. доля таких домохозяйств выросла с 37,7 до 42,7%, т. е. на 5 п. п., и далее в 2015 г. до 43,7%, т. е. еще на 1 п. п.

Надо заметить, что показатели индивидуального владения переносными компьютерами оказываются гораздо ниже. Так, с 2014 по 2015 г. доля взрослых россиян, которые лично владели и лично пользовались переносным компьютером (ноутбук, лэптоп или нетбук), увеличилась с 18,8 до 19,7%, т. е. на 0,9 п. п. Характерно, что в 2015 г. среди детей и подростков в возрасте до 14 лет этот показатель составил 9,7%, а пик, достигающий 45,5%, пришелся на 20–21-летний возраст. Вместе с тем важно отметить, что чаще встречаются ситуации, когда кто-то владеет компьютером, но пользуются им несколько членов семьи. Среди взрослых россиян доля таких граждан в 2014 г. составила 21,4%, а в 2015 г. — 21,2%. В то же время среди детей и подростков в возрасте до 14 лет доля тех, кто владеет переносным компьютером, но пользуется им несколько членов семьи, выше. В 2015 г. она составила 26,5%.

По мере повышения уровня компьютеризации российских семей наблюдается поступательное и довольно динамичное увеличение количества домохозяйств, располагающих каким-либо выходом в Интернет. Можно, в частности, отметить, что доля домохозяйств, имеющих возможность пользоваться низкоскоростным выходом в Интернет (через обычную телефонную линию, через мобильный телефон, модем и т. д.), увеличилась за 2013–2015 гг. на 0,6 п. п. — с 17,4 до 18%, тогда как удельный вес домохозяйств, пользующихся высокоскоростным выходом в Интернет (через кабель, телефонную линию по специальной технологии, например «Стрим», через спутник, через мобильный телефон по специальной технологии и т. д.), вырос за указанный период с 40,4 до 45,9%, т. е. на 5,5 п. п.

Рост компьютеризации домохозяйств сопровождается увеличением числа граждан, пользующихся компьютерной техникой. В 2000 г. о пользовании компьютером в течение 12 месяцев, предшествующих опросу, в любых целях, включая печатание текстов, компьютерные игры, просмотр фильмов и т. п., сообщали только около трети респондентов в возрасте 14 лет и старше, тогда как в 2014 г. — вдвое больше, а именно 58,1%. В 2015 г. этот показатель практически не изменился. Примечательно, что среди детей в возрасте от 6 до 14 лет доля пользующихся компьютером в 2015 г. достигла 80,1%. Многие дети начинают осваивать компьютер еще в раннем возрасте, и уже к 11–12 годам доля пользователей среди них превышает 90-процентный уровень.

Наряду с ростом количества граждан, пользующихся компьютерами, увеличилось число лиц, обращающихся к услугам Интернета. Но в прошедшем году этот рост приостановился. В 2015 г., как и годом ранее, доля взрослых граждан, которые пользовались Интернетом в течение последних 12 месяцев, среди взрослого населения составила около 58%. Освоение компьютера и проникновение Интернета в молодежную среду уже достигли предельных значений, но в группах россиян среднего и старшего возраста остаются еще существенные резервы. Не случайно, в самые последние годы рост аудитории Интернета в России происходил преимущественно за счет увеличения доли пользователей среднего и старшего возраста. Огромную роль в приросте интернет-аудитории сыграло активное использование россиянами мобильных устройств. Самая высокая доля пользователей Интернета со смартфонов и планшетов фиксируется среди 14–29-летних молодых людей.

Исследование выявило очередной рост количества россиян, лично владеющих различными гаджетами. Так, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. доля взрослых россиян, владеющих планшетом и лично пользующихся им, увеличилась на 1,8 п. п. — с 7,5 до 9,3%. Среди детей в возрасте до 14 лет данный показатель в 2015 г. оказался в 2,5 раза выше — 24,2%. Примечательно, что самый высокий уровень личной обеспеченности планшетами приходится на 13–14-летний возраст. В 2015 г. среди 13–14-летних респондентов доля лиц, имеющих в личном пользовании планшет, достигла 29%. Помимо граждан, которые владеют планшетом и лично им пользуются, есть немало людей, которые имеют планшет, но пользуются им несколько членов семьи. Доля таких граждан среди взрослых россиян увеличилась с 4,8% в 2014 г. до 5,1% в 2015 г., т. е. на 0,3 п. п. Что касается детей и подростков в возрасте до 14 лет, то среди них этот показатель в 2015 г. составил 10,4%.

Удельный вес взрослых россиян, имеющих в личном пользовании смартфон, коммуникатор, айфон, увеличился с 16,7% в 2014 г. до 21,3% в 2015 г., т. е. на 4,6 п. п. Среди детей в возрасте до 14 лет доля таких владельцев в 2015 г. составила 18,7%. В то же время практически не изменилась доля взрослых граждан, которые являются владельцами указанных гаджетов, но пользуются ими все члены семьи. В 2014 г. она составила 0,6%, а в 2015 г. — 0,7%. Очень редко встречаются такие владельцы и среди детей и подростков в возрасте до 14 лет. В 2015 г. их доля составила только 1,3%. Так, в 2015 г. имели мобильный сотовый телефон в личном пользовании 77,2% взрослых россиян в возрасте 14 лет и старше и 66,5% детей и подростков в возрасте до 14 лет, а имели мобильный телефон, но пользовались им несколько членов семьи, — 0,8 и 0,7% респондентов соответственно.

Исследование показало, что при общем спаде потребительского спроса не упал спрос на товары премиум-класса. Как подчеркивали специалисты, если брать отдельные категории товаров и услуг, то верхний сегмент — более дорогие квартиры, более дорогие машины, туристические поездки по немассовым направлениям — оказался более устойчивым, чем все остальные. Это можно объяснить тем, что, несмотря на затяжной кризис, в самом высокооплачиваемом и очень узком звене продолжался рост зарплат. Однако такой рост очень мало стимулирует потребление в массовом сегменте, поскольку дополнительный доход направляется либо на покупки немассовых товаров, либо на сбережения.

Таким образом, несмотря на углубление экономического кризиса, который вызвал резкое падение доходов и расходов россиян, в 2015 г. было выявлено очередное, хотя и не всегда существенное и очевидное, повышение уровня обеспеченности домохозяйств такими предметами длительного пользования, как легковой автомобиль, современный холодильник, автоматическая стиральная машина, компьютер, морозильная камера, микроволновая печь, посудомоечная машина. При наличии общей положительной динамики, уровень оснащенности домохозяйств отечественными легковыми автомобилями и стационарными компьютерами постоянно снижается, тогда как обеспеченность домохозяйств легковыми автомобилями иностранной модели, переносными компьютерами и разного рода современными гаджетами увеличивается. Одной из наиболее заметных тенденций является вытеснение планшетами, айфонами таких технических средств, как DVD-проигрыватели и DVD-плееры, цифровые фотоаппараты, цифровые видеокамеры, MP3-плееры.

Безработица, участие в рабочей силе и перемена места работы

В [таблице 9](#) приводятся данные RLMS-HSE по безработице, работе без выплаты заработной платы и продолжительности безработицы в период с 1992 по 2015 г. В ней содержатся как данные по общей безработице (по определению BLS/ILO), так и сведения по скрытой безработице.

Как показал анализ данных мониторинга, предыдущий экономический кризис 2008–2009 гг. прервал длительную тенденцию снижения безработицы, после чего наступил период неопределенности. В 2015 г. ситуация с безработицей, хотя и имела негативную динамику, была далека от критического состояния. Действующие на рынке компании и организации в основном приспособились к условиям экономического кризиса и стали проводить взвешенную кадровую политику. Согласно сведениям об общей безработице, доля экономически активного населения, не имеющего работы и ищущего ее, за последний год увеличилась с 4,8 до 5,5%, т. е. на 0,7 п. п. Примерно таким же рост безработицы, составивший 0,8 п. п., был и годом ранее. Таким образом, за два последних года безработица выросла на 1,5 п. п. Поправки на скрытую безработицу играли весьма существенную роль в первые несколько лет проведения экономических и социальных реформ в России. В более поздние годы проведения опросов RLMS-HSE они были несущественны. В ситуации углубляющегося экономического кризиса явления скрытой безработицы в наибольшей степени были связаны с выполнением бизнесом социального заказа, направленного на сохранение рабочих мест и работников любой ценой. Выполняя его, работодатели старались переводить сотрудников на неполный рабочий день, внедрять неполную рабочую неделю или отправлять работников в бессрочный отпуск с сохранением минимальной заработной платы.

В 2014–2015 г. уровень безработицы в России был ниже, чем в 2009–2010 гг. Но, несмотря на это, ситуация требовала повышенного внимания, поскольку значительное число работающих было занято неполную рабочую неделю, находилось под постоянной угрозой увольнения, не могло вовремя получить заработную плату.

Таблица 9

**Уровень безработицы среди экономически активного населения:
мужчины 18–60 лет; женщины 18–55 лет, 1992–2015 гг., %**

Категории	1992	1996	1998	2000	2002	2004	2008	2010	2012	2014	2015
Уровень безработицы (по определению BLS/ILO)	5,6	8,8	10,8	8,4	6,9	6,9	5,0	6,1	5,1	4,8	5,5
Уровень безработицы, включая скрытую*	–	8,8	11,2	8,5	7,0	6,9	5,1	6,1	5,1	4,8	5,5
Уровень скрытой безработицы	–	0,0	0,5	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,1	0,1
Доля работников, заявивших о невыплате им заработной платы в течение последних 30 дней	5,8	21,4	17,1	10,8	8,8	5,1	3,5	3,4	2,9	2,2	1,9
Длительность периода безработицы (исключая скрытую безработицу)											
- менее 1 месяца	–	7,7	5,4	9,0	6,8	11,4	13,4	9,6	12,6	13,3	10,6
- 1–3 месяца	–	13,0	20,6	15,8	20,9	20,1	20,5	19,7	22,3	20,3	22,7
- более 3 месяцев	–	79,4	74,0	75,3	72,3	68,5	66,2	70,7	65,1	66,5	66,7
Участие в рабочей силе	86,7	84,5	82,6	82,4	82,4	82,2	82,2	83,2	83,0	82,4	82,3
Доля работников, заявивших о смене места работы	–	–	9,9	11,2	13,1	12,9	11,3	11,8	12,1	11,6	9,7
Доля работников, заявивших о смене профессии	–	–	7,5	8,1	9,3	7,9	8,3	7,3	7,8	7,5	6,2

* «Скрытая безработица» определяется как нахождение в вынужденном неоплачиваемом отпуске без альтернативного заработка.

В таблице 9 приведены также данные RLMS-HSE относительно длительности периодов безработицы (исключая скрытую). Из них хорошо видно, что в структуре безработицы в течение прошлого года существенных изменений не произошло. Как и годом ранее, доля «длительной» безработицы, продолжительностью свыше 3 месяцев, составила более 66%. Доля «краткосрочной» безработицы (продолжительностью до 1 месяца) немного снизилась – с 13,3% в декабре 2014 г. до 10,6% в декабре 2015 г. В то же время «среднесрочная» безработица продолжительностью от 1 до 3 месяцев немного увеличилась за последний год – с 20,3 до 22,7% соответственно, т. е. на 2,4 п. п.

Данные мониторинга, представленные на рис. 13, демонстрируют динамику уровня безработицы (официальной и скрытой) отдельно для мужчин и для женщин за 1992–2015 гг. График показывает, что различия в уровне безработицы между мужчинами и женщинами проявляются только при сопоставлении данных об официальной безработице, тогда как сведения по скрытой безработице настолько малы, что выявить какие-либо существенные различия не представляется возможным.

Рис. 13. Уровень безработицы среди мужчин и женщин, 1992–2015 гг., %

Анализ позволил установить, что если в 2014 г. темпы роста безработицы среди мужчин были выше, чем среди женщин, то в 2015 г. наблюдалась противоположная картина. Так, с декабря 2013 по декабрь 2014 г. официальная безработица среди мужчин выросла с 3,8 до 5,1%, т. е. на 1,3 п. п., в то время как среди женщин – с 4,2 до 4,4%, т. е. на 0,2 п. п. В конце 2015 г. был отмечен новый рост: у мужчин – до 5,4%, т. е. на 0,3 п. п., тогда как у женщин – до 5,7%, т. е. на 1,3 п. п.

По данным Росстата, в декабре 2015 г. численность экономически активного населения в возрасте 15–72 лет (занятые плюс безработные) составила 76,7 млн человек, или 53% от общей численности населения страны. В численности экономически активного населения 72,3 млн человек классифицировались как «занятые экономической деятельностью» и 4,4 млн человек – как «безработные с применением критериев МОТ» (т. е. не имели работы или доходного занятия, искали работу и были готовы приступить к ней в обследуемую неделю). Уровень безработицы (отношение численности безработных к численности экономически активного населения) в декабре 2015 г. составил 5,8% (без исключения сезонного фактора). По сравнению с декабрем 2014 г. численность занятого населения (без учета Республики Крым и г. Севастополя) в 2015 г. уменьшилась на 0,3%, численность безработных увеличилась на 9,4%. Среди безработных, по методологии МОТ, доля женщин в декабре 2015 г. составила 44,9%, доля городских жителей – 65,7%. Безработица городского и сельского населения характеризовалась превышением уровня безработицы среди сельских жителей по сравнению с уровнем безработицы среди городских жителей. В декабре 2015 г. это превышение составило 1,7 раза. Уровень безработицы среди городского населения составил 5%, среди сельского – 8,4%.

Согласно данным Росстата, средний возраст безработных в декабре 2015 г. достигал 35,8 года. Молодежь до 25 лет среди безработных составила 23,8%, в том числе в возрасте 15–19 лет – 4,7%, 20–24 лет – 19,1%. Высокий уровень безработи-

цы отмечался в возрастной группе 15–19 лет (35,4%) и 20–24 лет (14,1%). В среднем среди молодежи в возрасте 15–24 лет уровень безработицы в декабре 2015 г. составил 16%, в том числе среди городского населения – 14,5%, среди сельского населения – 19,9%. Коэффициент превышения уровня безработицы среди молодежи в среднем по возрастной группе 15–24 лет по сравнению с уровнем безработицы населения в возрасте 30–49 лет составил 3,3 раза, в том числе среди городского населения – 3,5 раза, сельского населения – 2,7 раза.

Самый низкий уровень безработицы, соответствующий критериям МОТ, отмечался в Центральном федеральном округе (3,5%), самый высокий – в Северо-Кавказском (11,5%). В то же время уровень безработицы в Северо-Западном федеральном округе составлял 4,8%, в Южном – 6,5%, Приволжском – 4,7%, Уральском – 6,4%, Сибирском – 8,5%, Дальневосточном – 6,4%, Крымском – 6,5%.

Как показал дальнейший анализ данных RLMS-HSE, в 2015 г. проблема долгов по заработной плате не приобрела в России критического характера. Наоборот, за последний год удельный вес респондентов, работавших в течение последнего месяца, но не получивших зарплаты, уменьшился с 2,2 до 1,9%, достигнув нового минимума за все время наблюдений в рамках мониторинга. С 1996 по 2015 г. доля таких работников практически монотонно (за исключением небольшого всплеска в 2009 г. и небольшой приостановки в 2012 г.) сократилась с 21,4 до 1,9%, т. е. более чем в 11 раз.

Возвращаясь к данным [таблицы 9](#), следует обратить внимание на две нижние строки, которые демонстрируют величины оборота рабочей силы и профессиональной мобильности. Из них, в частности следует, что в 2015 г. только 9,7% (2014 г. – 11,6%) работающих россиян сообщили, что сменили свое место работы, а 6,2% (2014 г. – 7,5%) занятых указали, что поменяли свою профессию. В результате этих изменений удельный вес работников, заявляющих о смене места работы и о смене профессии, снизился до нового минимума. В целом за 2002–2015 гг. доля работников, заявивших о смене места работы, поступательно сократилась на 3,4 п. п. – с 13,1 до 9,7%, а доля работников, заявивших о смене профессии, за этот же период сократилась на 3,1 п. п. – с 9,3 до 6,2%.

Анализ данных мониторинга из [таблицы 9](#), которые характеризуют изменения уровня участия в рабочей силе – отношение численности рабочей силы к общей численности взрослого населения, выраженное в процентах, свидетельствует о стабильности данного показателя. Начиная с 1998 г. показатель участия в рабочей силе колебался в границах узкого коридора значений – от 82,4 до 83,2%. Но при этом стоит обратить внимание на то, что с 2010 по 2015 г. этот показатель довольно последовательно уменьшился на 0,9 п. п. – с 83,2 до 82,3%.

Данные RLMS-HSE, представленные на [рис. 14](#), как и годом ранее, показывают разнонаправленные изменения уровня участия в рабочей силе в отношении мужчин и женщин. Но если в 2014 г. коэффициенты участия в рабочей силе у мужчин и женщин сближались, то в 2015 г. было выявлено их новое расхождение. Так, с 2013 по 2014 г. показатель участия в рабочей силе у мужчин уменьшился на 0,8% – с 85,2 до 84,4%. Однако затем в 2015 г. он вновь увеличился до 85,2%, т. е. на те же 0,8 п. п. В то же время уровень участия в рабочей силе в женской когорте увеличился с 79,4% в 2013 г. до 80,2% в 2014 г., т. е. на 0,8 п. п., но в 2015 г. уменьшился до 79%, т. е. на 1,2 п. п.

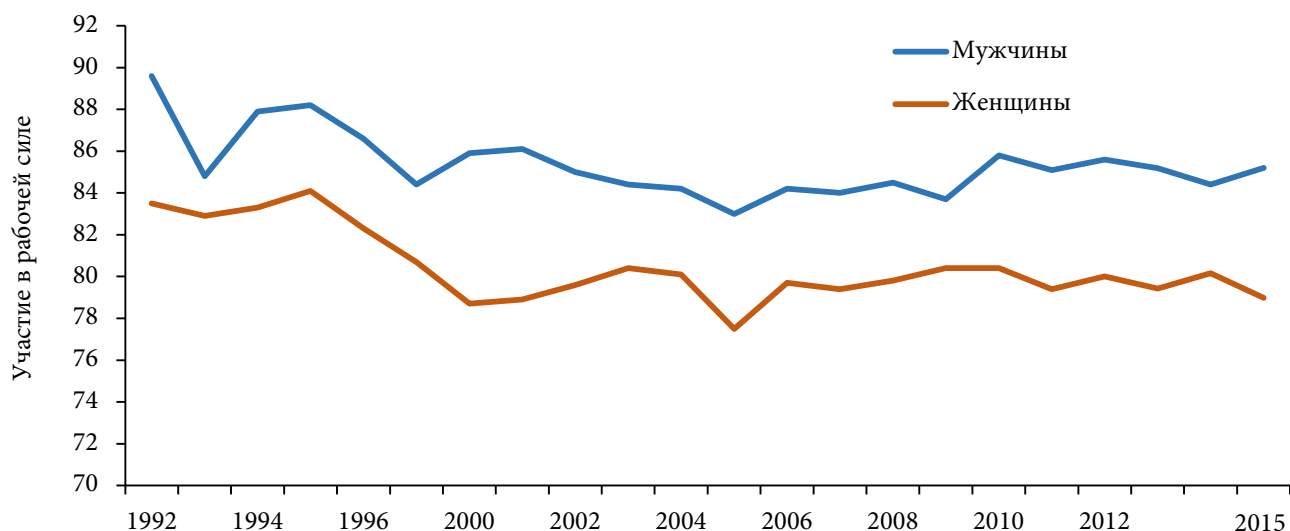

Рис. 14. Участие в рабочей силе населения работоспособного возраста (имеющих работу или ищущих ее), 1992–2015 гг., %

На следующем рисунке приведены данные мониторинга о занятости мужчин и женщин, получающих пенсию, подавляющее большинство которых составляют люди пожилого возраста.

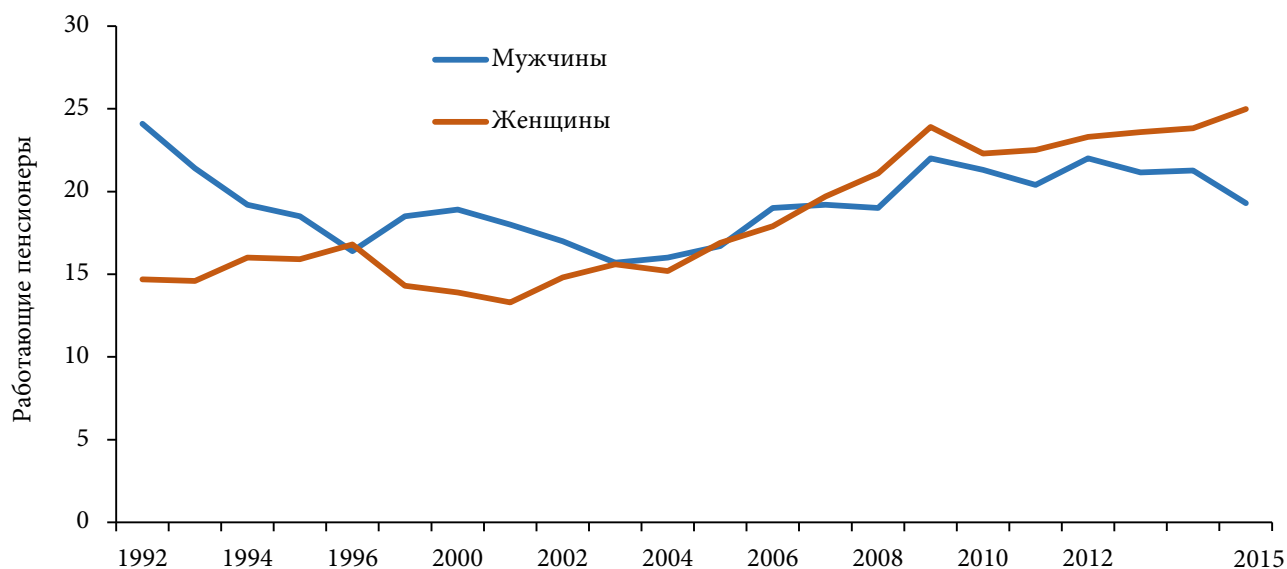

Рис. 15. Доля работающих пенсионеров, 1992–2015 гг., %

Как следует из рис. 15, в 2014 г. по сравнению с 2013 г. доли занятых мужчин-пенсионеров и женщин-пенсионеров увеличились на одни и те же очень и очень скромные 0,2 п. п. (с 21,1 до 21,3% и с 23,6 до 23,8% соответственно). Вместе с тем коэффициенты участия в рабочей силе мужчин и женщин пенсионного возраста за последний год изменились более существенно. Доля работающих мужчин-пенсионеров уменьшилась с 21,3% в 2014 г. до 19,3% в 2015 г., т. е. на 2 п. п., тогда как доля работающих женщин-пенсионеров выросла за этот же период на 1,2 п. п. — с 23,8 до 25% соответственно. В результате доля занятых среди женщин пенсионного возраста достигла максимального значения за все время проведения мониторинга. В отношении женщин-пенсионеров отмеченный рост наблюдается

с 2010 г., когда доля работающих среди них составляла 22,3%. Что касается мужчин-пенсионеров, то количество работающих среди них в последние годы менялось разнонаправлено и менее существенно.

Данные, представленные на рис. 15, показывают, что женщины-пенсионеры в последние годы постоянно проявляли более высокую заинтересованность в трудоустройстве и занятости, чем мужчины-пенсионеры. В целом за 2000—2015 гг. доля занятых среди них выросла более чем в 1,8 раза — с 13,9 до 25%. За этот же период удельный вес занятых среди мужчин-пенсионеров после значительных ежегодных колебаний увеличился только на 0,4 п. п. — с 18,9 до 19,3%. В результате самых последних изменений разрыв в уровне занятости между женщинами и мужчинами, получающими пенсию, вырос с 2,5 п. п. в 2014 г. до 5,7 п. п. в 2015 г.

Таким образом, в течение последнего года ситуация с безработицей имела негативную динамику, но не достигла критического состояния. Если в прошлом году темпы роста безработицы среди мужчин были выше, чем среди женщин, то за последний год эта картина изменилась на противоположную. Как и в предыдущие годы, более высокую заинтересованность в сохранении работы и продолжении трудовой деятельности среди населения трудоспособного возраста демонстрировали мужчины, тогда как среди пенсионеров — женщины.

Некоторые другие социально-экономические аспекты

С самых первых лет экономических преобразований в России неплатежи заработной платы, пенсионные выплаты, необходимость профессионального переобучения работников, гендерные различия, а также политика государственных и ведомственных дотаций на жилье и коммунальные услуги интересовали не только специалистов, а привлекали всеобщее внимание. Данные, позволяющие прояснить некоторые из этих важных для всех россиян вопросов, представлены ниже.

Невыплаты заработной платы

Анализ данных мониторинга показал, что за последний год число работников, имеющих задолженность по заработной плате на основной работе, выросло, но не значительно, а объемы задолженностей не выглядели критическими по сравнению с предыдущим кризисом, когда они совершили более резкий скачок. Как следует из рис. 16, с 2014 по 2015 г. доля работников, не полностью получающих заработную плату, увеличилась всего лишь на 0,3 п. п. — с 2,5 до 2,8%. В 2009 г., когда было выявлено углубление данной проблемы, вызванное резким обострением финансово-экономического кризиса, доля таких работников достигала 6,5%. Но уже в следующем году она снизилась. В целом в последние годы число работников, страдающих от невыплат заработной платы, было сравнительно небольшим.

В 2015 г. одновременно с очень скромным увеличением доли работников, не получающих полностью зарплату на основном месте работы, произошли такие же незначительные изменения в сроках задолженности по заработной плате, которые, однако, оцениваются неоднозначно. Об этом свидетельствуют данные мониторинга, представленные в таблице 10.

Рис. 16. Невыплаты заработной платы основным работодателем трудоспособному населению, 1994–2015 гг.

Таблица 10

Невыплаты зарплаты основным работодателем трудоспособному населению*, 1994–2015 гг.

	Работники, не полностью получившие зарплату, %	Распределение работников по сроку задолженности, %				Средняя сумма задолженности (если имеется), руб. декабря 2015 г.
		1 месяц и менее	1–2 месяца	2–3 месяца	Больше 3-х месяцев	
1994						
Мужчины	40,3	35,6	29,6	16,9	18,0	24 954
Женщины	35,8	41,6	25,4	14,9	18,1	12 871
Всего работников	38,1	38,3	27,7	16,0	18,0	19 205
1998						
Мужчины	65,1	19,4	19,3	18,7	42,6	32 153
Женщины	62,8	21,2	21,0	17,0	40,7	16 541
Всего работников	63,9	20,3	20,2	17,8	41,7	23 988
2000						
Мужчины	33,1	38,0	18,9	10,8	32,4	16 740
Женщины	25,9	46,3	21,8	9,1	22,8	9968
Всего работников	29,6	41,5	20,1	10,1	28,3	13 831
2004						
Мужчины	16,8	42,1	26,9	12,9	18,1	19 212
Женщины	12,6	54,0	22,7	13,2	10,1	12 748
Всего работников	14,7	47,2	25,1	13,0	14,7	16 363

Продолжение таблицы 10

	Работники, не полностью получившие зарплату, %	Распределение работников по сроку задолженности, %				Средняя сумма задолженности (если имеется), руб. декабря 2015 г.
		1 месяц и менее	1–2 месяца	2–3 месяца	Больше 3-х месяцев	
2012						
Мужчины	3,4	59,0	23,6	6,7	10,8	32 730
Женщины	2,7	61,4	14,6	8,0	16,0	23 231
Всего работников	3,1	60,0	19,8	7,2	13,0	29 495
2014						
Мужчины	3,2	56,1	21,0	11,5	11,4	32 475
Женщины	1,8	62,6	23,7	2,5	11,2	19 702
Всего работников	2,5	58,3	21,9	8,4	11,3	28 005
2015						
Мужчины	3,1	52,8	26,6	10,3	10,3	35 400
Женщины	2,5	64,5	19,8	8,9	6,8	23 832
Всего работников	2,8	57,6	23,8	9,7	8,9	30 954

*Мужчины в возрасте 18–60 лет, женщины в возрасте 18–55 лет.

С одной стороны, уменьшилась доля работников, которым заработная плата задерживалась на минимальные и максимальные сроки. Так, удельный вес лиц, которым зарплата задерживалась на 1 месяц и менее, уменьшился с 58,3% в 2014 г. до 57,6% в 2015 г., а доля работников, которым зарплата задерживалась на срок больше 3 месяцев, снизилась с 11,3 до 8,9% соответственно. С другой стороны, увеличились доли работников, которым заработная плата задерживалась на срок 1–2 месяца – с 21,9% в 2014 г. до 23,8% в 2015 г., и на срок 2–3 месяца – с 8,4 до 9,7% соответственно. Характерно, что годом ранее наблюдалась более ясная картина, демонстрирующая сокращение сроков задолженности по заработной плате. С одной стороны, отмечалось увеличение удельного веса лиц, которым заработная плата задерживалась на короткие сроки – на 1 месяц и менее (с 54,5% в 2013 г. до 58,3% в 2014 г.) и на 1–2 месяца (с 16,8 до 21,9% соответственно); с другой стороны, наблюдалось сокращение удельного веса работников, которым заработная плата задерживалась на длительные сроки – на 2–3 месяца (с 12,8 до 8,4%) и на срок более 3 месяцев (с 16 до 11,3%).

Увеличение средней суммы задолженности по заработной плате на основном месте работы, наблюдавшееся длительное время, но с некоторыми перерывами, в 2014 г. прекратилось, но в 2015 г. вновь возобновилось. Так, в 2014 г. по сравнению с 2013 г. средняя сумма задолженности по заработной плате уменьшилась почти на 5%, тогда как в 2015 г. по сравнению с 2014 г. она увеличилась на 10,5%. Рост задолженности чаще всего был обусловлен отсутствием у предприятий собственных средств, а рассчитывать на дотации государства в условиях тяжелого экономического кризиса им не приходилось. При этом задержки не всегда были продиктованы острой нехваткой денег. Часто работодатели просто не хотели изымать средства из оборота, полагая, что в будущем это принесет большую выгоду. Такая ситуация была характерна не только для малого и среднего бизнеса, но и для крупных предприятий.

Женщинам по-прежнему зарплату задерживают реже, чем мужчинам. Вместе с тем с 2014 по 2015 г. доля мужчин, не полностью получивших заработную плату на основном месте работы, уменьшилась на едва заметные 0,1 п. п. — с 3,2 до 3,1%, тогда как аналогичная доля женщин поднялась на 0,7 п. п. — с 1,8 до 2,5%. Кроме того, женщинам задерживают зарплату на более короткие сроки и на меньшие суммы. В 2015 г. суммарная доля лиц, которым заработная плата задерживалась на короткие сроки — на 1 месяц и менее и на 1–2 месяца, среди женщин была намного больше, чем среди мужчин (84,3% против 79,4% соответственно), тогда как суммарная доля работников, которым зарплата задерживалась на длительные сроки — на 2–3 месяца и больше 3 месяцев, была, наоборот, больше среди мужчин (20,6% против 15,7% среди женщин).

Увеличение задолженности по заработной плате затронуло как мужчин, так и женщин. Если с 2013 по 2014 г. средняя сумма задолженности уменьшилась у мужчин на 0,8%, а у женщин — на 15,2%, то с 2014 по 2015 г. у мужчин она выросла на 9%, тогда как у женщин — почти на 21%. Примечательно, что, несмотря на такие значительные изменения, различие между мужчинами и женщинами в величине задолженности по заработной плате сохранилось на прежнем уровне. Так, в 2014 г. средняя сумма задолженности по зарплате у мужчин была больше, чем у женщин, почти в 1,6 раза, а в 2015 г. — более чем в 1,5 раза.

Данные Росстата подтверждают то, что в 2015 г. проблема задолженности по заработной плате не носила в России угрожающего характера. Так, согласно официальным данным, объем просроченной задолженности по заработной плате на 1 декабря 2015 г. составил менее 1% месячного фонда заработной платы работников наблюдаемых видов экономической деятельности. В общем объеме просроченной задолженности по заработной плате 37% приходилось на обрабатывающие производства, 29% — на строительство, 9% — на производство и распределение электроэнергии, газа и воды, 7% — на транспорт, 6% — на добычу полезных ископаемых, 5% — на сельское хозяйство, охоту и предоставление услуг в этих областях, лесозаготовки. Задолженность по заработной плате на 1 декабря 2015 г. имела перед 90 тыс. человек (менее 1% работников по обследуемым видам экономической деятельности), из них 35% — работники обрабатывающих производств; 24% — строительства; 17% — производства и распределения электроэнергии, газа и воды; 8% — сельского хозяйства, охоты и предоставления услуг в этих областях, лесозаготовок; 5% — транспорта. 97,9% общей суммы просроченной задолженности составляла просроченная задолженность по заработной плате из-за отсутствия у организаций собственных средств.

Суммарная просроченная задолженность по заработной плате в России выросла за год больше чем на треть. Долги по зарплате начали быстро расти только в мае. Согласно данным Минтруда, на 1 ноября 2015 г. суммарная задолженность по выплате зарплаты составила около 3,5 млрд руб. и не достигала критического уровня.

Источники трудового дохода и гендерные различия

В [таблице 11](#) представлены достаточно подробные данные RLMS-HSE о распределении мужчин и женщин трудоспособного возраста, имеющих трудовой доход, с разбивкой по источникам дохода (доля сообщивших о получении того или иного вида дохода), которые дают представление об отдельных важных проблемах гендерного характера, относящихся к теме данного исследования

Таблица 11

**Источники доходов от трудовой деятельности трудоспособного населения:
мужчины в возрасте 18–60 лет; женщины в возрасте 18–55 лет, 1992–2015 гг.**

Источники доходов	1992	1998	2004	2008	2013	2014	2015
Мужчины							
Доход от работы на государственных предприятиях, %	64,2	31,6	30,9	31,2	32,3	32,5	29,1
Средний размер получаемого дохода [*]	15 493	9235	16 480	26 595	28 633	28 431	27 376
Доход от работы на частных или на предприятиях смешанной формы собственности, %	15,7	20,9	32,9	38,4	40,2	39,4	42,0
Средний размер получаемого дохода [*]	14 557	11 501	22 330	31 390	32 260	32 576	33 064
Доход от работы в неформальном секторе, %	2,4	10,0	12,4	9,0	8,6	8,0	9,0
Средний размер получаемого дохода [*]	22 940	5188	11 801	2775	17 688	21 315	19 739
Доход от трудовой деятельности, %	80,3	58,3	72,7	75,9	78,7	77,4	77,9
Средний размер получаемого дохода [*]	15 913	10 004	19 104	28 961	30 166	30 749	30 280
Женщины							
Доход от работы на государственных предприятиях, %	60,0	34,4	37,6	37,3	38,1	38,0	35,9
Средний размер получаемого дохода [*]	10 427	5985	10 109	16 805	20 521	20 763	20 852
Доход от работы на частных или на предприятиях смешанной формы собственности, %	9,7	17,5	26,0	30,2	30,5	31,4	32,0
Средний размер получаемого дохода [*]	10 329	8582	14 827	23 406	25 022	24 139	24 500
Доход от работы в неформальном секторе, %	1,8	5,9	6,6	5,5	4,6	4,8	5,6
Средний размер получаемого дохода [*]	13 831	2836	7475	14 091	11 393	13 472	10 844
Доход от трудовой деятельности, %	70,0	55,4	67,7	70,3	70,9	71,9	71,0
Средний размер получаемого дохода [*]	10 752	6739	12 022	20 055	22 498	22 394	22 431

^{*}Средний размер получаемого дохода рассчитывается по доходу тех, кто имел доход, в руб. декабря 2015 г.

Анализ этих данных показывает, что в 2015 г., как и во все предыдущие годы, мужчины превосходили женщин по доле получающих тот или иной вид дохода от трудовой деятельности и по величине среднего размера получаемого дохода от трудовой деятельности. Причем в 2015 г. этот разрыв после некоторого сокращения годом ранее вновь увеличился. Так, если в 2013 г. преобладание мужчин над женщинами по доле получающих доход от трудовой деятельности составляло 7,8 п. п. (78,7 против 70,9%), то в 2014 г. – только 5,5 п. п. (77,4 против 71,9%), но в 2015 г. – уже 6,9 п. п. (77,9 против 71%). Это сокращение произошло за счет разнонаправленных изменений удельного веса работающих мужчин и женщин, получающих доход от трудовой деятельности. Если за последний год доля мужчин трудоспособного возраста, получающих доход от трудовой деятельности, увеличилась на 0,5 п. п., то аналогичная доля женщин уменьшилась на 0,9 п. п. Если обратиться к долгосрочным тенденциям, то общим трендом для мужчин и женщин трудоспособного возраста является нарастание удельного веса лиц, получающих

доход от трудовой деятельности. В целом за 1998–2015 гг. доля респондентов с доходом от трудовой деятельности выросла: у мужчин на 19,6 п. п. (с 58,3 до 77,9%), у женщин – на 15,6 п. п. (с 55,4 до 71%).

В 2015 г. увеличилось и без того солидное преобладание мужчин над женщинами по доле лиц трудоспособного возраста, получающих доход от работы на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности, т. е. по доле занятых на предприятиях и в организациях, обеспечивающих своим работникам наиболее высокий доход. Так, в 2013 г. это превосходство составляло 9,7 п. п. (40,2 против 30,5%), в 2014 г. – только 8 п. п. (39,4 против 31,4%), а в 2015 г. – уже 10 п. п. (42 против 32%). Удельный вес работников, занятых на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности, среди мужчин трудоспособного возраста после сокращения с 41,6% в 2011 г. до 40,1% в 2012 г., в 2013 г. увеличился до 40,2%, но в 2014 г. вновь сократился до 39,4%, а в 2015 г. опять увеличился до 42%. В то же время аналогичная доля женщин после небольшого сокращения в 2013 г. по сравнению с 2012 г. с 30,7 до 30,5% в 2014 г. увеличилась до 31,4%, и далее в 2015 г. – до 32%. Эти изменения показывают, что рост количества работников и работниц, занятых на предприятиях частного сектора и на предприятиях смешанной формы собственности, который особенно активно происходил в 1990-е годы и в начале 2000-х годов, но приостановился в последние годы, в 2015 г. резко ускорился. В результате этого роста в 2015 г. были достигнуты максимальные показатели занятости мужчин и женщин на предприятиях частного сектора или предприятиях смешанной формы собственности.

Одновременно среди мужчин и женщин трудоспособного возраста сократилось количество лиц, которые работали на предприятиях государственного сектора. Так, доля мужчин, занятых на государственных предприятиях, с 2013 по 2014 г. увеличилась на 0,2 п. п. – с 32,3 до 32,5%, но в 2015 г. стремительно упала до 29,1%, т. е. на 3,4 п. п. В то же время среди женщин трудоспособного возраста доля лиц, занятых в государственном секторе, с 2013 по 2014 г. уменьшилась с 38,1 до 38%, т. е. всего лишь на 0,1 п. п., и затем в 2015 г. она сразу снизилась на 2,1 п. п. – до 35,9%. Приведенные данные также показывают, что, как и во все предыдущие годы, женщины, уступая мужчинам первенство в сфере занятости на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности, чаще занимают хуже оплачиваемые рабочие места в государственном секторе. Так, если в 2013 г. доля женщин, получающих доход от работы на государственных предприятиях, превышала аналогичную долю мужчин на 5,8 п. п., в 2014 г. – на 5,5 п. п., то в 2015 г. – на 6,8 п. п.

Устойчивым остается преобладание мужчин трудоспособного возраста над женщинами трудоспособного возраста по доле лиц, получающих доход от работы в неформальном секторе. В 2014 г. по сравнению с 2013 г. соответствующая доля работников среди мужчин трудоспособного возраста сократилась с 8,6 до 8%, но в 2015 г. она выросла до 9%, т. е. на 1 п. п. В то же время доля лиц, занятых в неформальном секторе, среди женщин трудоспособного возраста увеличилась с 4,6% в 2013 г. до 4,8% в 2014 г., т. е. на 0,2 п. п., и далее до 5,6% в 2015 г., т. е. на 1,2 п. п.

Дальнейший анализ показал, что женщины продолжают уступать мужчинам по уровню доходов, получаемых на предприятиях с разной формой собственности. По данным RLMS-HSE, в среднем российские женщины получают примерно на четверть меньше, чем мужчины. В 2015 г. средний размер дохода от трудовой дея-

тельности, получаемого женщинами, составлял 74,1% от среднего дохода мужчин. Это было лишь немного больше, чем 72,8% в 2014 г., но меньше, чем 74,6%, зафиксированных в 2013 г.

В России, как и во многих других странах, за одну и ту же работу женщины получают намного меньше мужчин. Как правило, они заняты менее квалифицированным трудом и слабо представлены на руководящих постах. По-прежнему существует негласное деление на женские и мужские профессии. Хотя нельзя не отметить, что за последние годы женщины значительно преуспели в карьерной гонке. Появилось немало профессий, где женщины претендуют на более высокие зарплаты, чем мужчины. Но, несмотря на это, засилье мужчин на высокооплачиваемых позициях по-прежнему сохраняется. Мужское доминирование на руководящих должностях наблюдается в различных отраслях экономики и сферах деятельности. И даже среди претендентов на высокооплачиваемые позиции топ-менеджеров женщины, как правило, оказываются в меньшинстве. Все это в полной мере сказывается и на формировании зарплатных ожиданий женщин, которые, несмотря на сокращение разрыва, очень часто оказываются ниже, чем у мужчин. Как показывает практика, базовые ставки по заработной плате для обоих полов в России одинаковые, но женщины очень часто сами соглашались на меньшую зарплату, стараясь получить нужную им работу или сохранить рабочее место.

Что касается реализации карьерных амбиций, то чаще добиваются успеха на карьерном поприще целеустремленные и профессионально подготовленные люди, но эти качества напрямую не определяются полом. К тому же, как показывает практика, карьерный рост во многом связан с теми ресурсами, которые сотрудник готов вкладывать в свое профессиональное развитие. Россиянки к подобным жертвам обычно не готовы.

Традиционно наименьшие различия в заработках между мужчинами и женщинами наблюдаются на предприятиях частного сектора и смешанной формы собственности. Вместе с тем в последние годы показатели соотношения доходов, получаемых мужчинами и женщинами от трудовой деятельности на частных и государственных предприятиях, выровнялись. Но, несмотря на эти перемены, разрыв в заработках между мужчинами и женщинами остается очень большим.

Так, в 2015 г., как и в 2014 г., средний размер дохода от трудовой деятельности на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности, получаемого женщинами, составлял 74% от соответствующего дохода мужчин. Эти данные еще раз подтверждают известный факт, что российские женщины, хотя и занимают высокие посты в частных компаниях, по заработной плате очень сильно отстают от своих коллег-мужчин, занимающих те же позиции. В то же время на предприятиях государственного сектора это соотношение в 2014 г. составляло 73%, а в 2015 г. — 76%. Если обратиться к более ранним данным, то можно увидеть, что в последние годы наблюдается довольно последовательный рост указанного показателя, свидетельствующий о приближении заработков женщин к заработкам мужчин в государственном секторе.

Что касается неформального сектора, традиционно являющегося сферой женского доминирования, то здесь наблюдается постепенное увеличение преобладания мужчин над женщинами по уровню доходов. Так, если в 2012 г. средний размер дохода, получаемого от работы в неформальном секторе, у женщин составлял 69,1% от аналогичного дохода мужчин, то в 2013 г. данный показатель снизился до 64%, в 2014 г. — до 63%, а в 2015 г. — уже до 55%.

Согласно данным Росстата, наибольший разрыв в заработках между мужчинами и женщинами наблюдается сегодня в сфере научных исследований и обрабатывающих производств. В то же время в сферах образования и здравоохранения средняя заработная плата женщин практически сравнялась с заработками мужчин.

Пенсии и невыплаты пенсий

На рис. 17 представлены данные RLMS-HSE относительно среднего размера пенсий и масштаба невыплаты пенсий мужчинам и женщинам в России с ноября 1993 г. Они, в частности, убеждают, что невыплата пенсии была важным фактором только лишь в 1996 г., когда более трети российских пенсионеров не получили пенсии за месяц, предшествующий опросу.

Рис. 17. Доля пожилых людей, не получивших пенсию за последний месяц, %, и средний размер ежемесячной пенсии для получающих пенсию, 1993–2015 гг., в руб. декабря 2015 г.

В последние годы проблема невыплат пенсий практически отсутствует. После небольшого снижения в 2006 г. в дальнейшем размер пенсий как для мужчин, так и для женщин, только увеличивался. Особенно значительным этот рост был в период экономического кризиса 2008–2009 гг., когда государственные трансфертные выплаты рассматривались в качестве важнейшего фактора сохранения стабильности в стране. Но потом рост замедлился и, наконец, в 2012 г. практически приостановился. В 2014 г. средний размер пенсии для мужчин немного снизился, тогда как для женщин практически не изменился. Вместе с тем в 2015 г. был выявлен существенный рост пенсий у пенсионеров обоего пола. Так, если с 2013 г. по сравнению 2014 г. средний размер пенсии для мужчин увеличился только на 1,1%, то в 2015 г. – уже на 8,2%. В то же время у женщин средней размер пенсии с 2013 по 2014 г. увеличился всего лишь на минимальные 0,1%, тогда как в 2015 г. по сравнению с 2014 г. он вырос на 6,6%.

Анализ также показал, что в 2012 г. была выявлена не только остановка роста реального размера пенсий, но и определенная стабилизация показателя, характеризующего отставание среднего размера пенсий для женщин от среднего размера

пенсий для мужчин. Так, если в 2011 г. средний размер пенсии для женщин составлял 85,7% от среднего размера пенсии для мужчин, то в 2012 г. данный показатель уменьшился до 85,1%, т. е. на 0,6 п. п., и в 2013 г. сохранился на том же уровне. В 2014 г. по сравнению с 2013 г. этот показатель увеличился до 86,1%, т. е. приблизительно на 1 п. п., но в 2015 г. вновь уменьшился до 84,7%, т. е. на 1,4 п. п. В результате последних изменений средний размер пенсии для женщин немного приблизился к среднему размеру пенсии для мужчин, что, однако, не дает оснований для серьезных выводов.

Задолженность по квартплате и оплате коммунальных услуг

Обобщенные сведения о распределении обследованных домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или коммунальным услугам за длительный период — с 1995 по 2015 г., приведены в [таблице 12](#).

Таблица 12

Распределение домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, 1995–2015 гг.

Категория домохозяйства	Все домохозяйства	В том числе			
		Домохозяйства во главе с мужчиной работоспособного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной работоспособного возраста	Домохозяйства во главе с мужчиной пенсионного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной пенсионного возраста
1995					
Доля домохозяйств-должников, %	22,0	25,2	30,6	7,6	13,4
Сумма задолженности (если есть)*	2395	2588	2505	1156	895
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	1294	1518	1282	846	779
1998					
Доля домохозяйств-должников, %	37,5	43,1	43,4	19,6	24,9
Сумма задолженности (если есть)*	4676	5366	4479	1999	1297
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	1325	1659	1294	797	696
2004					
Доля домохозяйств-должников, %	16,3	19,3	23,8	3,7	7,2
Сумма задолженности (если есть)*	10 326	11 347	10 161	1708	3164
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	2624	3170	2631	1757	1435

Продолжение таблицы 12

Категория домохозяйства	Все домохозяйства	В том числе			
		Домохозяйства во главе с мужчиной работоспособного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной работоспособного возраста	Домохозяйства во главе с мужчиной пенсионного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной пенсионного возраста
2014					
Доля домохозяйств-должников, %	7,2	8,6	11,8	3,2	2,6
Сумма задолженности (если есть)*	17 344	17 384	18 206	4982	23 443
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	4387	4991	4740	3514	3179
2015					
Доля домохозяйств-должников, %	8,4	10,8	12,2	3,4	3,1
Сумма задолженности (если есть)*	18 276	17 127	26 518	5399	20 021
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	4391	4973	4697	3621	3345

*Средние суммы месячной платы за жилье и коммунальные услуги и суммы задолженности указаны в руб. декабря 2015 г.

Данные таблицы показывают, что до последнего времени прослеживалось последовательное уменьшение удельного веса российских домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или коммунальным услугам, и в то же время наблюдался не менее поступательный рост средней суммы соответствующей задолженности. Однако в самые последние годы эти тенденции потеряли свою прежнюю стройность, а затем получили обратную динамику. В частности, за 2011–2013 гг. доля домохозяйств-должников уменьшилась с 8,1 до 6,5%, но с началом нового кризиса, который вызвал снижение уровня жизни россиян, она вновь выросла в 2014 г. до 7,2%, т. е. на 0,7 п. п. По мере дальнейшего сокращения доходов населения был выявлен очередной рост количества домохозяйств-должников. Так, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. их доля увеличилась на 1,2 п. п. и достигла 8,4%.

Примечательно, что средняя сумма задолженности российских домохозяйств по квартплате и/или оплате коммунальных услуг в 2012 г. по сравнению 2011 г. выросла на 4%. В 2013 г. по сравнению с 2012 г. она вновь увеличилась на 3,2%, но в 2014 г. уменьшилась на 0,5%. И наконец, в 2015 г. был выявлен новый рост на 5,4%. В целом с 1998 по 2015 г. средняя сумма задолженности домохозяйств по квартплате и/или оплате коммунальных услуг выросла почти в 4 раза.

Не менее противоречиво менялась в последние годы средняя сумма месячной платы российских домохозяйств за жилье и коммунальные услуги. Если до 2011 г. наблюдалось ее поступательное увеличение, то в 2011 г. было установлено, хотя

и минимальное, но все же сокращение на 1,4%. Далее, в 2012 г. было зафиксировано небольшое увеличение средней суммы месячной платы домохозяйств за жилье и коммунальные услуги на 1,9%, и затем в 2013 г. ее более солидное повышение на 3,8%. Вместе с тем в 2014 г. вновь было выявлено существенное уменьшение данного показателя, которое составило 3,4%, и дальнейшая его стабилизация на этом уровне в 2015 г. (зафиксирован исключительно символический рост на мизерные 0,1%).

Из таблицы 12 видно, что самые высокие расходы на оплату жилья и/или коммунальных услуг, как правило, несут домашние хозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста. С 2012 по 2013 г. средняя сумма этих расходов выросла на 4,5%, но в 2014 г. снизилась на 3,2%, и далее в 2015 г. еще на 0,4%. В то же время средняя сумма месячной платы за жилье и/или коммунальные услуги домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста за 2012–2013 гг. увеличилась почти на 1,8%, но в 2014 г. она снизилась на 2,9%, и затем в 2015 г. еще на 0,9%. Что касается домохозяйств во главе с женщиной пенсионного возраста, то были отмечены следующие изменения: рост в 2013 г. на 3,9%; снижение в 2014 г. на 2,9%, и далее в 2015 г. новое увеличение на 3%. Аналогичные тенденции наблюдались и в отношении домохозяйств, возглавляемых женщинами пенсионного возраста: в 2013 г. рост на 2,9%, сокращение в 2014 г. на 2,4% и новое увеличение в 2015 г. на 5,2%.

В ходе дальнейшего анализа было установлено, что после отмеченных изменений расходы на жилье и/или коммунальные услуги, которые несут домохозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста, стали превышать расходы домохозяйств, возглавляемых женщинами трудоспособного возраста, на 5,9%, что было немного меньше, чем 5,3%, зафиксированных в 2014 г. и 5,6% — в 2013 г. В отношении домохозяйств, возглавляемых мужчинами пенсионного возраста, это превалирование составило в 2015 г. 37,3%, что было меньше, чем 42,1% в 2014 г. и 42,5% в 2013 г. И еще более существенным оказалось это превышение при сопоставлении расходов на жилье и/или коммунальные услуги, которые несут домохозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста, с аналогичными расходами домохозяйств, возглавляемых женщинами пенсионного возраста: 48,7% в 2015 г., что, однако, было меньше, чем 57% в 2014 г. и 58,3% в 2013 г. Анализ также показал, что в 2014 г. у домохозяйств во главе с мужчинами пенсионного возраста расходы на жилье и/или коммунальные услуги были выше, чем у домохозяйств, возглавляемых женщинами-пенсионерами, на 10,5%, но в 2015 г. это превышение сократилось до 8,3%.

Домохозяйства во главе с мужчинами или женщинами трудоспособного возраста гораздо чаще попадают в разряд должников по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, чем домохозяйства, возглавляемые мужчинами или женщинами, достигшими пенсионного возраста. Увеличение количества должников, выявленное в последние годы, затронуло обследованные домохозяйства всех выделенных нами типов. Так, доля должников среди домохозяйств во главе с женщиной трудоспособного возраста увеличилась в 2014 г. по сравнению с 2013 г. всего лишь на 0,1 п. п. — с 8,5 до 8,6%, а в 2015 г. еще на 2,2 п. п. — до 10,8%. В то же время удельный вес должников среди домохозяйств во главе с женщиной трудоспособного возраста вырос в 2014 г. по сравнению с 2013 г. на 3,1 п. п. — с 8,7 до 11,8%, и в 2015 г. еще на 0,4 п. п. — до 12,2%. Среди домохозяйств, возглавляемых мужчинами-пенсионерами, рост доли должников составил 1,9% в 2013 г. до 3,2%

в 2014 г., т. е. на 1,3 п. п., и затем до 3,4% в 2015 г., т. е. на 0,2 п. п. И наконец, среди домохозяйств во главе с женщинами-пенсионерами рост удельного веса домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, увеличился в 2014 г. по сравнению с 2013 г. на 0,9 п. п. — с 1,7 до 2,6%, а затем в 2015 г. еще на 0,5 п. п. — до 3,1%.

Средине суммы задолженности домохозяйств по оплате жилья и/или коммунальных услуг меняются от года к году на значительную величину. Так, у домохозяйств во главе с мужчинами и женщинами трудоспособного возраста средняя сумма задолженности в 2014 г. по сравнению с 2013 г. практически не изменилась, а в 2015 г. уменьшилась на 1,5%. У домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста эта сумма в 2013 г. резко выросла на 18,4%, но в 2014 г. уменьшилась на 1,1%, а в 2015 г. вновь совершила стремительный взлет на 45,7%. В то же время у домохозяйств, возглавляемых мужчинами пенсионного возраста, сумма задолженности по квартплате и/или оплате коммунальных услуг в 2014 г. быстро уменьшилась в 1,6 раза, тогда как в предыдущем году не менее стремительно выросла в 1,7 раза. После таких падений и взлетов рост данного показателя на 8,4% в 2015 г. выглядит очень скромным. Что касается домохозяйств во главе с женщинами-пенсионерами, то у них средняя сумма задолженности по квартплате и/или оплате коммунальных услуг в последние годы менялась не менее быстрыми темпами. В частности, в 2013 г. по сравнению с 2012 г. она выросла в 1,8 раза, в 2014 г. по сравнению с предыдущим годом она вновь увеличилась почти в 1,2 раза, но в 2015 г. вернулась на прежний уровень, уменьшившись в 1,2 раза.

Стоит также обратить внимание на тот интересный факт, что если в 2014 г. ведущую позицию по величине средней суммы задолженности по оплате жилья и/или коммунальных услуг занимали домохозяйства во главе с женщинами-пенсионерами, то в 2015 г. — домохозяйства, возглавляемые женщинами трудоспособного возраста. На третьей позиции постоянно находилось домохозяйства, возглавляемые мужчинами трудоспособного возраста, а на последней позиции с большим отрывом располагались домохозяйства во главе с мужчинами пенсионного возраста. В 2015 г. домохозяйства во главе с женщинами трудоспособного возраста превосходили по данному показателю домохозяйства, возглавляемые мужчинами трудоспособного возраста, в 1,5 раза. Менее существенным этот отрыв был от домохозяйств во главе с женщинами пенсионного возраста — 1,3 раза, а самым большим, достигающим 5 раз, — от домохозяйств, возглавляемых женщинами пенсионного возраста.

По данным Минстроя, на конец 2015 г. уровень задолженности за жилищно-коммунальные услуги составил 968 млрд руб. (718 млрд руб. — долг юридических лиц; 250 млрд руб. — граждан).

Удовлетворенность жизнью и оценка жизненных перспектив

Обострение экономического кризиса, принявшего затяжной и всеохватывающий характер, и обострение социально-экономической ситуации вызвали резкий рост инфляции и стремительное сокращение доходов населения, что привело к снижению стандартов и качества жизни граждан и ухудшению социального

самочувствия россиян. С начала года исследования постоянно фиксировали нарастание социальной напряженности, связанное с ухудшением экономической ситуации в стране и обострением социальных проблем. Очень ясно прослеживалась динамика, свидетельствующая об усталости населения от внешнеполитической ситуации. Большинство россиян с одобрением относились к внешнеполитическому курсу правительства, и прежде всего к его действиям по воссоединению с Крымом. Но к концу года негативные эмоции, вызванные экономическим кризисом, уже лишь отчасти сглаживались патриотическим подъемом, сохраняющимся после Олимпийских игр в Сочи и присоединением Республики Крым. Выросло понимание того, что внешнеполитические успехи и повышение международного влияния страны имеют конкретную цену.

Анализ данных RLMS-HSE выявил в 2015 г. новое снижение уровня удовлетворенности россиян своей жизнью, которое впервые проявилось в предыдущем году. Данные, представленные в таблице 13, показывают, что за 1998–2013 гг. доля россиян, полностью удовлетворенных или скорее удовлетворенных своей жизнью в целом, увеличилась почти в 4,5 раза – с 11,9 до 52,4%. И только в самом конце 2014 г., когда в полную силу стали проявляться негативные тенденции тяжелого экономического кризиса, было зафиксировано небольшое снижение данного показателя на 1,1 п. п. – до 51,3%.

Таблица 13

Удовлетворенность россиян своей жизнью в целом, 1994–2015 гг., %

Оценка	1994	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2015
Полностью удовлетворены	3,6	2,2	3,8	6,9	5,2	7,0	6,7	9,0	9,1	9,3	8,4
Скорее удовлетворены	10,8	9,7	13,8	26,7	30,3	29,8	36,1	37,0	43,0	42,0	41,2
И да и нет	20,5	18,0	22,1	23,9	24,1	23,3	22,0	22,8	21,6	22,7	23,3
Не очень удовлетворены	40,2	33,4	36,6	30,6	28,8	27,4	24,2	22,2	19,4	18,6	19,3
Совсем не удовлетворены	23,6	35,9	22,7	11,5	11,1	12,0	10,3	8,3	6,4	6,4	7,1
Затруднились ответить	1,3	0,8	1,0	0,4	0,5	0,5	0,7	0,7	0,5	1,0	0,7

Одновременно доля россиян, которые были не очень удовлетворены или совсем не удовлетворены своей жизнью в целом, за указанный период сократилась почти в 3 раза – с 69,3 до 24,4%, но в 2014 г. увеличилась на 0,6 п. п. – до 25%. В конце 2015 г., когда россияне в полной мере ощутили снижение реальных доходов, рост угрозы безработицы, неясность жизненных перспектив, доля респондентов, указавших, что они полностью удовлетворены или скорее удовлетворены своей жизнью в целом, уменьшилась еще на 1,7 п. п. – до 49,6%, а доля тех, которые были не очень удовлетворены или совсем не удовлетворены, выросла на 1,4 п. п. – с 25 до 26,4%. В целом за последние два года исследования доля респондентов, удовлетворенных жизнью, уменьшилась на 2,8 п. п., в то время как доля недовольных жизнью увеличилась на 2 п. п. Но, несмотря на эти изменения, число позитивных ответов почти вдвое превышало число негативных.

Таким образом, к концу 2015 г. подавляющее большинство опрошенных россиян почувствовали на себе негативные последствия экономического кризиса, но это ощущение у разных групп и слоев населения существенно различалось. В то время, когда одни почувствовали ухудшение уровня жизни, но не слишком для них значительное, другие ощутили всю серьезность надвигающихся тягот и невзгод и перешли к режиму серьезной экономии, отказываясь от тех продуктов, к которым давно привыкли, к покупке дешевых промышленных товаров, лекарств и т. п. В провинции, где уровень жизни существенно ниже городского, кризис воспринимался менее болезненно. Население бедной периферии в гораздо меньшей степени ощутило на себе отсутствие импортных продуктов питания и промышленных товаров. Но ни в городе, ни в деревне ситуация все же не воспринималась драматически, о чем свидетельствуют довольно скромные показатели снижения уровня удовлетворенности респондентов своей жизнью в целом.

Одним из наиболее ярких свидетельств крайне сдержанной реакции россиян на кризисные события, развернувшиеся в стране в 2014–2015 гг., является довольно умеренное снижение уровня удовлетворенности пожилых людей тем, как и в каких условиях они живут. Несмотря на то, что абсолютное большинство пенсионеров на себе и своих семьях испытали тяжелые последствия углубляющегося экономического кризиса, в среде пожилых людей по-прежнему преобладали позитивные настроения. Полностью удовлетворены и скорее удовлетворены своей жизнью были около 43% опрошенных пенсионеров, тогда как совсем не удовлетворены и не очень удовлетворены – 32%. Таким образом, преобладание позитивных позиций над негативными составило 11 п. п. Примечательно, что в 2008 г. превалировали негативные мнения, а в конце 2009 г. наблюдался примерный паритет позитивных и негативных позиций. Преобладание позитивных настроений в условиях нарастания жизненных трудностей можно объяснить возросшими адаптационными возможностями, накопленной рыночной опытностью, ростом уверенности пожилых людей в своих силах, в своей способности противостоять неблагоприятным тенденциям социальной среды.

Интересно и то, что обострение экономического кризиса, сопровождающееся ухудшением социально-экономической ситуации, мало отразилось на общем уровне социального самочувствия молодежи. Несмотря на постепенное усиление тревожности, вызванное нарастанием разного рода трудностей, экономической неопределенностью, неясностью собственного настоящего и будущего, данные мониторинга демонстрировали достаточно высокие показатели удовлетворенности молодых россиян своей жизнью. Так, за 2013–2015 гг. доля респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворенных своей жизнью в целом, среди молодых людей практически не изменилась и составила около 63%, что было, однако, намного больше, чем 46% среди лиц более старшего возраста. В когорте 14–17-летних таких было намного больше, чем среди 18–24-летних и 25–29-летних россиян (73% против 62 и 58% соответственно).

Вместе с тем самые разные социологические исследования фиксировали в 2015 г. растущую обеспокоенность россиян экономической повесткой дня, определяющей перспективы социально-экономического развития страны и повышения уровня благосостояния населения. Состояние экономики стало все чаще возглавлять список главных проблем, заботящих россиян. В отличие от кризиса 2008–2009 гг. нынешний экономический кризис сопровождается значительными социальными

издержками. Падение зарплат происходит на фоне высокой долговой нагрузки на население. Ощущается огромное давление на семейные бюджеты различных платежей по кредитам. Градус экономической тревожности россиян повысился на фоне постоянно растущих цен. В 2015 г., как и годом ранее, большинство россиян были обеспокоены валютным курсом. Нервозность вносило и постоянное нагнетание негативных новостей вокруг рубля. Можно сказать, что к концу года уже не осталось людей, которые бы сомневались в том, что страна вступила в затяжной экономический кризис, главными проявлениями которого являются стремительный рост цен, падение зарплат, повышение угрозы безработицы и снижение потребления.

Примечательно, что в конце 2014 г. по сравнению с аналогичным периодом 2013 г. удовлетворенность респондентов материальными условиями жизни несколько повысилась. Об этом свидетельствуют данные мониторинга, представленные на рис. 18¹, содержащие сведения об изменении уровня удовлетворенности россиян своим материальным положением за 2000–2015 гг.

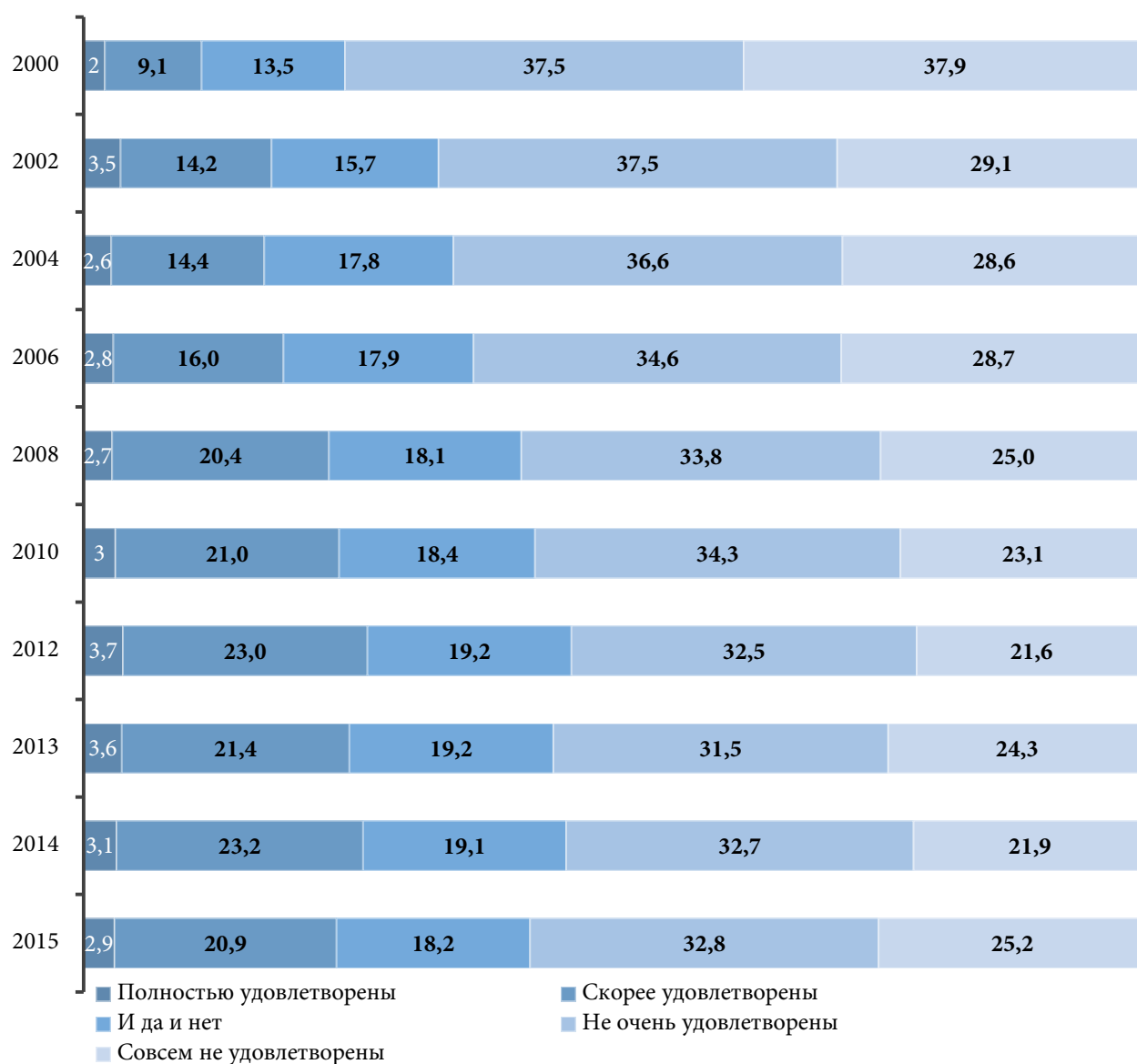

Рис. 18. Удовлетворенность россиян своим материальным положением, 2000–2015 гг., %

¹ Вопрос: «Скажите, пожалуйста, насколько вы удовлетворены своим материальным положением в настоящее время?» задавался с 2000 г.

Однако в конце 2015 г. по сравнению аналогичным периодом 2014 г. доля россиян, которые были полностью или скорее удовлетворены своим нынешним материальным положением, уменьшилась с 26,3 до 23,8%, т. е. на 2,5 п. п., тогда как доля тех, кто в той или иной степени был недоволен материальной стороной своей жизни, выросла с 54,6 до 58%, т. е. на 3,4 п. п.

Более значительными оказались сдвиги в самооценках изменения материального положения семей респондентов за последние 12 месяцев, о которых позволяют судить данные, представленные на рис. 19.

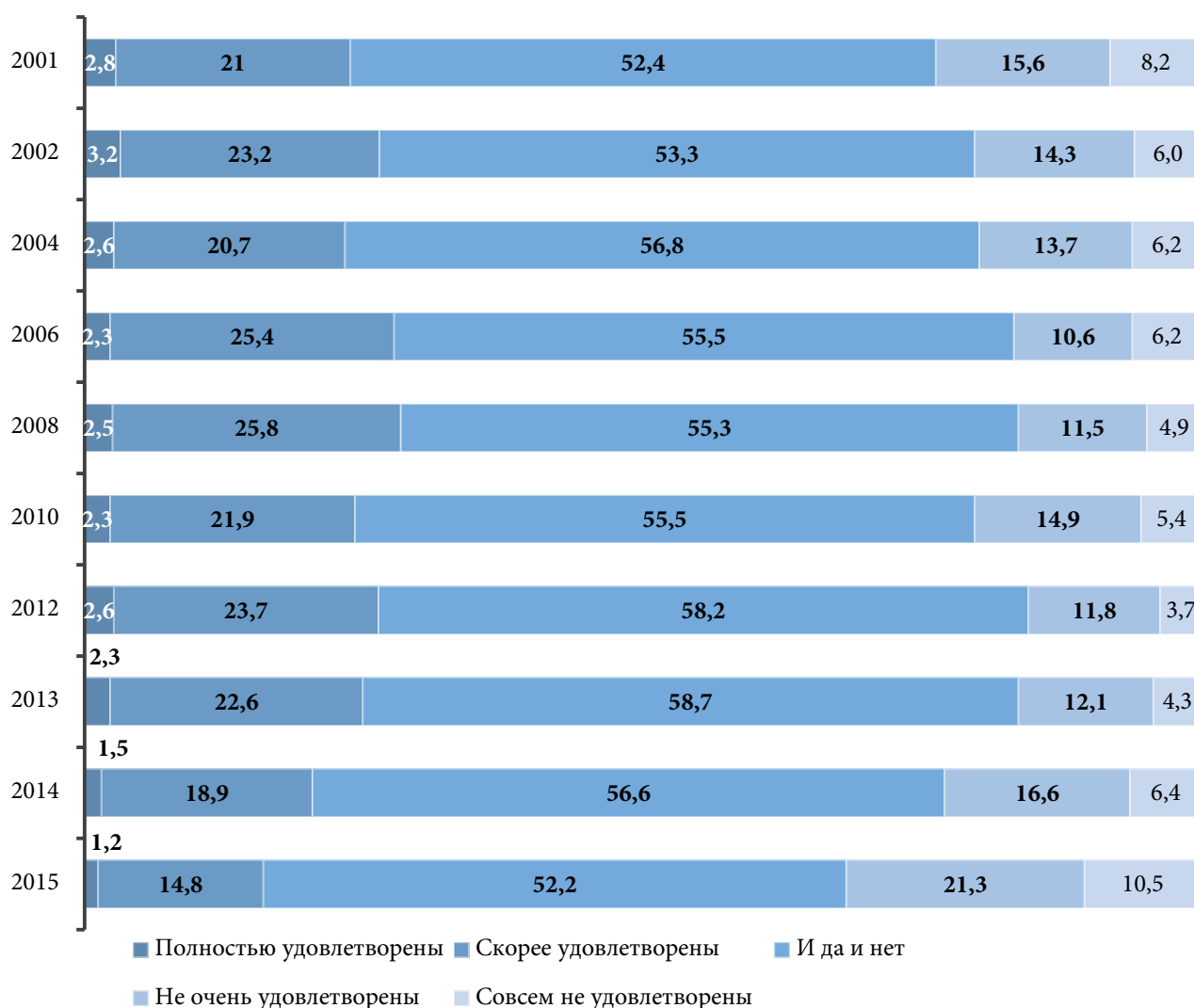

Рис. 19. Оценка изменения материального положения своей семьи за последние 12 месяцев, 2001–2015 гг., %¹

График наглядно демонстрирует, что удельный вес респондентов, заметивших то или иное ухудшение материального положения своей семьи за год, предшествующий опросу, увеличился с 16,4% в 2013 г. до 23% в 2014 г., т. е. на 6,6 п. п., и далее в 2015 г. еще на 8,8 п. п. — до 31,8%. В то же время доля тех, кто указал на улучшение материального положения, снизилась с 24,9% в 2013 г. до 20,4% в 2014 г., т. е. на 4,5 п. п., и затем еще на 4,4 п. п. в 2015 г. — до 16%. В 2016 г. негативных оценок стало уже почти вдвое больше, чем позитивных. В целом за последние два

¹ Вопрос: «Скажите, пожалуйста, как изменилось материальное положение вашей семьи за последние 12 месяцев?» задавался с 2001 г.

года доля россиян, заметивших снижение уровня материального благосостояния своих семей, увеличилась почти в 2 раза, или на 15,4 п. п., тогда как доля тех, кто указывал на повышение материального достатка, снизилась более чем в 1,5 раза, или на 8,9 п. п.

Обращает на себя внимание и тот интересный факт, что свыше половины россиян не почувствовали каких-либо значительных изменений в материальном положении своих семей. Хотя нельзя не заметить, что удельный вес таких респондентов уменьшился с 58,7% в 2013 г. до 52,2% в 2015 г., т. е. на 6,5 п. п. Примерно такой же эта доля была в 2001–2002 гг. В результате указанных сдвигов оценки изменения материального положения своей семьи достигли наихудших значений за все время измерения данного параметра, т. е. начиная с 2001 г.

Результаты исследования выявили очередное снижение самооценок покупательских возможностей россиян, относящихся к различным группам и слоям населения. Об этом свидетельствуют данные мониторинга, представленные на рис. 20, которые характеризуют оценки респондентами своих возможностей по приобретению дорогостоящих предметов и услуг (вопрос включен в «Вопросник для взрослых» в 2005 г.).

Рис. 20. Оценка возможности приобретения дорогостоящих предметов и услуг, 2005, 2010, 2013–2015 гг., % к числу тех, к кому это относится

Данные рисунка, в частности, показывают, что в последние годы самыми быстрыми темпами уменьшалось количество респондентов, которые могут оплачивать учебу своих детей в высшем учебном заведении. Так, доля респондентов, не потерявших способности оплачивать обучение своих детей в том или ином вузе (из числа тех, к кому это относится), снизилась с 36,8% в 2014 г. до 30,1% в 2015 г., т. е. на 6,7 п. п. Важно также обратить внимание на то, что это снижение наблюдается с 2010 г. В целом за прошедшие пять лет число россиян, которые способны платить за учебу своих детей в вузе, сократилось почти на 10 п. п., или на четверть.

Довольно последовательно, но не столь быстрыми темпами, падал удельный вес респондентов, которые способны сразу покупать дорогие товары или откладывать деньги на крупные покупки, такие как легковой автомобиль, дача, мебель, ювелирные изделия и другие дорогостоящие предметы культурного и бытового назначения. Их доля уменьшилась с 18,3% в 2012 г. до 17% в 2013 г., т. е. на 1,3 п. п., далее в 2014 г. на 1,4 п. п. — до 15,6% и затем еще на 1,3 п. п. — до 14,3% в 2015 г. В целом за последние 3 года это снижение составило 2,7 п. п.

Существенно уменьшилось также количество респондентов, отмечающих, что они могут провести всей семьей отпуск за границей, — с 15,4% в 2014 г. до 12,2% в 2015 г., т. е. на 3,2 п. п. И это было первое серьезное падение данного показателя, начиная с 2005 г. Снижение интереса к зарубежному отдыху было вызвано как сокращением доходов населения, так и ростом его стоимости. В связи с ростом курса основных валют отдых за рубежом стал достаточно дорогим, что привело к падению популярности выездного туризма и сокращению числа туроператоров, работающих на зарубежных направлениях.

Накануне кризиса доля респондентов, отмечающих, что могут провести всей семьей отпуск за границей, увеличилась с 14,8% в 2013 г. до 15,4% в 2014 г., т. е. на 0,6 п. п. Но если обратиться к данным за несколько предыдущих лет, то можно увидеть, что удельный вес респондентов, которые могут себе позволить, исходя из финансовых возможностей, провести всей семьей отпуск в одной из зарубежных стран, сначала последовательно увеличился почти в 3 раза, или на 10,7 п. п., — с 5,8% в 2005 г. до 16,5% в 2012 г., однако в 2013 г. сократился на 1,7 п. п. Однако в целом за 2005–2014 гг. удельный вес респондентов, представляющих домохозяйства, располагающие такими существенными финансовыми возможностями, вырос почти в 3 раза, или на 9,6 п. п.

На фоне снижения популярности зарубежного отдыха, вызванного падением доходов населения и ростом стоимости отдыха за границей, у россиян повысился интерес к внутреннему туризму. Но по мере нарастания кризисных явлений даже поездки в Крым, которые было принято считать доступными и дешевыми, стали многим россиянам не по карману. На отпускных планах людей сказывалась также экономическая нестабильность. Поэтому большинство граждан начали отказываться от любых туристических поездок и проводить отпуск дома или в деревне, на даче. В итоге оказалось, что низкая платежеспособность населения не позволила в полной мере поддержать развитие внутреннего туризма, который рассматривается в качестве одного из источников экономического роста.

В то же время удельный вес респондентов, указавших, что их семьи способны радикально улучшить свои жилищные условия, т. е. купить квартиру, комнату, дом (часть дома), коттедж и т. п., после небольших колебаний в предыдущие годы уменьшился с 7,2% в 2014 г. до 6,4% в 2015 г., т. е. на 0,8 п. п.

Что касается оплаты дополнительных занятий своих детей в музыкальных школах, спортивных секциях, изостудиях, творческих кружках и т. п., то такими финансовыми возможностями располагает большинство российских домохозяйств (из тех, к кому это относится). С 2005 по 2013 г. удельный вес респондентов, представляющих такие домохозяйства, вырос на 12,7 п. п. – с 51,1 до 63,8%, но затем к концу 2015 г. уменьшился, буквально за один год, на 6,3 п. п. – до 57,5%.

Самоопределение респондентов в социальном пространстве в RLMS-HSE осуществляется в трех основных измерениях – по шкалам богатства (материального благосостояния), власти и уважения, которые включают 9 ступеней (от низшей к высшей). Ответы на идентификационные вопросы служат основанием для определения субъективных статусов, точнее, статусных характеристик, которые фиксируют положение людей на социальной лестнице и отражают переплетающиеся, но в то же время относительно автономные системы неравенства: собственности, власти и уважения.

Как следует из данных, приведенных в таблице 14¹, за 1998–2015 гг. удельный вес респондентов, относящих себя к бедным и малообеспеченным слоям населения, сократился более чем в 1,5 раза, или на 22 п. п., – с 59,5 до 37,5%, тогда как доля лиц, занимающих, по их же собственному мнению, ступени среднего уровня, выросла на 19,3 п. п. – с 38,7 до 58%, а доля респондентов, относящих себя к наиболее состоятельным слоям, увеличилась на 2,7 п. п. – с 1,8 до 4,5%.

Таблица 14

Распределение респондентов по уровням и ступеням шкалы материального благосостояния: текущие самооценки, 1994–2015 гг., % от числа ответивших

Год	Нижний уровень			Средний уровень			Верхний уровень		
	Низшая ступень	2-я ступень	3-я ступень	4-я ступень	5-я ступень	6-я ступень	7-я ступень	8-я ступень	Высшая ступень
1994	12,6	15,4	24,1	22,5	19,4	4,1	1,5	0,3	0,1
1995	14,2	16,6	22,7	20,9	19,3	4,6	1,4	0,3	0,1
1996	14,3	16,1	22,4	20,4	20,4	4,4	1,6	0,3	0,1
1998	16,8	19,0	23,7	19,2	16,7	2,8	1,2	0,4	0,2
2000	10,4	14,4	22,6	20,3	22,9	6,5	2,3	0,4	0,2
2001	6,9	11,3	23,1	25,0	23,8	6,5	2,4	0,5	0,3
2002	6,3	12,4	24,0	25,0	23,1	6,2	2,5	0,4	0,1
2003	6,7	13,0	23,5	25,5	21,9	6,0	2,5	0,5	0,5
2004	5,2	11,9	22,3	24,0	24,6	7,0	3,6	1,2	0,2
2005	4,6	12,6	22,6	24,6	23,5	7,2	3,7	1,0	0,2
2006	5,8	11,4	23,2	25,2	23,8	7,0	2,9	0,4	0,3
2007	5,0	12,5	22,4	24,3	23,8	8,2	3,0	0,7	0,1
2008	3,8	10,6	22,1	25,1	25,0	8,5	3,7	0,6	0,6

¹ В таблице 14 представлены ответы респондентов на вопрос: «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени стоят нищие, а на высшей, девятой – богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня вы лично?». В ходе анализа полученных данных респонденты были распределены не только по ступеням, но и по трем иерархическим уровням материального благосостояния.

Продолжение таблицы 14

Год	Нижний уровень			Средний уровень			Верхний уровень		
	Низшая ступень	2-я ступень	3-я ступень	4-я ступень	5-я ступень	6-я ступень	7-я ступень	8-я ступень	Высшая ступень
2009	3,6	10,9	23,6	25,8	24,0	8,1	3,3	0,5	0,2
2010	3,1	10,4	22,0	27,6	24,2	8,4	3,5	0,7	0,1
2011	4,1	11,1	21,9	24,5	23,7	9,7	4,2	0,7	0,1
2012	3,6	10,1	22,0	23,4	25,5	9,9	4,3	1,0	0,2
2013	4,6	10,5	21,4	22,8	24,5	10,7	4,5	0,7	0,3
2014	4,1	10,8	22,0	24,1	24,4	10,1	3,7	0,7	0,1
2015	4,4	10,7	22,4	23,8	23,3	10,9	4,0	0,4	0,1

Но если на первых этапах экономических преобразований эти показатели менялись довольно быстро, то в последние годы наблюдаются лишь небольшие сдвиги, не способные внести серьезные коррективы в общую картину. Так, с 2013 по 2015 г. доля респондентов, располагающихся на ступенях нижнего уровня шкалы, увеличилась всего лишь на 1 п. п. – с 36,5 до 37,5%, в том числе за последний год на 0,6 п. п. В то же время доля респондентов, занимающих ступени среднего уровня, сначала увеличилась с 58% в 2013 г. до 58,6% в 2014 г., но затем вновь снизилась до 58% в 2015 г. Удельный вес наиболее обеспеченных и богатых респондентов, располагающихся на трех верхних ступенях шкалы материального благосостояния, уменьшился с 5,5% в 2013 г. до 4,5% в 2014 г., т. е. на 1 п. п., и в 2015 г. не изменился.

Данные RLMS-HSE о распределении респондентов по шкалам материального благосостояния («бедные» – «богатые»), власти («совсем бесправные» – «те, у кого большая власть») и уважения («совсем не уважают» – «очень уважают»), полученные в 2015 г., приведены на рис. 21.

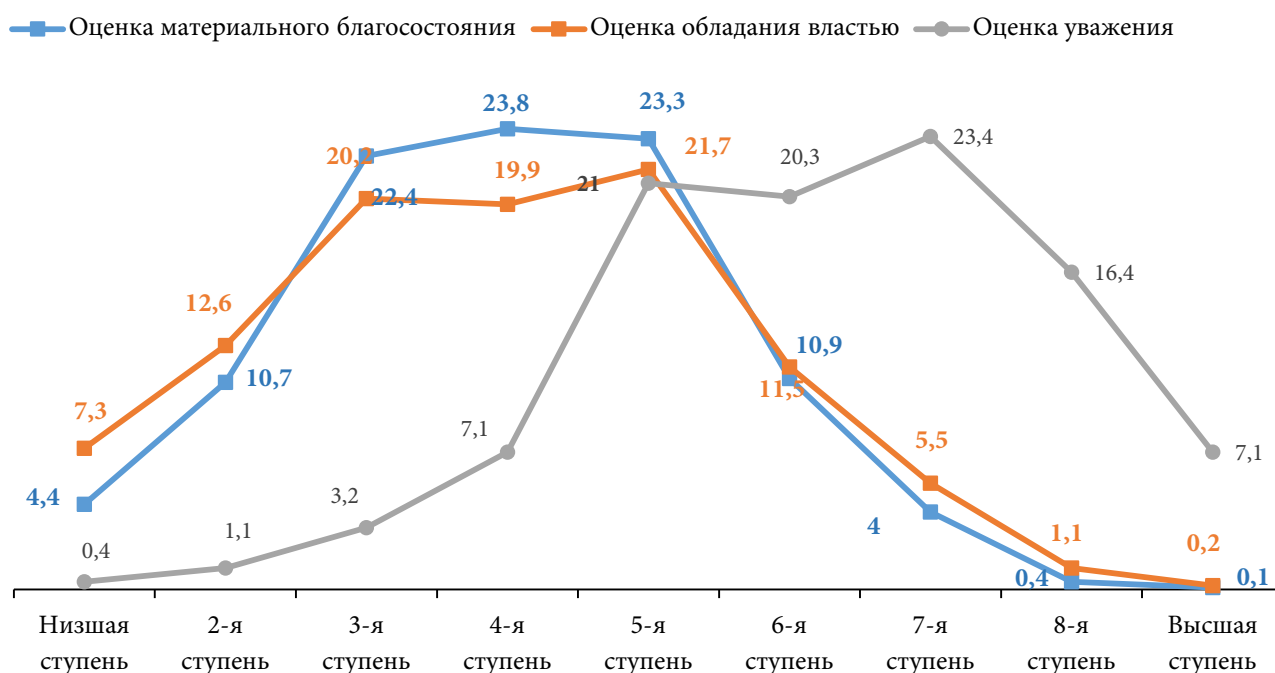

Рис. 21. Распределение респондентов по ступеням шкал материального благосостояния, власти и уважения: текущие самооценки, 2015 г., % от числа ответивших

Из данных рисунка следует, что в конце 2015 г., как и прежде, респонденты лишь немного чаще относили себя к людям, обладающим минимальной или незначительной властью, чем к бедным и малообеспеченным категориям населения. А наиболее высокими оставались самооценки своего положения на шкале уважения. Достаточно указать, что в 2015 г. почти 47% респондентов расположили себя на трех верхних ступенях этой шкалы, соответствующих наиболее высокому уровню уважения со стороны окружающих их людей, и только 4,7% опрошенных отнесли себя к категории людей, которых посторонние по большому счету не уважают или почти не уважают.

Как показывает анализ данных мониторинга, значительное большинство респондентов (к кому это имеет отношение) достаточно высоко оценивает уровень своей профессиональной квалификации. При этом до последнего времени наблюдался рост самооценок уровня профессионального мастерства трудоспособного населения, который приостановился только в самые последние годы. Данные RLMS-HSE о распределении респондентов по ступеням шкалы профессионального мастерства («начинающие, ученики» – «профессионалы высокого класса») за 2013–2015 гг., представленные на рис. 22, демонстрируют довольно близкие значения. Так, доля респондентов, относящих себя к наиболее подготовленному в профессиональном плане контингенту, т. е. занимающих три верхние ступени на шкале профессионального мастерства, уменьшилась с 51,3% в 2013 г. до 50,8% в 2015 г., т. е. всего лишь на 0,5 п. п. В то же время удельный вес респондентов, занимающих ступени среднего уровня шкалы, увеличился с 34,4% в 2013 г. до 37,7% в 2015 г., а доля тех, кто располагается на трех нижних ступенях, уменьшилась с 14,3 до 11,5% соответственно.

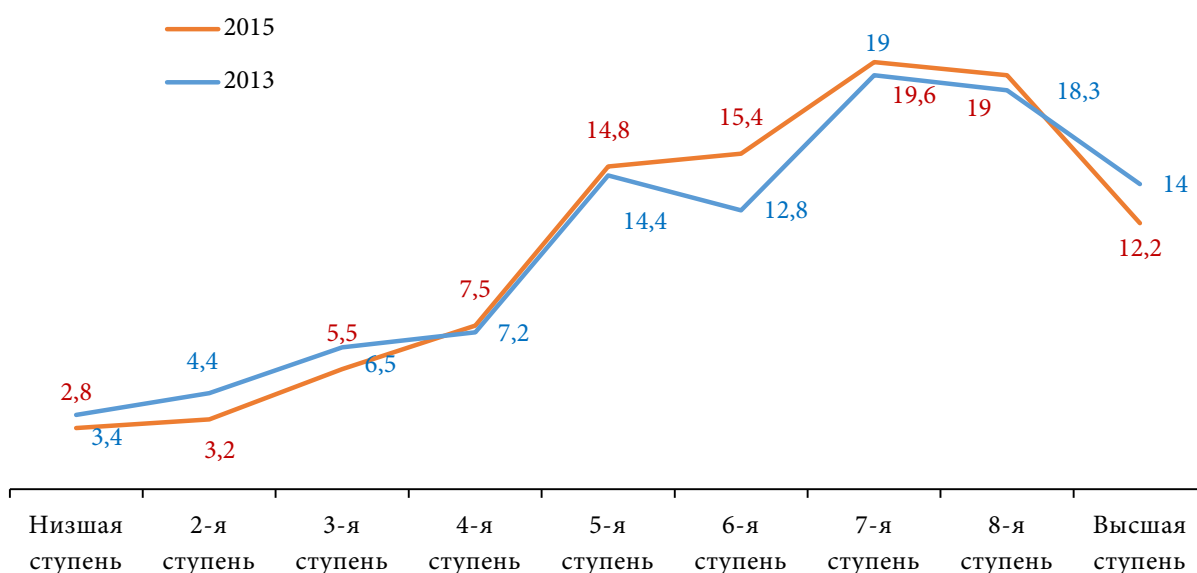

Рис. 22. Распределение респондентов по ступеням шкалы профессионального мастерства: текущие самооценки (к кому это относится), 2013, 2015 гг., % от числа ответивших

По ходу углубления кризисных явлений россиян стали все больше и больше тревожить рост цен на продовольствие и лекарства, бедность и нищета, низкие заработки, угроза безработицы. Увеличилось количество экономических пессимистов. Большинство граждан не ждали быстрого улучшения своего положения,

а готовились к худшему — новому росту цен и повышению уровня безработицы, падению доходов и т. п. Об ухудшении социального самочувствия россиян в 2015 г. свидетельствуют ответы респондентов на вопрос: «Как вы думаете, через 12 месяцев вы и ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня?» (табл. 15).

Таблица 15

Оценка личных и семейных жизненных перспектив, 1994–2015 гг., %

Оценка	1994	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2013	2014	2015
Будут жить намного лучше	2,4	1,5	3,0	3,8	3,6	3,1	3,0	4,0	4,1	3,2	2,7	2,0
Будут жить немного лучше	14,4	9,1	15,7	21,6	20,4	22,1	20,5	24,6	25,6	23,0	20,9	18,7
Ничего не изменится	34,7	28,3	44,1	46,8	46,0	47,1	41,3	45,3	44,2	43,7	40,1	41,2
Будут жить немного хуже	20,0	17,7	11,1	8,3	9,7	5,8	8,9	6,9	7,0	6,8	12,4	11,9
Будут жить намного хуже	20,8	25,7	7,7	3,4	4,0	2,5	4,4	2,5	2,2	3,0	5,0	6,2
Затруднились ответить	7,7	17,7	18,4	16,1	16,3	19,4	21,9	16,7	16,9	20,3	18,9	20,0

Анализ данных таблицы показал, что в конце 2015 г. по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. доля россиян, полагающих, что через 12 месяцев они и их семьи будут жить намного или немного лучше, чем сегодня, уменьшилась на 2,9 п. п. — с 23,6 до 20,7%, тогда как доля считающих, что они и их семьи будут жить немного или намного хуже, увеличилась на 0,7 п. п. — с 17,4 до 18,1%. При этом с 40,1 до 41,2% увеличилась доля тех, кто не рассчитывает на какие-либо изменения. И примерно каждый пятый опрошенный, как и годом ранее, затруднился ответить на поставленный вопрос.

Примечательно, что подобные тенденции наблюдались на протяжении нескольких последних лет. В частности, с 2012 по 2015 г. доля респондентов, негативно оценивающих личные и семейные жизненные перспективы, увеличилась на 9 п. п., тогда как доля тех, кто рассчитывает на лучшее, уменьшилась на те же 9 п. п. Наибольшие негативные сдвиги произошли в 2014 г. В конце 2014 г. по сравнению с концом 2013 г. доля респондентов, негативно оценивающих личные и семейные жизненные перспективы, увеличилась на 7,6 п. п. — с 9,8 до 17,4%. Этот рост произошел за счет сокращения удельного веса тех, кто рассчитывал на лучшее, — с 26,2 до 23,6%, т. е. на 2,6 п. п., и тех, кто не ожидал никаких изменений, — с 43,7 до 40,1%, т. е. на 3,6 п. п.

В таблице 16 приведены обобщенные сведения, характеризующие ответы респондентов на вопрос «Насколько вас беспокоит то, что вы не сможете обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев?».

Как следует из таблицы, с 2014 по 2015 г. доля россиян, в большей или меньшей степени обеспокоенных тем, что не смогут обеспечивать себя самым необходимым в течение ближайшего года, увеличилась с 66,5 до 68%, т. е. на 1,5 п. п., тогда как доля тех, кто выражал противоположные настроения, уменьшилась с 22,1 до

19,7%, т. е. на 2,4 п. п. Такими же скромными были эти изменения и годом ранее. С 2013 по 2014 г. доля респондентов, обеспокоенных проблемой обеспечения своего существования в следующем году, увеличилась на 1,8 п. п., а удельный вес тех, кто занимал противоположную позицию, увеличился на 0,2 п. п. В целом за 2012–2015 гг. доля первых выросла только на 3,2%, тогда как доля вторых уменьшилась на 3,4%.

Таблица 16

**Обеспокоенность невозможностью обеспечивать себя самым необходимым
в ближайшие 12 месяцев, 1994–2015 гг., %**

Оценка	1994	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2013	2014	2015
Очень беспокоит	53,6	64,0	49,6	41,6	40,1	39,2	37,3	32,4	30,4	31,5	33,0	34,1
Немного беспокоит	22,1	20,2	22,8	31,0	31,0	31,3	31,5	32,4	34,4	33,2	33,5	33,9
И да и нет	7,8	6,3	10,7	9,1	11,1	11,8	11,0	11,8	12,1	13,4	11,4	12,3
Не очень беспокоит	11,2	6,6	11,4	12,6	12,1	12,3	14,4	16,1	15,5	14,7	14,7	14,3
Совсем не беспокоит	5,3	2,9	5,5	5,7	5,7	5,4	5,8	7,3	7,6	7,2	7,4	5,4

При рассмотрении представленных данных стоит обратить внимание на большое число респондентов, выражающих высокую степень обеспокоенности («очень беспокоит») невозможностью обеспечивать себя самым необходимым в ближайшем будущем. С 2012 по 2015 г. доля таких респондентов выросла на 3,7 п. п. — с 30,4 до 34,1%. И в то же время, отвечая на предыдущий вопрос, только 6,2% респондентов ответили в 2015 г., что через 12 месяцев они и их семьи будут жить «намного хуже».

Примечательно, что в отличие от оценок личных и семейных жизненных перспектив, содержащих чрезвычайно большое количество неопределенных ответов («затруднились ответить»), в случае определения уровня обеспокоенности респондентов невозможностью обеспечения себя самым необходимым в течение ближайших 12 месяцев количество подобных ответов оказалось минимальным, и поэтому они были исключены из анализа.

Таким образом, в 2015 г. динамика социального самочувствия населения России приобрела явные признаки прогрессирующего ухудшения. Падение реальных доходов, распространение бедности и нищеты, угроза безработицы и неопределенность будущего генерировали рост неудовлетворенности граждан своей жизнью в целом и отдельными ее сторонами. Особенно значительным был рост обеспокоенности россиян постоянным и неконтролируемым ухудшением материального положения своих семей, снижением уровня материального благосостояния своих близких. Увеличилось число граждан, у которых накопленных ресурсов оказывалось совершенно недостаточно для того, чтобы поддерживать привычный уровень жизни и противостоять накапливающимся неблагоприятным факторам социальной среды. Затянувшийся экономический кризис подорвал социальный оптимизм значительной части россиян. Все меньше людей надеялись

на улучшение экономической ситуации и повышение уровня жизни своих семей в ближайшем будущем. Но, несмотря на развитие этих и целого ряда других негативных тенденций, ухудшение социального самочувствия россиян не выглядело катастрофическим.

Проблемы адаптации в сфере занятости и труда

В 2015 г. был выявлен резкий и весьма значительный рост озабоченности россиян проблемами трудоустройства и занятости. Об этом позволяют судить, в частности, ответы респондентов на вопрос «Насколько вас беспокоит то, что вы можете потерять работу?». Как следует из рис. 23, удельный вес респондентов из числа занятого населения, которых очень или немного тревожит угроза потери рабочего места, за последний год увеличился на 8,8 п. п. — с 55,5 до 64,3 %, тогда как доля лиц, не очень или совсем не обеспокоенных этой проблемой, уменьшилась на 7,7 п. п. — с 30,8 до 23,1%. Доля респондентов, которые выражают крайнюю степень тревожности, увеличилась с 25,2 до 29,8%, т. е. на 4,6 п. п.

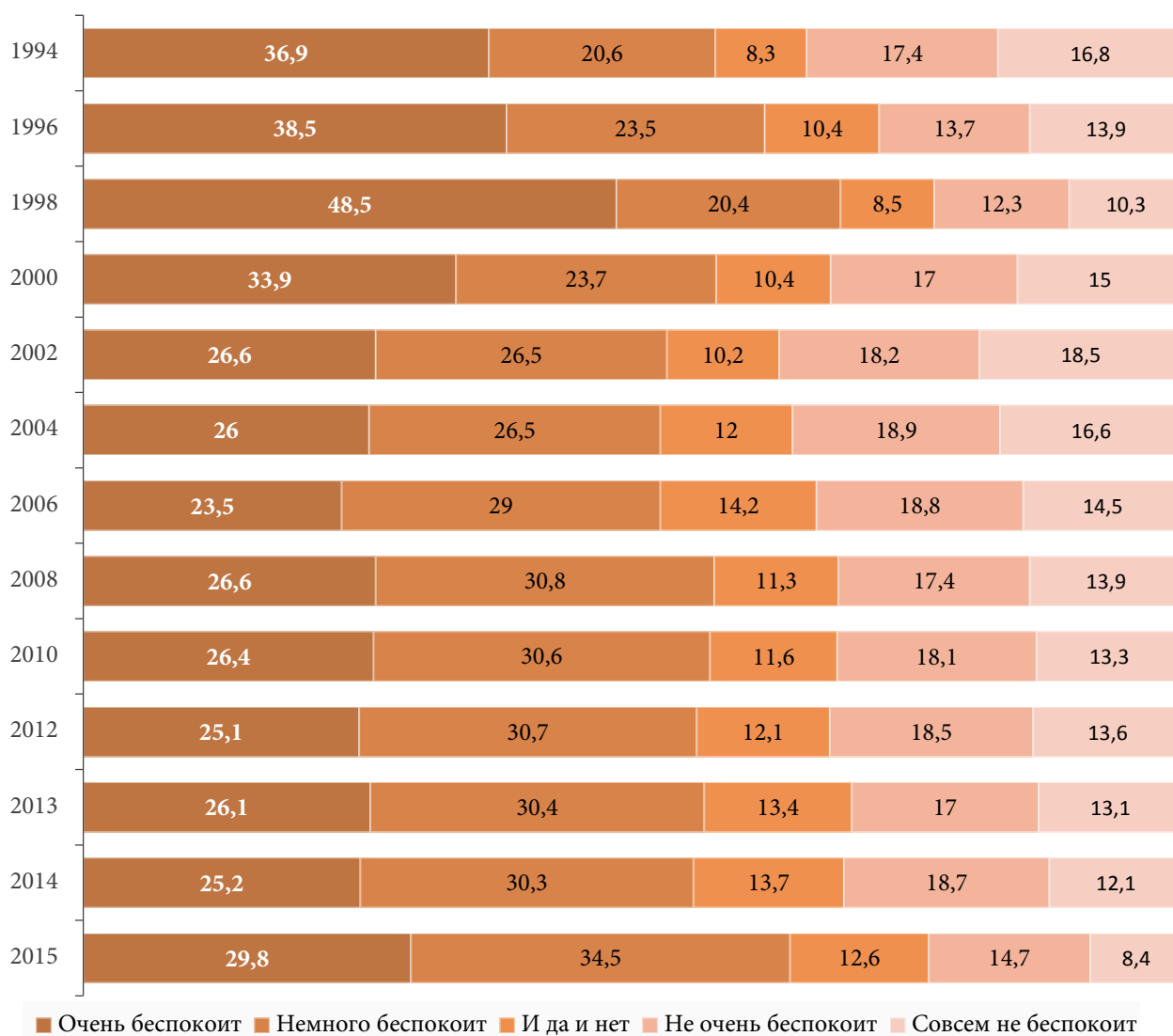

Рис. 23. Обеспокоенность угрозой потери работы, 1994–2015 гг., %

В результате указанных изменений тревожность респондентов, вызванная угрозой потери работы, вернулась к уровню середины 1990-х годов, достигнув одного из наибольших значений за все время наблюдений. Выше этот уровень был только в далеком 1998 г., когда доля лиц, в большей или меньшей степени обеспокоенных возможной потерей работы, достигала 68,9%. А если сравнивать данные последней волны мониторинга с данными самых благополучных с этой точки зрения 2004 и 2006 гг., то оказывается, что доля респондентов, обеспокоенных угрозой безработицы, увеличилась в 2015 г. на 11,8 п. п.

На рис. 24 представлены сведения о распределении ответов респондентов на следующий вопрос: «Представьте себе не очень приятную картину: предприятие, организация, где вы работаете, по каким-то причинам завтра закроется, и все работники будут уволены. Насколько вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на которой работаете сейчас?».

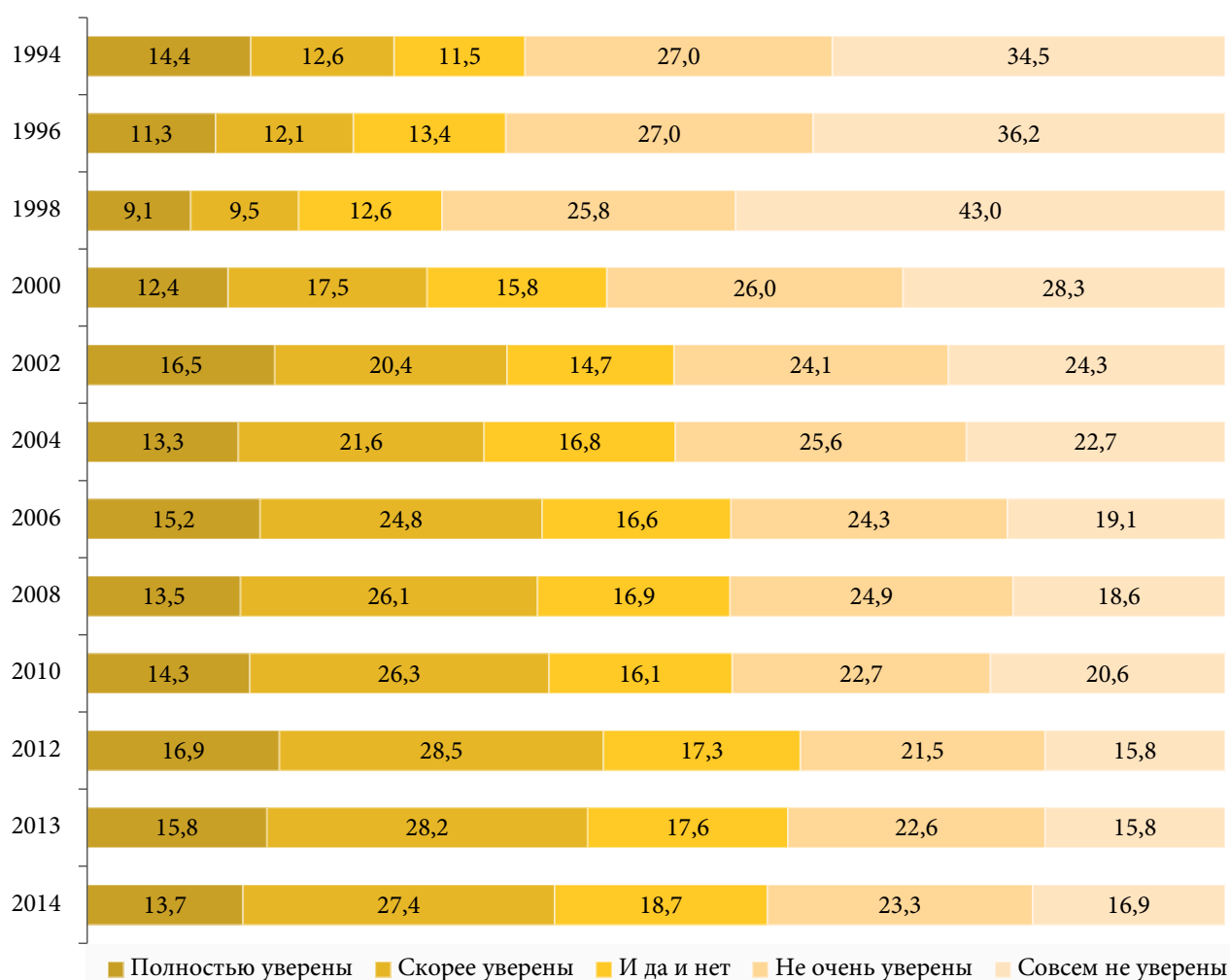

Рис. 24. Степень уверенности в возможности трудоустройства в случае потери работы, 1994–2015 гг., %

Из рисунка видно, что доля респондентов, полностью или скорее уверенных в возможности трудоустройства в случае потери работы, за последний год уменьшилась на 4,3 п. п. — с 41,1 до 36,8%, в то время как доля лиц, не очень или совсем не уверенных в этом, увеличилась на 4 п. п. — с 40,2 до 44,2%. Подобное снижение наблюдается с 2012 г. В целом за 2012–2015 гг. удельный вес респондентов, которые в той или иной степени уверены в возможности нового трудоустрой-

ства, сократился на 8,6 п. п., а доля тех, кто не уверен в этом, выросла на 6,9 п. п. Но, несмотря на эти изменения, доля респондентов, убежденных в возможности положительного решения проблемы трудоустройства в случае потери нынешнего рабочего места, оставалась в 2015 г. все еще вдвое выше, чем в наиболее тяжелом 1998 г.

В целом уровень тревожности россиян, связанный с ростом угрозы безработицы, оставался на достаточно умеренном уровне. Во многом это было обусловлено тем, что в отличие от кризисного 2008 г., когда руководители предприятий и организаций массово шли на снижение численности работников, в 2015 г. наблюдалась противоположная картина — численность работающих почти не сокращалась. При этом химическая, нефтеперерабатывающая и некоторые другие отрасли промышленности демонстрировали даже определенный рост персонала. Предприниматели всеми силами старались сохранить трудовые коллективы, понимая, что восстановить их намного труднее и затратнее, чем закупить новое оборудование. Многих работодателей больше волновала не проблема безработицы, а недостаток рабочих рук, особенно по рабочим специальностям. Имело значение и то, что в 2015 г. реализовывалась программа занятости населения, которая была нацелена на регионы и на те предприятия, персонал которых находился под большой угрозой увольнения. По заявлению представителей правительства, в 2015 г. более 100 тыс. человек получили прямую поддержку для того, чтобы смягчить негативные экономические последствия.

Данные мониторинга, раскрывающие основные причины увольнений работников в 2011–2015 гг., которые были получены в процессе анализа ответов респондентов на два взаимосвязанных вопроса: «В каком году и в каком месяце вы ушли с вашей последней работы, перестали работать?» и «По какой основной причине вы перестали работать на вашей последней работе?», представлены на рис. 25.

Анализ показал, что в условиях обострения затянувшегося экономического кризиса продолжились характерные для таких периодов изменения в структуре причин прекращения работы. Работники стали гораздо реже увольняться по собственному желанию из-за неудовлетворенности работой или отдельными ее сторонами и чаще по причинам, независящим от самих работников. Как следует из рисунка 25, удельный вес респондентов, уволенных с работы из-за сокращения должности или закрытия предприятия, организации, последовательно увеличился с 10,8% в 2011 г. до 14,4% в 2014 г., и далее до 17,7% в 2015 г. В целом за 2011–2015 гг. доля респондентов, уволившихся по этой причине, увеличилась более чем в 1,5 раза, или на 6,9 п. п.

И в то же время работники стали реже объяснять свое увольнение снижением заработной платы, а также теми или иными неудобствами на работе, пытаясь в ситуации экономического кризиса любыми способами сохранить рабочее место. Обращает на себя внимание, в частности, снижение весомости такой причины прекращения работы, как неблагоприятные условия работы (не устраивает график работы, удаленность от дома, вредное производство, ненормированный рабочий день, не устраивает питание и т. п.). С 2011 по 2014 г. доля работников, уволившихся по этой причине, уменьшилась на 0,9 п. п. — с 8,2 до 7,3% и в 2015 г. практически не изменилась, увеличившись только на символические 0,1 п. п.

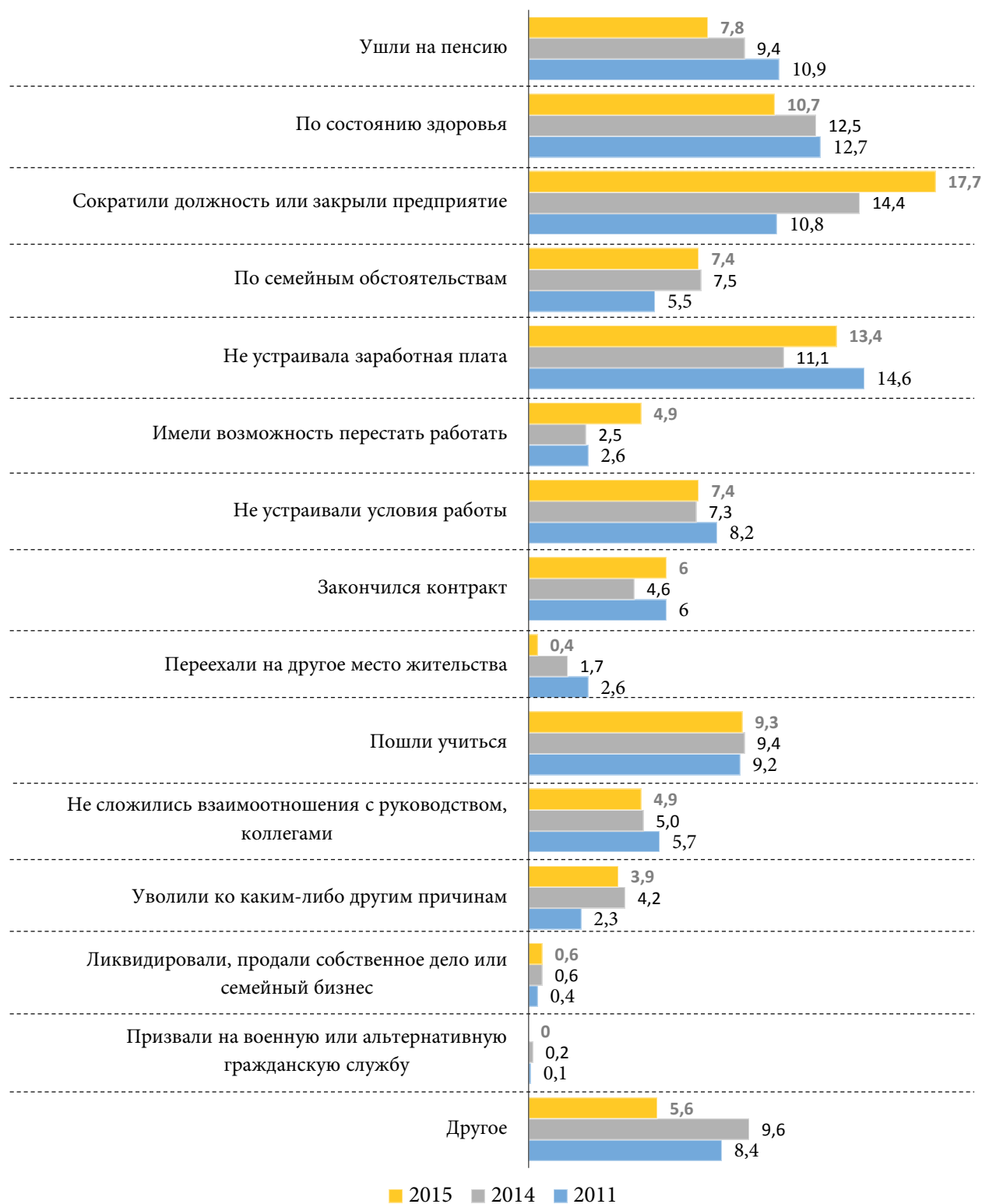

Рис. 25. Причины прекращения работы, 2011, 2014, 2015 гг., %

Примерно таким же оказалось снижение важности такой причины прекращения работы, как сложные взаимоотношения с руководством предприятия, организации или с коллегами, сослуживцами. С 2011 по 2015 г. удельный вес респондентов, уволившихся из-за того, что у них не сложились взаимоотношения в коллективе, уменьшился на 0,8 п. п. — с 5,7 до 4,9%. Что касается такой причины, как низкая заработная плата, то доля работников, которые из-за этого прекратили трудиться на своей основной работе, уменьшилась с 2011 по 2014 г. на 3,5 п. п. — с 14,6 до 11,1%, но в 2015 г. вновь увеличилась до 13,4%, оставаясь, однако, ниже уровня 2011 г.

Довольно последовательно уменьшился удельный вес респондентов, которые прекратили работу по состоянию здоровья (с 12,7% в 2011 г. до 10,7% в 2015 г., т. е. на 2 п. п.) и по причине выхода на пенсию (с 10,9 до 7,8% соответственно, т. е. на 3,1 п. п.). Доля лиц, уволившихся с работы по тем или иным семейным обстоятельствам, увеличилась – с 5,5% в 2011 г. до 7,5% в 2014 г., т. е. на 2 п. п., но в 2015 г. она сохранилась практически на прежнем уровне, уменьшившись всего лишь на какие-то мизерные 0,1 п. п. – до 7,4%. Довольно резко выросла доля лиц, которые бросили работу, потому что имели возможность не работать и могли заняться своими делами (с 2,6 до 4,9% соответственно).

Среди других существенных изменений обращает на себя внимание последовательное и сравнительно динамичное сокращение доли респондентов, которые прекратили работу, потому что вынуждены были переехать на новое место жительства. Их доля поступательно уменьшилась с 2,6% в 2011 г. до 0,4% в 2015 г., т. е. на 2,2 п. п. Такое снижение может свидетельствовать о том, что в условиях экономического кризиса многие россияне, попавшие в сложную ситуацию, пытаются решить проблему трудоустройства, не меняя постоянного места жительства, т. е. стараются найти постоянную работу в своем населенном пункте или временно устроиться на работу в другом регионе. Причем тяжелое материальное положение вынуждает все больше граждан отправляться в другие регионы на заработки, увеличивая число трудовых мигрантов. Чаще всего такими регионами становятся Москва, Санкт-Петербург и другие крупные города. На вакантных местах в этих городах зарплаты даже без профессиональной подготовки зачастую выше, чем у квалифицированных специалистов в депрессивных регионах.

С 4,6% в 2014 г. до 6% в 2015 г. увеличилась доля лиц, которые прекратили работу, потому что у них закончился контракт. После отмеченного роста данный показатель вернулся к уровню 2011 г. Практически не меняется доля респондентов, которые увольняются для того, чтобы продолжить обучение в техникуме, вузе или другом учебном заведении. Из года в год удельный вес таких респондентов составляет немногим более 9% от числа прекративших работу. И наконец, как и годом ранее, всего лишь 0,6% респондентов перестали работать, поскольку ликвидировали или продали собственное дело или семейный бизнес.

В 2015 г. было выявлено очередное снижение удельного веса лиц трудоспособного возраста, выражающих желание найти новую или другую работу: с 19,4% в 2011 г. до 18,9% в 2012 г., далее до 17,2% в 2013 г., до 16,9% в 2014 г. и, наконец, до 16% в 2015 г. По сравнению с 2009 г., когда о желании найти иную работу заявляли 22,8% респондентов, это сокращение составило 6,8 п. п. При этом, как и годом ранее, немногим более 3% респондентов не смогли выразить какое-либо определенное мнение.

Многие из тех, кто были заинтересованы в новой работе, не спешили ее менять из-за общего сокращения количества вакансий, снижения зарплат и увеличения требований к работникам, пытаясь поправить семейный бюджет за счет различных подработок, халтур. В 2015 г. из тех, кто хотел бы найти новую или другую работу, только 29,4% указали, что предпринимали для поиска работы реальные усилия, и еще 12,4% уклонились от определенного ответа. Что касается остальных респондентов, то они указали, что, несмотря на наличие желания найти какую-либо или другую, новую работу, они пока не занимаются решением

этой проблемы. В 2015 г. из числа респондентов, которые старались найти работу, обращались в целях поиска рабочего места куда-либо или к кому-либо в течение 30 дней, предшествующих опросу, 76%, что лишь немного меньше, чем 74,1%, зафиксированных в 2014 г. Среди всех респондентов, которые выражали желание найти новую или другую работу, доля таких лиц составила 32%. Это было немного больше, чем в 2013 и 2014 гг. (27,4 и 28,5% соответственно), но меньше, чем в 2009–2012 гг. (2009 г. – 34,1%; 2010 г. – 34,7%; 2011 г. – 34,2%; 2012 г. – 33,7%). В 2015 г. из числа этих граждан наиболее активно занимались поиском работы 56% респондентов, которые обращались куда-либо или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 7 дней. Примечательно, что в 2015 г. таких граждан было гораздо меньше, чем в 2014 г., когда их доля достигала 67%.

О том, какие способы поиска работы являются сегодня наиболее популярными, дают представление данные мониторинга, приведенные в таблице 17. Сопоставление этих сведений с данными предыдущих волн RLMS-HSE свидетельствует о повышении активности лиц, желающих найти работу или сменить рабочее место на рынке труда.

Таблица 17

Распространенность способов поиска работы, 1994–2015 гг., %*

Обращались в поисках работы	1994	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2015
В государственные службы занятости	38,2	35,1	26,0	30,5	31,0	24,4	20,4	27,7	19,7	20,0	39,7
В негосударственные службы занятости	13,1	15,6	15,9	16,7	13,1	13,4	10,1	9,2	9,8	8,1	12,9
К друзьям, знакомым	60,5	75,6	76,5	78,8	76,0	82,9	78,2	81,9	81,3	81,7	86,6
К родственникам	29,5	40,6	42,7	37,3	36,5	42,1	39,4	50,0	46,1	50,5	49,4
Непосредственно на предприятия	45,0	47,8	52,0	48,9	48,3	50,5	47,7	47,2	45,7	39,7	43,4
К рекламным объявлениям	29,6	41,5	41,0	44,2	40,9	51,8	44,2	40,1	33,8	37,9	41,7
К рекламным объявлениям в Интернете	–	–	–	–	–	13,1	19,6	32,9	44,8	48,8	52,1

*Доля обратившихся к способам поиска работы оценивается в этой таблице относительно всех лиц, обратившихся куда-нибудь или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 30 дней.

Из таблицы, в частности, следует, что в настоящее время, как и прежде, ведущее место среди способов поиска работы принадлежит обращениям за помощью к друзьям, товарищам и знакомым. И значимость этого способа постоянно растет. Если в 2014 г. помощью друзей и знакомых при поиске работы воспользовались 81,7% респондентов из числа граждан, обратившихся куда-нибудь или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 30 дней, то в 2015 г. – уже 86,6%, т. е. на 4,9 п. п. больше. В результате этого повышения было достигнуто новое максимальное значение данного показателя, превышающее предыдущее, выявленное в 2006 г., на 3,7 п. п. Вторым по популярности способом поиска работы впервые стали обращения к рекламным объявлениям в Интернете, к которому в 2015 г. прибегали свыше 52%

респондентов, ищущих работу, тогда как еще в 2006 г. он был одним из наименее востребованных наряду с обращениями в негосударственные службы занятости. С 2006 по 2015 г. доля лиц, воспользовавшихся этим способом, выросла в 4 раза, в том числе только за последний год на 3,3 п. п. Причем, как показывает практика, особенно быстро растет популярность поиска рабочего места с помощью рекрутинговых сайтов.

На третьей позиции расположились обращения к родственникам, значимость которых как способа поиска работы за последние годы практически не изменилась. Если в 2014 г. к нему обращались 50,5% респондентов анализируемой категории, то в 2015 г. — 49,4%. Примерно таким же этот показатель, составляющий около 50%, был в 2010 г. Исследование выявило также существенное повышение роли такого способа поиска работы, как обращения кандидатов непосредственно на предприятия. В 2014 г. этим способом воспользовались 39,7% респондентов, тогда как в 2015 г. — уже 43,4%, т. е. на 3,7 п. п. больше. Но даже после такого значительного повышения данный показатель оставался ниже, чем в предыдущие годы. Он был, в частности, на 8,6 п. п. меньше, чем в 2000 г., когда было зафиксировано максимальное значение, достигающее 52%. Более распространенными стали обращения кандидатов с целью поиска работы к традиционным рекламным объявлениям — печатным и распространяемым через электронные средства массовой информации. С 2014 по 2015 г. доля респондентов, обращавшихся к этому способу поиска рабочего места, увеличилась на 3,8 п. п. — с 37,9 до 41,7%. Примечательно в данном случае то, что значимость этого способа поиска работы растет уже не один год. Так, с 2012 по 2015 г. удельный вес лиц, воспользовавшихся им, увеличился достаточно последовательно на 7,9 п. п.

И наконец, на последних позициях расположились заметно повысившие свою популярность в кризисных условиях такие способы поиска работы, как обращения в государственные и негосударственные службы занятости. При этом в государственные службы занятости респонденты обращались чуть ли не в 3 раза чаще, чем в негосударственные. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. доля респондентов, обращавшихся в негосударственные службы занятости, увеличилась с 8,1 до 12,9%, т. е. на 4,8%. Это было больше, чем в любой период, начиная с 2008 г. При этом максимальные значения были зафиксированы в конце 1990-х и в начале 2000-х годов. Но наиболее существенным оказался рост в условиях экономического кризиса распространенности такого способа поиска работы, как обращения в государственные службы занятости. С 2014 по 2015 г. доля лиц, воспользовавшихся им, выросла почти вдвое — с 20 до 39,7%. В результате такого стремительного роста был достигнут новый максимум, превышающий на 1,5 п. п. прежнее наибольшее значение, зафиксированное еще в 1994 г.

Заметим, что, согласно данным Росстата, в декабре 2015 г. общая численность безработных, классифицируемых в соответствии с критериями МОТ, в 4,4 раза превышала численность безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения. В конце декабря 2015 г. в государственных учреждениях службы занятости населения состояло на учете в качестве безработных 1001 тыс. человек, что было на 6,4% больше по сравнению с ноябрем 2015 г., и на 12,5% — по сравнению с декабрем 2014 г. (без Республики Крым и г. Севастополя).

Вопросы об удовлетворенности работников предприятий и организаций работой в целом и отдельными ее сторонами (условиями труда, оплатой труда и возможностями для своего профессионального роста), характеризующие эмоци-

ональные аспекты отношения к трудовой деятельности, включаются в «Вопросник для взрослых» RLMS-HSE с 2002 г. Анализ данных, характеризующих ответы респондентов на эти вопросы, показал, что если в 2014 г., несмотря на непростую экономическую ситуацию, снижение доходов населения, был выявлен очередной рост уровня удовлетворенности занятых своей работой в целом и отдельными ее сторонами, то в 2015 г., когда кризис втянул в свою сферу большинство предприятий и организаций, были выявлены противоположные тенденции.

Об этом свидетельствуют, в частности, ответы работающих граждан на вопрос «Скажите, пожалуйста, насколько вы удовлетворены или не удовлетворены вашей работой в целом?». Как следует из данных, представленных на рис. 26, доля работников предприятий и организаций, полностью или скорее удовлетворенных своей работой в целом, уменьшилась с 67,6% в 2014 г. до 65,6% в 2015 г., т. е. на 2 п. п.

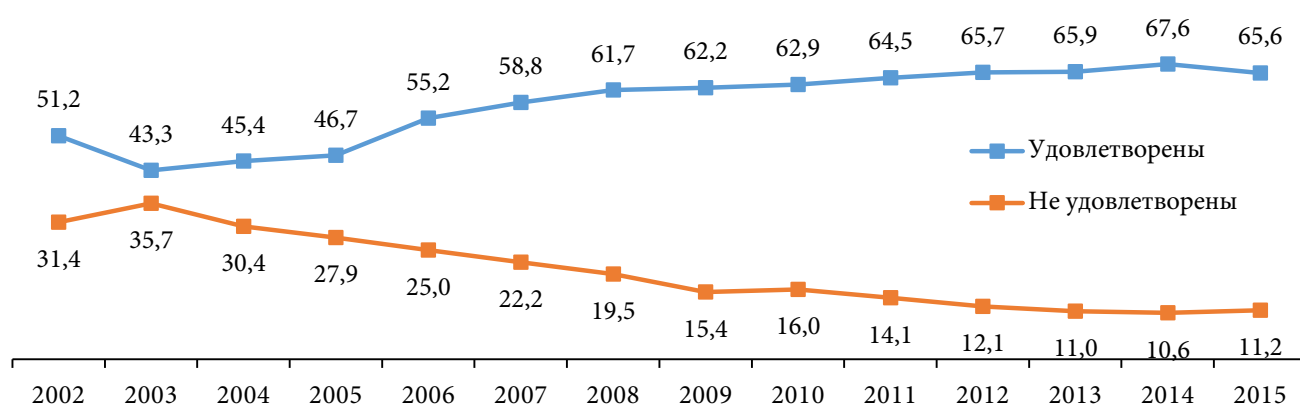

Рис. 26. Удовлетворенность работой в целом, 2002–2015 гг., %

Одновременно с 10,6% в 2014 г. до 11,2% в 2015 г. увеличилась доля работников, которые совсем или скорее не удовлетворены своей работой. Примечательно, что это было первое снижение уровня удовлетворенности работников предприятий и организаций своим трудом, начиная с 2003 г. В целом за 2003–2014 гг. доля лиц, в той или иной степени удовлетворенных своей работой, выросла более чем в 1,5 раза, или на 24,3 п. п., а доля тех, кого не устраивает их работа, упала почти в 3,5 раза, или на 25,1 п. п. Превышение доли работников, которые в той или иной степени удовлетворены своей работой в целом, над долей тех, кого нынешняя работа не устраивает, уменьшилось с 6,4 раза в 2014 г. до 5,9 раза в конце 2015 г.

Заметим также, что в 2015 г. по сравнению с 2014 г. доля лиц, которые были полностью удовлетворены своей работой, увеличилась только на 0,5 п. п. — с 15 до 15,5%, а доля тех, кто был совсем недоволен работой, практически не изменилась, составив около 2%. Но в то же время удельный вес работников, которые ответили «и да и нет», за последний год увеличился на 2 п. п. — с 21,1 до 23,1%.

Мониторинговые данные, характеризующие динамику уровня удовлетворенности российских работников отдельными сторонами своего труда (частные удовлетворенности) за 2002–2015 гг., представлены на рис. 27–29. Как следует из рисунка 27, с 2014 по 2015 г. удельный вес работников, полностью или скорее удовлетворенных условиями своего труда, уменьшился на 1,2 п. п. — с 66 до 64,8%, в то время как доля лиц, которых совсем или скорее не устраивают условия труда, увеличилась на 0,7 п. п. — с 12,2 до 12,9%. Аналогичная картина наблюдалась только

в 2010 г., когда доля работников, которые были в той или иной степени довольны условиями труда, уменьшилась на 1,2 п. п., а доля лиц, недовольных тем, в каких условиях они работают, увеличилась на 1,5 п. п. Разрыв между полярными группами респондентов сократился с 5,4 раза в 2014 г. до 5 раз в 2015 г.

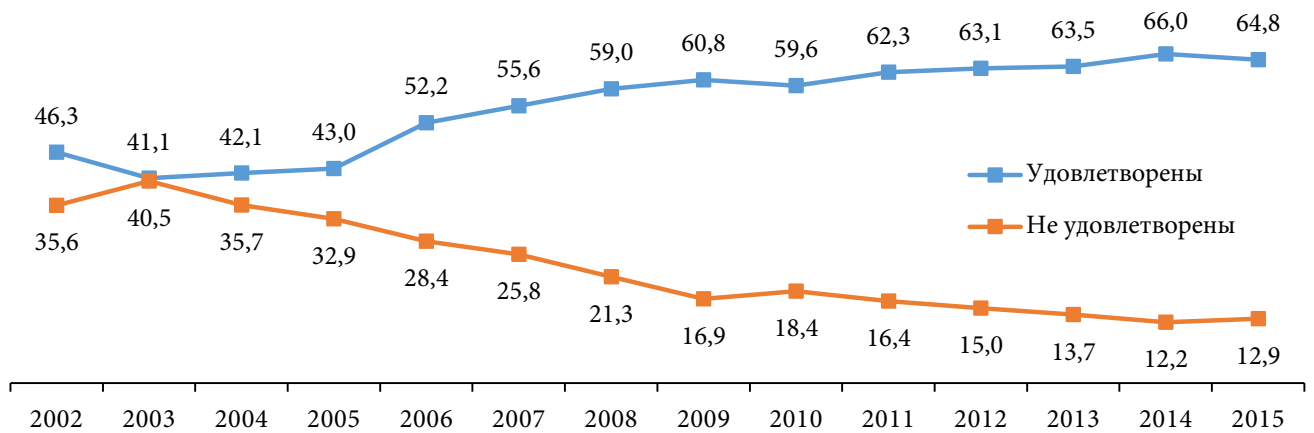

Рис. 27. Удовлетворенность условиями труда, 2002–2015 гг., %

Примечательно, что с 2014 по 2015 г. доля работников, полностью удовлетворенных условиями своего труда, увеличилась с 14,7 до 15,1%, в то время как доля тех, кто был полностью недоволен этой стороной своего труда, уменьшилась с 2,6 до 2,2%. На фоне этих сравнительно небольших изменений более существенным кажется рост удельного веса лиц, которые придерживались компромиссной позиции «и да и нет»: с 20,8% в 2014 г. до 22,1% в 2015 г.

Анализ данных RLMS-HSE, представленных на рис. 28, показал, что если в 2014 г. впервые, начиная с 2002 г., доля работников предприятий и организаций, удовлетворенных оплатой своего труда, превысила долю тех, кто недоволен своими заработками, то в 2015 г. ситуация вернулась к предкризисному состоянию. Так, удельный вес респондентов, в большей или меньшей степени недовольных заработной платой, сначала уменьшился с 40,3% в 2013 г. до 37,5% в 2014 г., т. е. на 2,8 п. п., но затем увеличился на 1,7 п. п. — до 39,1% в 2015 г. В то же время удельный вес работников предприятий и организаций, которых в большей или меньшей степени устраивает размер заработной платы, после увеличения с 36,9% в 2013 г. до 39,5% в 2014 г., т. е. на 2,6 п. п., в 2015 г. сократился на 3,4 п. п. — до 36,1%.

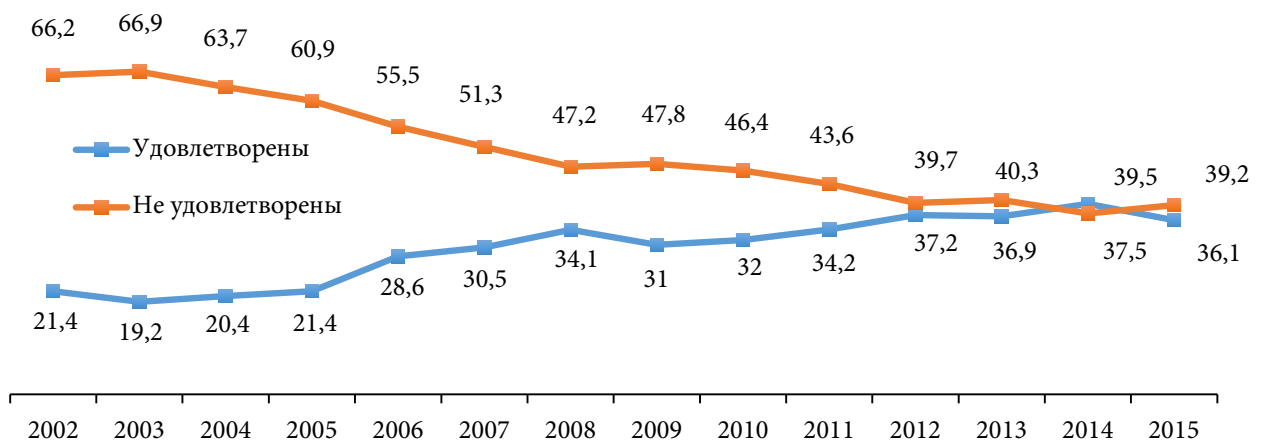

Рис. 28. Удовлетворенность оплатой труда, 2002–2015 гг., %

В 2015 г. по сравнению с 2014 г. удельный вес респондентов, полностью удовлетворенных и полностью неудовлетворенных оплатой своего труда, практически не изменился (8,3 и 8,1%; 11,4 и 11,3% соответственно). Вместе с тем доля тех, кто ответил «и да и нет», увеличилась с 21,9% в 2014 г. до 24% в 2015 г., т. е. на 2,1 п. п.

В 2015 г., после очередного подъема, выявленного в 2014 г., был отмечен небольшой спад уровня удовлетворенности работников предприятий и организаций возможностями для профессионального роста. В этом убеждают данные RLMS-HSE, приведенные на рис. 29.

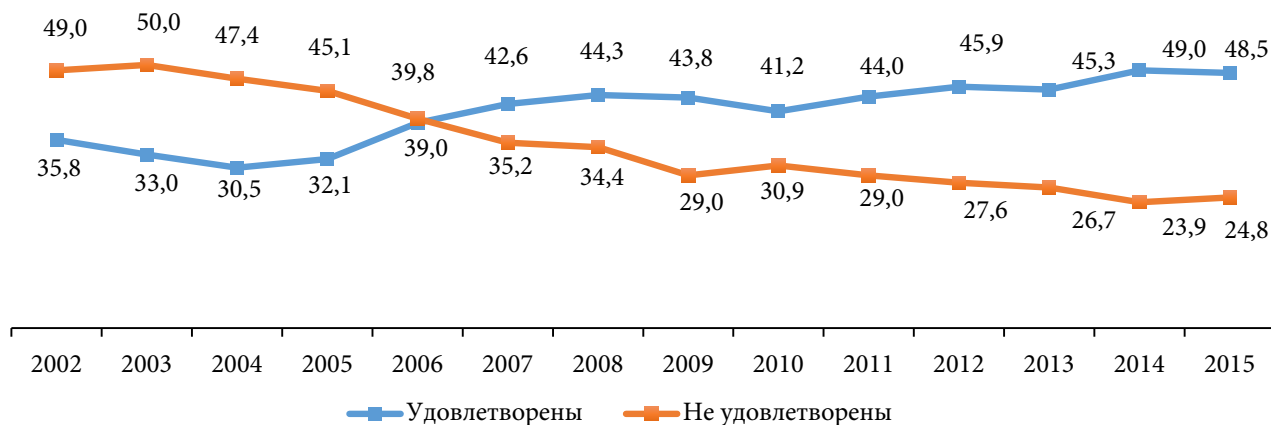

Рис. 29. Удовлетворенность возможностями профессионального роста, 2002–2015 гг., %

Из рисунка, в частности, следует, что доля респондентов, которые в большей или меньшей степени удовлетворены данной стороной труда, после роста с 45,3% в 2013 г. до 49% в 2014 г., т. е. на 3,7 п. п., в 2015 г. уменьшилась на 0,5 п. п. — до 48,5%. В то же время удельный вес работников предприятий и организаций, которых не устраивают возможности профессионального роста, сначала уменьшился на 2,8 п. п. — с 26,7 до 23,9%, но затем вновь увеличился на 0,9 п. п. — с 23,9 до 24,8%.

Характерно, что в 2015 г., как и годом ранее, приблизительно каждый десятый опрошенный работник был полностью доволен возможностями для своего профессионального роста, и лишь немного меньше респондентов выражали крайнюю степень неудовлетворенности отсутствием таких возможностей на предприятии или в организации — 10,6 и 7,4% соответственно (в 2014 г. — 10 и 7,4% соответственно). Как и во все предыдущие годы, многие опрошенные работники, доля которых в 2015 г. составила 4,8%, не смогли ответить на поставленный вопрос, и еще 21,9% ответили «и да и нет» (в 2014 г. 5,7 и 21,4% соответственно).

Особенности обращения россиян к различным формам личного или семейного рыночного приспособления, которые основаны на собственном производстве и использовании личных материальных ресурсов, дают сведения RLMS-HSE за 2000–2015 гг., приведенные в таблице 18.

Данные таблицы показывают, что экономический кризис не только повысил угрозу потери основной работы, но и сократил возможности трудоустройства в секторе дополнительной занятости. Доля респондентов, занятых на дополнитель-

ной работе, уменьшилась с 2013 по 2014 г. на 1 п. п. — с 8,5 до 7,5%, и далее в 2015 г. еще на 1,1 п. п. — до 6,4%. Немного уменьшилась также доля граждан, которые разводили скот, птицу, рыбу на продажу, — с 4,1% в 2014 г. до 3,8% в 2015 г. Но в то же время последовательно, т. е. от года к году, увеличилось количество россиян, которые выращивали что-то на своем участке на продажу или на обмен (с 4% в 2013 г. до 4,3% в 2015 г.) и оказывали услуги за плату (с 4% в 2013 г. до 4,5% в 2015 г.). Удельный вес россиян, которые охотились или собирали грибы, ягоды, травы и т. п. на продажу, помещали в банк деньги, давали деньги займы под проценты, сдавали внаем квартиру, комнату, гараж, автомобиль, практически не изменился.

Таблица 18

Некоторые формы рыночного поведения, 2000–2015 гг., %

Формы рыночного поведения	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2013	2014	2015
Работали на дополнительной работе	8,6	10,1	10,0	9,3	6,3	6,4	6,3	8,5	7,5	6,4
Выращивали что-то на своем участке на продажу или на обмен	8,6	7,1	6,8	6,2	4,4	4,1	3,6	4,0	4,1	4,3
Разводили скот, птицу, рыбу на продажу	7,8	6,1	6,6	5,8	5,2	4,5	4,0	3,9	4,1	3,8
Оказывали услуги за плату	4,1	5,8	4,4	5,0	4,7	5,2	5,4	4,0	4,1	4,5
Охотились или собирали грибы, ягоды, травы и т. п. на продажу	–	–	–	–	–	–	–	2,0	1,0	1,1
Помещали в банк деньги, давали деньги займы под проценты	1,2	0,9	1,0	1,4	1,2	1,6	1,5	3,1	1,3	1,5
Сдавали внаем квартиру, комнату, гараж, автомобиль	0,6	1,4	1,0	0,8	0,6	0,7	0,8	1,0	0,7	0,7

Рассматривая данные, приведенные в таблице 18, нужно учитывать, что в условиях кризиса существенно выросло стремление россиян обеспечить семейную продовольственную безопасность за счет натурального хозяйства, производя что-то не на продажу, а для семейного потребления. Люди стали активнее выращивать овощи и фрукты, разводить кур, скот, рыбу не для удовольствия, а исходя из необходимости. Очень многие включились в создание зимних запасов или стали делать куда больше заготовок, чем до кризиса.

Таким образом, к концу 2015 г. стали более серьезно ощущаться сокращение занятости, задержки заработной платы, увольнения в отдельных секторах экономики, рост сложностей с трудоустройством. Выявлен значительный рост озабоченности россиян угрозой потери работы и возможностями трудоустройства в случае потери рабочего места. В кризисных условиях работники стали намного реже увольняться по собственному желанию из-за неудовлетворенности работой в целом или отдельными ее сторонами и чаще по причинам, не зависящим от самих работников, и, прежде всего, из-за сокращения предприятия или должности. Выявлено очередное уменьшение доли респондентов трудоспособного возраста,

демонстрирующих желание найти новую или другую работу, а также первое за последние десять лет снижение уровня удовлетворенности занятых своей работой в целом и отдельными ее сторонами.

* * *

Подводя итог, еще раз следует отметить, что социально-экономическая ситуация в 2015 г. характеризовалась дальнейшим нарастанием негативных тенденций и усилением кризисных явлений. Наблюдалось прогрессирующее ухудшение практически всех основных макроэкономических показателей. Главным фактором, затрудняющим позитивное развитие социально-экономических процессов, стала неопределенность экономической ситуации. В отличие от предыдущего экономического кризиса 2008—2009 гг., когда макроэкономическая ситуация после стремительного спада продемонстрировала не менее быстрый отскок, в 2014—2015 гг. наблюдалось развитие менее глубокого, но затяжного кризиса, сопровождающегося чередой сменяющих друг друга спадов. Ситуация в экономике отличалась наличием огромного количества рисков, которые просто невозможно было устранить или ослабить. Факторы, способные оживить экономику, в виде инвестиций в основной капитал, потребительского спроса, а также состояние денежно-кредитной политики, демонстрировали только негативную динамику. Значительно обостряла экономические и социальные проблемы возросшая с 11,4% в 2014 г. до 12,9% в 2015 г. инфляция.

В 2015 г. выявлено дальнейшее снижение реальных доходов населения, но его темпы существенно замедлились. По сравнению с предыдущим годом средние реальные доходы домохозяйств уменьшились только на 1,1%, тогда как годом ранее — на 5,4%. В результате совокупного спада средняя сумма месячного дохода домохозяйств опустилась ниже уровня 2008 г. Как и прежде, доминирующее положение в структуре доходов домохозяйств занимали доходы от заработной платы и государственных трансфертных платежей. За последний год совокупный доход домохозяйств от заработной платы уменьшился на 5,6%, а по сравнению с 2013 г. — на 9,1%. При этом доход от работы на государственных предприятиях сократился на 11,8 и 14% соответственно, от работы на частных предприятиях — на 1,9 и 6,7%, в то время как доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности после снижения в 2014 г. на 4,3% в 2015 г. вырос на 19,4%. За последний год доход домохозяйств от государственных трансфертных платежей вырос на 8,2%. Совокупный денежный и натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора увеличился на 10,1%, тогда как годом ранее было отмечено его сокращение на 24,9%. Доход от помощи родственников и благотворительной помощи после стремительного падения в 2014 г. на 26,5% за последний год уменьшился еще на 2,5%. Экономический кризис и падение доходов семей сильно изменили рынок услуг.

Доля дохода российских домохозяйств от заработной платы продолжила поступательное снижение, начатое в 2011 г., когда она была максимальной. В целом с 2011 по 2015 г. она уменьшилась с 51,1 до 45,1%, в том числе за последний год на

2,6 п. п. В то же время доля дохода от государственных трансфертных платежей выросла за этот же период с 35,4 до 42,1%, в том числе за последний год на 2 п. п. В результате отмеченного роста был достигнут новый максимум данного показателя. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. доля дохода домохозяйств от работы на государственных предприятиях уменьшилась с 24 до 21,3%, от работы на частных предприятиях — с 21,4 до 21,2%, а доля дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности увеличилась с 2,3 до 2,7%. Общая доля денежного и натурального доходов от домашнего производства и неформального сектора за последний год увеличилась с 5,9 до 6,7%, а доля дохода от помощи родственников и благотворительной помощи практически не изменилась и составила 5,3%. В 2015 г. 64,1% домохозяйств получали какой-либо доход от заработной платы, что было немного меньше, чем 66,4%, зафиксированных в 2014 г. Доля домохозяйств, получающих доход от государственных трансфертов, увеличилась за последний год с 73 до 74,6%, а доля домохозяйств, получающих денежный доход от домашнего производства и неформального сектора, выросла с 13,8 до 15,2%.

За последний год у домохозяйств первых трех квинтилей отмечен небольшой рост реальных доходов, тогда как у домохозяйств двух последних — их снижение. Доля общего дохода от заработной платы у двадцати процентов наименее состоятельных домохозяйств уменьшилась с 48,2 до 46%, тогда как у двадцати процентов наиболее состоятельных домохозяйств — с 61,2 до 56,2%. Доходы от заработной платы, поступающие от работы на государственных и частных предприятиях, оставались одинаково важными источниками дохода для домохозяйств большинства квинтилей. Домохозяйства верхнего квинтиля превосходили домохозяйства нижнего квинтиля на 3 п. п. по доле дохода от работы на государственных предприятиях, и приблизительно на 6 п. п. по доле дохода от работы на частных предприятиях. Доля дохода от государственных трансфертных платежей у наименее обеспеченных домохозяйств уменьшилась за последний год с 37,1 до 36,8%, в то время как у наиболее обеспеченных домохозяйств она увеличилась с 23,8 до 29,6%. Но, несмотря на эти изменения, наименее зависимыми от государственных трансфертных платежей оставались домохозяйства верхнего квинтиля. В 2015 г. средний доход домохозяйств верхнего квинтиля в 2,8 раза превышал средний доход домохозяйств нижнего квинтиля. Но это было немного меньше, чем трехкратное превышение, зафиксированное в 2014 г., и четырехкратное превышение, выявленное в 2013 г.

Дальнейшее снижение реальных расходов населения привело к сокращению потребления домохозяйств, изменению потребительских трендов и комплекса потребительских привычек россиян. К концу 2015 г. подавляющее большинство семей перешли к режиму жесткой экономии, начали более тщательно подходить к выбору и покупке товаров. Снизилась доля спонтанных покупок. Ежемесячные расходы домохозяйств на продукты питания и непродовольственные товары упали на 8%. При этом расходы на продукты питания продемонстрировали сравнительно небольшой рост на 2%, тогда как расходы на непродовольственные товары — стремительное падение на 12%. В 2015 г. была прервана долгосрочная тенденция сокращения в структуре ежемесячных расходов домохозяйств доли расходов на продукты питания, которая выросла по сравнению с 2014 г. с 39,1 до 41,5%. Это увеличение затронуло домохозяйства всех квинтилей, но в наибольшей степени самые обеспе-

ченные. За прошедший год доля расходов, приходящихся на питание, увеличилась у домохозяйств нижнего квинтиля с 48 до 49,8%, тогда как у домохозяйств верхнего квинтиля — с 16,6 до 19,7%. И в то же время отмечено дальнейшее снижение неравенства населения по расходам. Если в 2014 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили на продукты питания и непродовольственные товары в 7,4 раза больше, чем домохозяйства нижнего квинтиля, то в 2015 г. — только в 6,2 раза.

Вопреки продолжающемуся нарастанию негативных тенденций на рынках товаров длительного пользования было выявлено очередное повышение уровня оснащенности российских домохозяйств дорогостоящими предметами культурного и бытового назначения. За год удельный вес домохозяйств, имеющих холодильники «No Frost», увеличился с 57,1 до 60,8%, а имеющих автоматические стиральные машины — с 79,5 до 80,8%. Было выявлено также повышение уровня оснащенности российских домохозяйств такими предметами бытового назначения, как отдельная морозильная камера, микроволновая печь и посудомоечная машина. Вместе с тем результатом огромного падения продаж автомобилей в России стало резкое снижение темпов роста числа автовладельцев. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. доля домохозяйств, владеющих автомобилями, увеличилась всего лишь на 0,1% — с 44,1 до 44,2%. При этом было отмечено дальнейшее снижение уровня оснащенности домохозяйств отечественными легковыми автомобилями и повышение уровня их обеспеченности легковыми автомобилями иностранных моделей. Одной из наиболее заметных тенденций стало постепенное вытеснение планшетами, айфонами таких технических средств, как DVD-проигрыватели и DVD-плееры, цифровые фотоаппараты, цифровые видеокамеры, MP3-плееры.

Выявлено дальнейшее замедление темпов компьютеризации российских домохозяйств, свидетельствующее о том, что насыщение семей компьютерной техникой подходит к своему максимуму. Но определенную роль в падении этих темпов сыграло также сокращение материальных возможностей семей в условиях экономического кризиса. В 2015 г. по сравнению с 2014 г. доля домохозяйств, владеющих персональными компьютерами, выросла всего лишь на 0,4 п. п., достигнув нового максимума в 67,4%. При этом доля домохозяйств, имеющих в собственности стационарные компьютеры, уменьшилась с 41,7 до 41%, тогда как удельный вес домохозяйств, имеющих в собственности переносные компьютеры, увеличился с 42,7 до 43,7%. Рост компьютеризации домохозяйств сопровождался увеличением числа граждан, пользующихся компьютерной техникой. Если в 2000 г. о пользовании компьютером в течение 12 месяцев, предшествующих опросу, общались только около трети респондентов в возрасте 14 лет и старше, то в 2015 г. вдвое больше, а именно 58,1%.

Исследование выявило новый рост безработицы, который носил, однако, умеренный характер. Работодатели старались оптимизировать возросшие издержки посредством сокращения рабочего времени, вынужденными отпусками для работников без сохранения содержания. Под сокращение попадали в основном малоквалифицированные рабочие и персонал, непосредственно не участвующий в создании прибыли. В лучшем положении оказались отрасли, которым государство оказывало поддержку, в частности фармацевтика, пищевая промышленность, IT-сектор, тогда как наиболее уязвимыми были строительство, торговля, автопром и транспортное машиностроение. В 2014 г. по сравнению с 2013 г. уровень без-

работицы вырос с 4 до 4,8%, и далее в 2015 г. до 5,5%. Официальная безработица среди мужчин выросла с 3,8% в 2013 г. до 5,1% в 2014 г., и затем до 5,4% в 2015 г., в то время как среди женщин безработица выросла с 4,2% в 2013 г. до 4,4% в 2014 г., и далее до 5,7% в 2015 г. Как и годом ранее, доля «длительной» безработицы, продолжительностью свыше 3 месяцев, составила более 66%. Доля «краткосрочной» безработицы (продолжительностью до 1 месяца) снизилась с 13,3% в 2014 г. до 10,6% в 2015 г., тогда как безработица продолжительностью от 1 до 3 месяцев увеличилась за последний год с 20,3 до 22,7%.

Удельный вес лиц, сообщивших о смене места работы, уменьшился за последний год с 11,6 до 9,7%, а сообщивших о смене профессии – с 7,5 до 6,2%. Показатель участия в рабочей силе практически не изменился и составил 82,3%. У мужчин он увеличился с 84,4 до 85,2%, тогда как у женщин уменьшился с 80,2 до 79%. И в то же время уровень занятости среди женщин, вышедших на пенсию, был выше, чем среди мужчин-пенсионеров. Занятость среди мужчин-пенсионеров уменьшилась с 21,3% в 2014 г. до 19,3% в 2015 г., в то время как доля работающих женщин-пенсионеров выросла за этот же период с 23,8 до 25%.

За последний год число работников, имеющих задолженность по заработной плате на основной работе, выросло, но не значительно, а объемы задолженности не выглядели критическими. С 2014 по 2015 г. доля работников, не полностью получающих заработную плату, увеличилась с 2,5 до 2,8%. Такие же незначительные изменения были отмечены и в сроках задолженности по заработной плате. В 2014 г. по сравнению с 2013 г. средняя сумма задолженности на заработной плате уменьшилась почти на 5%, тогда как в 2015 г. она увеличилась на 10,5%. Подобный рост чаще всего был следствием отсутствия у предприятий собственных средств, а рассчитывать на дотации государства в условиях тяжелого экономического кризиса им не приходилось. Как и в предыдущие годы, мужчинам зарплата задерживалась чаще, на большие сроки и на большие суммы, чем женщинам.

В 2015 г., как и во все предыдущие годы, мужчины превосходили женщин по доле получающих тот или иной вид дохода и по величине среднего размера дохода от трудовой деятельности. Если в 2014 г. преобладание мужчин над женщинами по доле получающих доход от трудовой деятельности составляло 5,5 п. п. (77,4% против 71,9%), то в 2015 г. – 6,9 п. п. (77,9% против 71%). Общим трендом для мужчин и женщин трудоспособного возраста является нарастание доли лиц, получающих доход от трудовой деятельности. За 1998–2015 гг. доля респондентов с доходом от трудовой деятельности выросла у мужчин на 19,6 п. п. (с 58,3 до 77,9%), у женщин – на 15,6 п. п. (с 55,4 до 71%). Увеличилось преобладание мужчин над женщинами по доле лиц трудоспособного возраста, получающих доход от работы на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности: с 8 п. п. в 2014 г. (39,4% против 31,4%) до 10 п. п. в 2015 г. (42% против 32%). В 2015 г. средний размер дохода, получаемого женщинами, составлял 74,1% от среднего дохода мужчин, что было лишь немного больше, чем 72,8% в предыдущем году. В 2015 г., как и годом ранее, средний размер дохода от трудовой деятельности на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности, получаемого женщинами, составлял 74% от соответствующего дохода мужчин. На предприятиях государственного сектора это соотношение составляло в 2014 г. 73%, а в 2015 г. – 76%. В неформальном секторе, традиционно являющимся сферой женского доминирования,

наблюдалось постепенное увеличение преобладания мужчин над женщинами по уровню доходов. Если в 2012 г. средний размер дохода, получаемого от работы в неформальном секторе, у женщин составлял 69,1% от аналогичного дохода мужчин, то к 2015 г. это соотношение снизилось до 55%.

Если за 2011–2013 гг. доля домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или коммунальным услугам, уменьшилась с 8,1 до 6,5%, то с началом экономического кризиса она вновь увеличилась – до 7,2% в 2014 г., и затем до 8,4% в 2015 г. Средняя сумма задолженности домохозяйств по квартплате и/или оплате коммунальных услуг в 2015 г. по сравнению с 2014 г. выросла на 5,4%, а по сравнению с 1998 г. – почти в 4 раза. Самые высокие расходы на оплату жилья и/или коммунальных услуг, как правило, несут домашние хозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста. Домохозяйства во главе с мужчинами или женщинами трудоспособного возраста гораздо чаще попадают в разряд должников, чем домохозяйства, возглавляемые мужчинами или женщинами, достигшими пенсионного возраста. Средние суммы задолженности домохозяйств по оплате жилья и/или коммунальных услуг меняются от года к году на значительную величину.

В ходе исследования было выявлено нарастание социальной напряженности в обществе, обусловленное комплексом причин, связанных главным образом с углублением экономического кризиса. Многие люди стали ощущать психологическую усталость от нарастания экономических проблем и усилившейся неопределенности. Эти настроения затронули даже тех людей, которые на протяжении многих лет жили в довольно комфортных условиях – значительного роста зарплат и повышения потребительской способности. Практически не осталось людей, которые бы полагали, что кризис их лично не коснулся. Падение доходов населения на фоне растущих цен, снижение уровня и качества жизни, рост угрозы безработицы и сохраняющееся глубокое расслоение общества вели к нарастающему беспокойству населения. Наибольшее беспокойство у россиян, особенно принадлежащих к бедным и малообеспеченным слоям населения, вызвали рост цен и низкие зарплаты.

В конце 2015 г. было зафиксировано дальнейшее снижение уровня удовлетворенности россиян своей жизнью, которое впервые проявилось в предыдущем году. С 2014 по 2015 г. доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных своей жизнью в целом, уменьшилась с 51,3 до 49,6%, тогда как доля недовольных жизнью увеличилась с 25 до 26,4%. Одновременно с 26,3 до 23,8% уменьшилась доля россиян, полностью или скорее удовлетворенных своим нынешним материальным положением, и с 54,6 до 58% увеличилась доля тех, которые в той или иной степени недовольны материальной стороной своей жизни. Но более значительными оказались сдвиги в самооценках изменения материального положения семей респондентов в течение последних 12 месяцев. За прошедший год удельный вес респондентов, заметивших ухудшение материального положения своей семьи, вырос с 23 до 31,8%, в то время как доля тех, кто указал на улучшение материального положения, снизилась с 20,4 до 16%. Кроме того, с 23,6 до 20,7% уменьшилась доля россиян, полагающих, что через 12 месяцев они и их семьи будут жить намного или немного лучше, чем сегодня, и одновременно с 17,4 до 18,1% увеличилась доля лиц, ожидающих худшего.

В 2015 г. был обнаружен резкий рост озабоченности россиян проблемами трудоустройства и занятости. За прошедший год доля граждан из числа занятого населения, которых очень или немного тревожит угроза потери рабочего места, увеличилась с 55,5 до 64,3 %, тогда как доля лиц, не очень или совсем не обеспокоенных этой проблемой, уменьшилась с 30,8 до 23,1%. В результате тревожность, вызванная угрозой потери работы, вернулась к уровню середины 1990-х годов, достигнув одного из самых больших значений за все время наблюдений. Значительно снизилась уверенность занятых в возможности трудоустройства в случае потери работы. Так, доля респондентов, полностью или скорее уверенных в возможности трудоустройства в случае потери рабочего места, за последний год уменьшилась с 41,1 до 36,8%, в то время как доля лиц, не очень или совсем не уверенных в этом, увеличилась с 40,2 до 44,2%.

Наиболее распространенной причиной прекращения работы в условиях кризиса стало сокращение должности или закрытие предприятия, весомость которой за последний год выросла с 14,4 до 17,7%. И в то же время работники стали реже объяснять свое увольнение снижением заработной платы, а также теми или иными неудобствами на работе, в частности неблагоприятными условиями работы, не сложившимися взаимоотношениями с руководством предприятия или коллегами. Последовательно уменьшился удельный вес респондентов, которые прекращали работу по состоянию здоровья и по причине выхода на пенсию.

Ведущее место среди способов поиска работы принадлежит обращениям за помощью к друзьям и знакомым, значимость этого способа повысилась с 81,7% в 2014 г. до 86,6% в 2015 г. Второе место впервые стали занимать обращения к рекламным объявлениям в Интернете, к которым в 2015 г. прибегали свыше 52% респондентов, ищущих работу, тогда как еще в 2006 г. данный способ был одним из наименее распространенных. На третьей позиции расположились обращения к родственникам, значимость которых как способа поиска работы за последние годы практически не изменилась. В 2015 г. к нему прибегали 49,4% респондентов. С 39,7 до 43,4% увеличилась доля лиц, обращавшихся с целью поиска работы непосредственно на предприятия, и с 37,9 до 41,7% выросла доля тех, кто искал работу с помощью традиционных рекламных объявлений. Но наиболее существенно в условиях углубляющегося кризиса повысилась популярность таких способов поиска работы, как обращения в негосударственные (с 8,1 до 12,9%) и государственные (с 20 до 39,7%) службы занятости.

Важной тенденцией является последовательное сокращение доли лиц трудоспособного возраста, желающих найти новую или другую работу. С 2011 по 2015 г. это снижение составило 3,4 п. п. (с 19,4 до 16%), в том числе за последний год — 0,9 п. п. И в то же время была прервана долгосрочная тенденция роста удовлетворенности работников своей работой в целом и отдельными ее сторонами. Так, доля работников предприятий и организаций, полностью или скорее удовлетворенных своей работой в целом, уменьшилась с 67,6% в 2014 г. до 65,6% в 2015 г. Одновременно с 10,6 до 11,2% увеличилась доля работников, которые совсем или скорее не удовлетворены своей работой. Это было первое снижение уровня удовлетворенности работников своим трудом, начиная с 2003 г. Удельный вес работников, полностью или скорее удовлетворенных условиями своего труда, уменьшился с 66 до 64,8%, в то время как доля лиц, которых совсем или скорее не устраивают

условия труда, увеличилась с 12,2 до 12,9%. Удельный вес респондентов, в большей или меньшей степени неудовлетворенных заработной платой, увеличился с 37,5 до 39,1%, а доля тех, кого устраивает заработная плата, уменьшилась с 39,5 до 36,1%. И наконец, доля респондентов, которые в большей или меньшей степени удовлетворены возможностями для профессионального роста, уменьшилась с 49 до 48,5%, тогда как доля, недовольных этой стороной труда, увеличилась с 23,9 до 24,8%.

SOCIOECONOMIC BEHAVIOR OF RUSSIAN HOUSEHOLDS

Voronin G. L., Kozyreva P. M., Kosolapov M. S., Nizamova A. E., Sivkova I. V., Smirnov A. I., Sokolova S. B., Tonis E. I., Shestova O. A.

Abstract. The paper analyzes the data collected during the 24th round of the «Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics» (RLMS-HSE) in the fall of 2015. In 2015, a real household income continued to drop with the share of a work-related income consistently declining. Meanwhile, transfer payments, domestic production and informal economy provided an ever-growing portion of household incomes. The income inequality decreased since the income of households in the three bottom income quintiles experienced a slight rise, while the income of the two upper quintiles showed a continuous downward trend. In 2015, household expenditures went down by considerable 8 per cent, which was in stark contrast to their stagnation in 2014. The long-term trend towards the spending pattern with a significantly greater proportion of non-food expenditures was effectively disrupted. The general unemployment rate reached 5.5%. However, male participation in the workforce went up from 84.4 to 85.2%, while the female participation scaled back only slightly, from 80.2 to 79%. Women earned 74.1% of a male work-related income, which shows a gentle increase in comparison to 72.8% in 2014. The proportion of employees who were to receive back pay grew from 2.5% in 2014 to 2.8% in 2015. The share of households struggling to pay rent and/or utility bills continued to grow, with 8.4% of families failing to foot the bill in 2015. In 2015, Russians felt more dissatisfied with their living standards, were more anxious about their future economic well-being and considered unemployment a serious threat.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, household, income, expenditure, consumption, employment, unemployment, inequality, attitudes

Рощина Я. М.

ДЕТИ И ПОДРОСТКИ В РОССИИ В 1994–2015 гг.: ЗДОРОВЬЕ, ОБРАЗОВАНИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕМЬИ

Аннотация. В исследовании анализируются основные характеристики семьи, благосостояние и здоровье детей и подростков (несовершеннолетних, моложе 18 лет) в России на данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за 1994–2015 гг. На протяжении изучаемого периода на общее благополучие детей и подростков оказывали влияние противоречивые тенденции. С одной стороны, выросла доля детей, проживающих в неполных семьях и многопоколенных домохозяйствах, ощутимо ухудшилось благосостояние семей с тремя и более детьми. С другой стороны, вырос образовательный уровень родителей, увеличилось количество неработающих матерей, улучшилась оценка здоровья несовершеннолетних. Уровень урбанизации, образование родителей и доход домохозяйства оказывали непосредственное влияние на доступ к качественному начальному и среднему образованию, диагностике и профилактике заболеваний, хотя количество профилактических визитов к врачу и вероятность иных профилактических мер также зависели от возраста ребенка.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, здоровье детей, здоровье подростков, благосостояние детей, благополучие детей, равенство образования.

Семья имеет основополагающее значение в процессе формирования и накопления человеческого капитала детей и подростков. Уже при рождении на развитие ребенка оказывает влияние человеческий капитал родителей: их образование, здоровье, уровень материального благосостояния¹. Более образованные и состоятельные родители и впоследствии более склонны инвестировать в человеческий капитал

¹ *Blau F. D., Grossberg A. J. Maternal Labor Supply and Children's Cognitive Development // The Review of Economics and Statistics. 1992. No. 74. P. 474–481.*

детей, затрачивая больше времени и материальных ресурсов на развитие, обучение и охрану здоровья младших членов домохозяйств. Таким образом, характеристики семьи оказывают непосредственное влияние на социальный статус ребенка, который проявляется в форме накопленного запаса человеческого капитала¹.

В представленной статье на основании данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» за 1994–2015 гг. будет рассмотрен уровень инвестиций в здоровье и образование детей и подростков в зависимости от социально-экономического положения домохозяйства. В рамках мониторинга в 1994–2009 гг. по репрезентативной выборке ежегодно опрашивалось около 4 тыс. домохозяйств, в 2010–2013 гг. – более 6 тыс., в 2014–2015 гг. – почти 5 тыс. домохозяйств. За 1994–2015 гг. доля домохозяйств в выборке, в которых есть несовершеннолетние (0–17 лет), уменьшилась с 46,9 до 32,4%, при этом доля домохозяйств с одним несовершеннолетним снизилась с 26,4 до 20,7%, с двумя – с 17,2 до 9,4%, с тремя и более – с 3,3 до 2,2% (табл. 1).

Таблица 1

Доля домохозяйств с разным количеством несовершеннолетних детей, 1994–2015 гг., %

Количество детей (0–17 лет)	1994	2000	2005	2010	2015
0	53,1	55,3	60,7	61,8	67,7
1	26,4	28,6	26,6	24,9	20,7
2	17,2	13,7	10,8	11,3	9,4
3	3,3	2,5	1,9	2,0	2,2

Среди домохозяйств, в составе которых есть несовершеннолетние, доля семей, где постоянно присутствуют оба родителя, за 1994–2015 гг. упала с 79,1 до 74,8%, доля неполных домохозяйств, напротив, выросла с 16,6 до 21,1% (максимум 24,5% зарегистрирован в 2006 г.). Семьи из трех поколений (родители с детьми до 18 лет, бабушка и/или дедушка) составляли 23,3% всех домохозяйств с детьми в 1994 г. и 29,3% в 2015 г. (максимум 32,6% достигнут в 2007 г.). Примерно 3,5% домохозяйств состоят из несовершеннолетних, бабушек и/или дедушек, в 0,6% домохозяйств несовершеннолетние 16–17 лет проживают самостоятельно или состоят в браке (табл. 2).

Таблица 2

Состав семьи в домохозяйствах с несовершеннолетними детьми, 1994–2015 гг., % домохозяйств

Состав семьи	1994	2000	2005	2010	2015
Оба родителя, нет бабушек и дедушек	62,6	58,2	54,4	54,5	56,5
Оба родителя плюс кто-то из бабушек и дедушек	16,5	17,4	17,6	19,0	18,3
Только мать	9,5	11,9	11,3	9,6	9,7
Мать и кто-то из бабушек и дедушек	6,6	7,5	10,8	12,5	10,2

¹ Cengiz G., Zhu G. Intergenerational Transmission of Human Capital and Wage Inequality / Department of Economics, University of Texas at Austin, 2010. URL: http://econ.shufe.edu.cn/upload/htmleditor/Image/62082_1011231113231.pdf

Продолжение таблицы 2

Состав семьи	1994	2000	2005	2010	2015
Только отец	0,3	0,5	0,3	0,3	0,4
Отец и кто-то из бабушек и дедушек	0,2	0,4	1,0	0,8	0,8
Без родителей, только кто-то из бабушек и дедушек	3,6	3,5	3,8	2,9	3,5
Ни родителей, ни бабушки и дедушки	0,7	0,6	0,7	0,4	0,6
Полная семья (оба родителя)	79,1	75,6	72,0	73,5	74,8
Неполная семья (один из родителей)	16,6	20,3	23,4	23,3	21,1
Три поколения в семье	23,3	25,3	29,5	32,3	29,3

Как свидетельствуют данные RLMS-HSE¹, многодетность в России является важным фактором бедности. Так, в 1994 г. душевой доход в семье с одним ребенком составлял 88% от душевого дохода семей без детей. В семье с двумя детьми эта цифра была равна 81%, а с тремя и более – только 60%. В 2015 г. аналогичные соотношения составили 79, 63 и 48%. Как показано в таблице 3, если в 1994 г. к нижнему квинтилю (самых бедных) относились 9% домохозяйств без детей, 17,7% – с одним ребенком, 27,1% – с двумя детьми и 43,7% – с тремя и более детьми, то к 2015 г. доля многодетных семей среди бедных выросла до 50,5%, семей с двумя детьми – до 35,6%, семей с одним ребенком – до 19%. Доля обеспеченных домохозяйств (верхний квинтиль) с детьми упала, в первую очередь это затронуло многодетные семьи. Таким образом, за 20 лет обследований относительное положение домохозяйств с детьми ухудшилось.

Таблица 3

Распределение домохозяйств с разным количеством несовершеннолетних детей по квинтильным группам, 1994–2015 гг., %

Год опроса	Квинтильные группы	Количество несовершеннолетних в семье				Всего
		0	1	2	3 и более	
1994	1-я (самые бедные)	9,0	17,7	27,1	43,7	15,5
	2-я	20,0	20,2	20,4	24,6	20,3
	3-я	25,0	20,3	16,4	15,1	22,0
	4-я	23,1	19,5	18,4	9,5	20,9
	5-я (самые богатые)	23,0	22,3	17,8	7,1	21,4
	Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
2000	1-я (самые бедные)	8,3	21,1	28,8	45,8	15,5
	2-я	20,6	19,6	20,0	25,0	20,3
	3-я	27,8	17,4	18,3	8,3	23,1
	4-я	23,3	17,8	18,1	6,9	20,7
	5-я (самые богатые)	19,9	24,2	14,8	13,9	20,3
	Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

¹ Воронин Г. Л. Многодетные семьи в России: уровень социально-экономического благосостояния // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) / Под ред. П. М. Козыревой. Вып. 6. М.: НИУ ВШЭ, 2016. С. 164–182.

Продолжение таблицы 3

Год опроса	Квintильные группы	Количество несовершеннолетних в семье				Всего
		0	1	2	3 и более	
2005	1-я (самые бедные)	11,7	20,6	28,3	43,6	16,3
	2-я	22,9	19,5	21,9	18,2	21,8
	3-я	22,3	23,1	17,8	16,4	21,9
	4-я	21,9	16,9	17,5	16,4	20,0
	5-я (самые богатые)	21,3	19,9	14,6	5,5	19,9
	Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
2010	1-я (самые бедные)	9,5	20,8	34,2	50,0	15,8
	2-я	15,7	22,9	25,4	21,2	18,6
	3-я	23,5	19,7	17,9	11,9	21,7
	4-я	25,0	19,3	12,6	10,2	21,9
	5-я (самые богатые)	26,3	17,2	10,0	6,8	21,9
	Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
2015	1-я (самые бедные)	9,5	19,0	35,6	50,5	14,7
	2-я	17,4	22,0	20,6	19,0	18,7
	3-я	22,1	19,4	20,0	20,0	21,3
	4-я	23,9	21,5	14,2	5,7	22,1
	5-я (самые богатые)	27,1	18,0	9,6	4,8	23,2
	Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Количество респондентов, опрошенных по репрезентативной выборке RLMS-HSE, колебалось от минимума 8330 человек в 2005 г. до максимума 16 853 человек в 2010 г. За 1994–2015 гг. доля лиц моложе 18 лет среди опрошенных уменьшилась с 29,4 до 19,2%, что связано с падением рождаемости в 1990-е годы, которое не было полностью восстановлено в 2000-х. Количество респондентов моложе 18 лет колебалось от минимума 1806 человек в 2005 г. до максимума 3692 человек в 2010 г. Всего за 1994–2015 г. было опрошено 52,3 тыс. несовершеннолетних респондентов.

В связи с низкой рождаемостью в середине 1990-х годов за рассматриваемый период изменилась возрастная структура детей и подростков в выборке (табл. 4). Выросли доли детей младше 6 лет и подростков 14–17 лет, и снизилась доля детей 6–13 лет. Среди всех опрошенных мальчики составили около 51% за все годы обследования; среди юношей и девушек 16–17 лет около 0,7% состояли в зарегистрированном браке и 1,3% в незарегистрированном. Отдельные респонденты отметили, что они разведены или вдовы.

За 1994–2015 гг. доля детей, проживающих в домохозяйствах с количеством 6 человек и более, выросла с 14 до 17,6% (табл. 5), хотя доля таких домохозяйств осталась практически неизменной (3,6% в 1994 г. и 3,9% в 2015 г.), что свидетельствует об изменении структуры домохозяйств в пользу семей с большим количеством детей.

Таблица 4

Распределение детей по возрасту, 1994–2015 гг., % от числа респондентов моложе 18 лет

Возрастные группы	1994	2000	2005	2010	2015
до 1 года	3,8	3,2	3,7	4,9	4,3
1–2 года	8,9	7,2	7,6	11,8	10,9
3–5 лет	15,6	11,4	13,5	18,2	17,9
6–9 лет	25,6	20,8	18,4	22,1	21,3
10–13 лет	24,9	29,8	24,0	22,2	20,1
14–15 лет	10,5	15,0	15,7	9,8	11,6
16–17 лет	10,7	12,4	17,2	11,1	13,9

Таблица 5

Распределение детей по домохозяйствам с разным количеством человек, 1994–2015 гг., % от числа респондентов моложе 18 лет

Количество человек в семье	1994	2000	2005	2010	2015	Всего
1	0,1	0,1	0,1	0,1	0	0,1
2	3,8	5,8	6,9	5,2	4,5	5,5
3	22,3	28,1	30,5	27,6	23,8	27,3
4	42,3	35,9	34,5	35,7	37,9	36,1
5	17,5	15,8	15,0	16,1	16,1	16,1
6 и более	14,0	14,3	13,1	15,3	17,6	15,0

Как показано в таблице 6, в 1994–2015 гг. выросла доля детей, проживающих в семьях с тремя и более несовершеннолетними (с 16,8 до 18,1%) и в семьях с одним ребенком (с 35,8 до 41,7%).

Таблица 6

Распределение детей по домохозяйствам с разным количеством детей, 1994–2015 гг., % от числа респондентов моложе 18 лет

Количество детей в семье	1994	2000	2005	2010	2015	Всего
1	35,8	45,1	48,8	46,2	41,7	44,5
2	47,5	40,9	36,9	40,0	40,1	40,5
3 и более	16,8	14,0	14,2	13,8	18,1	15,0

Доля детей, проживающих в семьях с двумя несовершеннолетними, напротив, снизилась (с 47,5 до 40,1%). Однако в середине 2000-х годов доля детей, проживающих в домохозяйствах с одним ребенком, была еще выше, а в домохозяйствах с двумя детьми – ниже (в 2005 г. семьи с одним, двумя, тремя и более детьми составляли 48,8, 36,9 и 14,2% соответственно). Это говорит о том, что в 2010–2015 гг. происходило медленное увеличение доли семей с более чем одним ребенком среди всех семей с детьми, хотя среди всех домохозяйств доля семей без детей увеличивалась.

Данные таблицы 7 также свидетельствуют, что в 2015 г. доля детей в многодетных семьях возвратилась к той, которая существовала в 1994 г., т.е. фактически на пике падения рождаемости.

Таблица 7

Распределение детей по количеству братьев и сестер в семье, 1994–2015,
% от числа респондентов моложе 18 лет

Количество братьев и сестер у ребенка	1994	2000	2005	2010	2015	Всего
0	32,4	40,5	46,7	43,8	36,5	41,9
1	49,3	44,1	38,7	42,1	45,8	43,0
2	12,3	10,5	10,4	9,9	11,9	10,5
3 и более	6,0	5,0	4,3	4,2	5,8	4,7

Как и в 1994 г., в 2015 г. около 6% детей имели трех и более братьев и/или сестер, а около 12% имели двух братьев и/или сестер. В то же время выросло число детей, не имевших братьев или сестер (с 32,4 до 36,5%, максимум в 2005 г. — 46,7%) или имевших только одного/одну брата/сестру (с 49,3 до 45,8%). Таким образом, постепенно растет число детей, которые проживают в семьях со своими братьями или сестрами.

Важное влияние на экономическое положение детей оказывает наличие в домохозяйстве двух родителей (табл. 8).

Таблица 8

Распределение детей по наличию родителей в семье, 1994–2015,
% от числа респондентов моложе 18 лет

Наличие родителей	1994	2000	2005	2010	2015	Всего
Оба родителя, нет бабушек и дедушек	63,7	60,0	60,3	59,3	59,3	59,8
Оба родителя плюс кто-то из бабушек и дедушек	15,8	18,3	16,5	14,9	15,1	16,0
Только мать	9,8	10,7	12,1	12,4	10,6	11,5
Мать и кто-то из бабушек и дедушек	5,8	6,9	6,6	8,4	10,2	7,9
Только отец	0,3	0,2	0,8	0,4	0,4	0,4
Отец и кто-то из бабушек и дедушек	0,3	0,4	0,2	0,6	0,5	0,5
Без родителей, только кто-то из бабушек и дедушек	3,6	2,8	2,5	3,4	3,3	3,1
Ни родителей, ни бабушки и дедушки	0,8	0,7	1,1	0,5	0,6	0,7

В 1994–2015 гг. доля детей, которые живут с обоими родителями, снизилась с 80 до 74%. Доля детей, проживающих с одним родителем, в подавляющем большинстве с матерью, напротив, выросла с 16,2 до 21,7% (максимум 33% зарегистрирован в 2006 г.). Без родителей проживали 4,4% детей в 1994 г. и 3,9% в 2015 г. (максимум 5% зарегистрирован в 2008 г.). В случае отсутствия родителей чаще всего дети проживали с кем-то из бабушек или дедушек. Около 0,1% несовершенно-

нолетних проживали самостоятельно (домохозяйства «одиночек»), а еще почти столько же с супругом (супругой), однако в 2015 г. доля таких несовершеннолетних снизилась до нуля (табл. 9) В то же время за 1994–2015 гг. несколько выросла доля детей, проживающих в многопоколенных семьях (с 19,8 до 21,4%).

Таблица 9

Распределение детей по типу семей, 1994–2015, % от числа респондентов моложе 18 лет

Тип семьи	1994	2000	2005	2010	2015	Всего
Одиночки	0,1	0,1	0,1	0,1	0	0,1
Семейная пара без детей и других родственников	0,1	0,2	0,04	0	0,02	0,1
Семейная пара с детьми или внуками	57,9	51,3	53,9	51,3	54,4	52,9
Один родитель (или бабушка, дедушка) с детьми	6,9	9,3	9,5	8,5	7,8	8,4
Оба родителя с детьми плюс кто-то из бабушек или дедушек	17,5	18,3	17,3	18,8	18,9	18,5
Один родитель с детьми плюс кто-то из бабушек и дедушек	2,3	2,7	3,1	2,9	2,5	2,9
Другой тип семьи	15,2	18,1	16,1	18,4	16,4	17,2

За 1994–2015 гг. уровень образования родителей в целом вырос (табл. 10), хотя мы располагаем информацией только о родителях, бабушке и/или дедушке, проживающих с ребенком.

Таблица 10

Распределение детей по уровню образования матери, отца, бабушки и дедушки, 1994–2015 гг., % от числа респондентов моложе 18 лет

Уровень образования	1994	2000	2005	2010	2015
Образование матери					
Неоконченное среднее	8,6	4,6	6,2	10,6	10,5
Оконченное среднее (школа)	38,2	39,8	36,8	28,7	25,9
Среднее (или начальное) профессиональное	29,5	30,5	28,3	26,0	23,4
Высшее	19,2	19,6	22,1	29,3	34,2
Ребенок не живет с матерью	4,5	5,5	6,5	5,5	6,0
Образование отца					
Неоконченное среднее	10,6	6,4	5,5	9,3	11,3
Оконченное среднее (школа)	40,5	39,3	37,8	29,7	27,8
Среднее (или начальное) профессиональное	12,6	14,1	13,9	15,0	16,1
Высшее	16,8	14,5	13,2	17,2	18,5
Ребенок не живет с отцом	19,5	25,7	29,6	28,9	26,2

Продолжение таблицы 10

Уровень образования	1994	2000	2005	2010	2015
Оба родителя					
Ни у кого из родителей нет высшего образования	68,9	68,7	66,7	60,1	55,1
Только у отца высшее образование	8,2	7,2	5,9	6,5	5,9
Только у матери высшее образование	10,6	12,3	14,8	18,6	21,6
У обоих родителей высшее образование	8,6	7,3	7,3	10,7	12,6
Ребенок не живет с родителями	3,7	4,5	5,3	4,1	4,8
Родители, бабушка и дедушка					
Ни у кого нет высшего образования	71,0	70,3	69,3	61,8	57,8
У кого-то одного высшее образование	19,2	21,8	21,6	24,9	26,7
У 2 и более высшее образование	9,9	8,0	9,1	13,3	15,5

Прежде всего, это касается доли матерей с высшим образованием, она увеличилась с 19,2 до 34,2%, среди отцов этот показатель вырос с 16,8 до 18,5%. Несмотря на это, до настоящего времени большинство детей проживает в домохозяйствах, где оба родителя не имеют высшего образования. Однако если в 1994 г. доля таких детей была равна 68,9%, то в 2015 г. она снизилась до 55,1%. В 2015 г. в 21,6% семей высшее образование было только у матери, в 5,9% семей – только у отца, в 12,6% семей – у обоих родителей. Если учитывать не только родителей, но также бабушку и дедушку, то у 57,8% детей ни у кого из родителей или бабушек и дедушек не было высшего образования в 2015 г. (в 1994 г. этот показатель достигал 71%). Что касается среднего образования, то с 1994 по 2015 г. доля отцов, имеющих среднее или начальное профессиональное образование, выросла с 12,6 до 16,1%. В то же время увеличилась доля матерей с неоконченным средним образованием (с 8,6 до 10,5%).

Как показано в таблице 11, в 1994 г. у 62,8% матерей была работа, еще 9% находились в декретном отпуске или в отпуске по уходу за ребенком. В 2015 г. соответствующие доли составили 56,3 и 11,9%, т. е. доля работающих матерей снизилась.

Таблица 11

**Распределение детей по занятости матери и отца, 1994–2015 гг.,
% от числа респондентов моложе 18 лет**

Занятость	1994	2000	2005	2010	2015
Матери					
Есть работа	62,8	59,2	58,1	58,5	56,3
В декретном отпуске или по уходу за ребенком	9,0	5,6	5,8	11,3	11,9
В другом отпуске	1,4	0,8	0,5	0,5	0,3
Нет работы	22,3	28,8	29,0	24,2	25,4
Ребенок не живет с матерью	4,5	5,5	6,5	5,5	6,0

Продолжение таблицы 11

Занятость	1994	2000	2005	2010	2015
Отца					
Есть работа	68,6	57,1	54,3	60,3	61,9
В отпуске	1,3	1,1	0,3	0,3	0,3
Нет работы	10,6	16,1	15,7	10,6	11,6
Ребенок не живет с отцом	19,5	25,7	29,6	28,9	26,2

Доля детей, проживающих с отцом, у которого есть работа, также снизилась (с 68,6% в 1994 г. до 61,9% в 2015 г.), прежде всего за счет увеличения доли детей, проживающих без отца (с 19,5 до 26,2%). Если рассматривать только детей, проживающих с отцом, то среди них доля работающих отцов составляла 85% в 1994 г. и 84% в 2015 г. Самый высокий уровень незанятости отцов наблюдался в 1998 г. (18% детей жили с отцами, у которых не было работы). Наивысший уровень незанятости среди матерей зарегистрирован в 2001 г. (29,8% детей жили с неработающими матерями).

Данные, представленные в таблице 12, показывают, что среди работающих матерей в 1994–2015 гг. выросла доля занятых в сфере законодательства и руководящих работников – с 3,7% до 4,8% (максимум 7,5% достигнут в 2001 г.), специалистов среднего уровня квалификации (с 42,6 до 53,7%), и снизилась доля квалифицированных (с 16,2 до 9,6%) и неквалифицированных (с 12,6 до 6,7%) рабочих.

Таблица 12

**Распределение детей по профессиональному статусу матери и отца, 1994–2015 гг.,
% от числа респондентов моложе 18 лет, имеющих занятых родителей**

Профессиональный статус	1994	2000	2005	2010	2015
Матери					
Военнослужащие	0,4	0,4	0,1	0,2	0,3
Законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена	3,7	6,5	6,6	6,2	4,8
Специалисты высшего уровня квалификации	24,5	21,9	21,1	25,6	25,0
Специалисты среднего уровня квалификации	42,6	46,0	48,5	50,3	53,7
Квалифицированные рабочие	16,2	12,2	14,4	8,8	9,6
Неквалифицированные рабочие	12,6	13,0	9,2	8,9	6,7
Отца					
Военнослужащие	2,5	2,7	1,1	1,3	1,2
Законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена	7,4	10,0	10,8	12,5	10,2
Специалисты высшего уровня квалификации	9,8	8,2	6,8	8,9	8,8
Специалисты среднего уровня квалификации	10,9	12,6	13,9	17,2	20,1
Квалифицированные рабочие	63,0	58,2	57,7	51,6	49,9
Неквалифицированные рабочие	6,3	8,3	9,7	8,5	9,7

Те же тенденции характерны и для работающих отцов. Доля руководящих работников выросла с 7,4 до 10,2%, специалистов среднего уровня квалификации – с 10,9 до 20,1%, а доля квалифицированных рабочих упала с 63 до 49,9%. В целом уровень образования и профессиональная позиция матерей оказались существенно выше, чем отцов.

Данные о посещении детьми детского сада собираются в рамках RLMS-HSE с 2010 г. Таблица 13 показывает, что охват дошкольными учреждениями детей в возрасте до 6 лет довольно высок, он составил 65,8% в 2010 г. и 70,9% в 2015 г.

Таблица 13

Посещение детьми образовательных учреждений, 1994–2015 гг., по возрастным группам, %

Возраст	1994	2000	2005	2010		2015	
	Школа	Школа	Школа	Детский сад	Школа	Детский сад	Школа
до 6 лет	-	-	-	65,8	0	70,9	0,2
6–15 лет	97,4	93,0	91,9	7,3	90,6	8,1	90,4

Среди детей более старшего возраста также есть посещающие детский сад, однако доля их невелика (30% среди шестилетних, 1,4% среди семилетних). Среди детей в возрасте от 6 до 15 лет в 1994 г. посещали школу 97,4% опрошенных, в 2005 г. – 91,9%, в 2010 и 2015 г. – чуть более, чем 90%.

Среди подростков 16–17 лет в 2006–2015 г. доля посещающих школу выросла с 48 до 59,3% (табл. 14), выросла и доля учащихся в учреждениях начального и среднего профессионального образования (с 29,7 до 33,2%). Напротив, снизилась доля учащихся в вузе (с 12,4 до 4,2%) и тех, кто нигде не учится (с 9,9 до 3,3%).

Таблица 14

Посещение детьми образовательных учреждений, 2006, 2010, 2015 гг., по возрастным группам, % от числа респондентов 6–17 лет

Ребенок	2006		2010		2015	
	6–15	16–17	6–15	16–17	6–15	16–17
Не учится	8,2	9,9	1,5	3,2	1,4	3,3
Посещает детский сад	-	-	7,3	0	8,1	0
Учится в школе	90,0	48,0	90,6	55,1	90,4	59,3
Учится в училище и т. д.	1,8	29,7	0,4	32,4	0,1	33,2
Учится в вузе	0	12,4	0	9,3	0	4,2

Данные таблицы 15 дают представления о причинах, по которым ребенок 6–13 лет не посещает школу. Лидирующее положение среди них занимал ответ «Потому что (он/она) пойдет в школу через год или два» (так заявило 92–97% опрошенных), т. е. вопрос был задан о ребенке, еще не достигшем школьного возраста.

Однако в 2015 г. 5% детей не посещали школу из-за проблем со здоровьем (в 2000 г. доля таких детей составляла 7%, в 2005 и 2010 гг. – 1,5–2,5%). Еще 0,7% родителей, а в 2000–2005 гг. более 1%, выбрали для своего ребенка домашнее образование.

Таблица 15

Причины, по которым ребенок не учится в общеобразовательной школе, 2000, 2005, 2010, 2015 гг., % от числа респондентов 6–13 лет, не посещающих школу

Причины	2000	2005	2010	2015
Потому что (он/она) пойдет в школу через год или два	92,5	92,0	97,4	96,5
Потому что у него/нее плохое здоровье, посещать школу не может	7,3	1,6	2,6	4,9
Потому что он/она отчислен(а) из школы	1,2	0,0	0,0	0,0
Потому что семья хочет дать ему/ей домашнее образование	1,2	1,7	0,0	0,7
Потому что близко от дома нет школы	1,2	0,0	0,0	0,0
Он/она не хочет учиться	–	–	–	0,0
Ребенок вынужден работать, чтобы помогать семье	–	–	–	0,0
Другие причины	2,5	8,6	1,3	0,7

Как показано в таблице 16, в 2009–2015 гг. лишь немного снизилась доля детей, обучавшихся в обычной средней школе (с 79,8 до 77,6%), незначимо выросла доля учащихся в гимназии (с 6,5 до 7,7%) и общеобразовательном колледже или лицее (с 3,8 до 4,7% и 5,4% в 2011 и 2013 гг.).

Таблица 16

Распределение детей по типу образовательного учреждения, 2009–2015 гг., % от числа респондентов 6–17 лет, посещающих школу

Тип учреждения	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Гимназия, школа с гимназическими классами	6,5	7,0	6,4	7,0	6,9	7,9	7,7
Школа с углубленным или профильным преподаванием предметов	6,4	5,3	6,1	6,1	6,0	5,3	6,0
Общеобразовательный колледж, лицей	3,8	4,6	5,4	5,2	5,4	5,1	4,7
Школа-экстернат	0,1	0,1	0,2	0,1	0,2	–	0,1
Обычная средняя школа	79,8	80,0	78,4	77,2	78,0	77,7	77,6
Школа другого типа	3,4	2,9	3,4	4,1	3,2	3,5	3,7
Вечерняя школа	–	–	0,2	0,3	0,2	0,4	0,2

В 2015 г., как показывают представленные в таблице 17 данные, лишь 0,5% детей 6–17 лет учились в негосударственных школах.

Таблица 17

Принадлежность образовательного учреждения, в котором учится ребенок, 2010–2015 гг., % от числа респондентов 6–17 лет, посещающих школу

Владелец	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Государство, муниципалитет	99,6	99,0	99,0	99,3	99,9	99,5
Предприятие, ведомство	0,1	0,3	0,3	0,3	0,1	0,2
Частные лица	0,2	0,6	0,5	0,3	0,1	0,2
Другой владелец	0,1	0,1	0,3	0,2	0	0,1

Что касается успеваемости, то, судя по ответам респондентов, приведенным в таблице 18, за 2010–2015 гг. несколько снизилась доля отличников (с 11,7 до 8,8%), прежде всего за счет тех, кто в основном получал тройки и четверки (их доля выросла с 19,9 до 25%).

Таблица 18

Оценка успеваемости ребенка, 2010–2015 гг.,
% от числа респондентов 6–17 лет, посещающих школу

Успеваемость	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Почти все – пятерки	11,7	13,2	12,0	10,7	9,2	8,8
В основном пятерки и четверки	39,9	39,2	40,2	45,4	35,5	38,1
В основном четверки	23,2	22,6	22,6	19,5	25,4	22,9
В основном четверки и тройки	19,9	19,3	19,6	20,3	24,2	25,0
В основном тройки	4,5	5,0	5,1	3,6	5,3	4,8
В основном тройки и часто двойки	0,8	0,7	0,5	0,5	0,5	0,4

Как показывают данные таблиц 19 и 20, в доступности хороших школ существует значительное неравенство. Из таблицы 19 видно, что в гимназиях в 2015 г. учились 16,3% детей в возрасте 6–17 лет из Москвы и Санкт-Петербурга, 12,9% из других областных центров, но только 6,1% из других городов и 3,2% из ПГТ и сельской местности.

Таблица 19

Распределение детей по типу образовательного учреждения, 2015 г.,
% от числа респондентов 6–17 лет, посещающих школу, в зависимости от места жительства
и наличия высшего образования у родителей и бабушки/дедушки

Тип учреждения	Место жительства				Высшее образование		
	Москва, Санкт-Петербург	Областной центр	Город	ПГТ, село	Нет ни у кого	У кого-то одного	У 2 и более
Гимназия, школа с гимназическими классами	16,3	12,9	6,1	3,2	5,5	9,1	14,8
Школа с углубленным или профильным преподаванием предметов	11,3	10,2	7,4	0,8	3,3	8,0	14,3
Общеобразовательный колледж, лицей	7,8	3,9	8,0	2,1	4,1	5,8	4,9
Школа-экстернат	0,7	0	0	0,2	0,1	0,3	0
Обычная средняя школа	58,9	67,9	76,6	89,9	82,1	74,4	63,7
Школа другого типа	5,0	5,1	1,7	3,6	4,5	2,5	2,2
Вечерняя школа	0	0	0,3	0,2	0,4	0	0

Аналогично падает вероятность для детей обучаться в школе с углубленным преподаванием предметов или в общеобразовательном колледже или лицее при снижении уровня урбанизации. Напротив, если 58,9% школьников Москвы и Санкт-Петербурга учатся в обычной школе, то в других областных центрах этот показатель достигает 67,9%, в других городах – 76,6%, на селе – 89,9%.

Похожий эффект оказывает материальный достаток семьи, что демонстрируют данные, представленные в таблице 20.

Таблица 20

Распределение детей по типу образовательного учреждения, 2015 г.,
% от числа респондентов 6–17 лет, посещающих школу,
в зависимости от дохода семьи (квильная группа) и количества несовершеннолетних в семье

Тип учреждения	Квильные группы					Количество детей в семье		
	1-я (самые бедные)	2-я	3-я	4-я	5-я (самые богатые)	1	2	3 и более
Гимназия, школа с гимназическими классами	5,3	4,9	6,4	10,0	14,2	8,4	7,9	4,9
Школа с углубленным или профильным преподаванием предметов	2,2	1,9	6,0	11,0	16,0	8,1	5,3	2,2
Общеобразовательный колледж, лицей	3,8	4,6	3,8	7,2	5,3	6,4	4,2	1,3
Школа-экстернат	0	0	0,4	0	0,6	0,2	0,2	0
Обычная средняя школа	84,4	85,9	80,9	67,5	59,8	72,8	79,4	86,2
Школа другого типа	3,6	2,7	2,6	4,3	4,1	3,7	2,9	5,3
Вечерняя школа	0,7	0	0	0	0	0,5	0	0

В обычной школе учатся 84,4% детей из самых бедных домохозяйств, но только 59,8% из самых обеспеченных. Велико влияние и образования родителей, бабушки или дедушки. Так, 82,1% детей, у которых никто из родителей, бабушек или дедушек не имеет высшего образования, учатся в обычной школе, но только 63,7% детей, у которых родители, бабушки и дедушки имеют высшее образование. Лучшими возможностями обладают дети, проживающие в домохозяйствах с количеством детей меньше двух. В обычной школе учится 72,8% детей из домохозяйств с одним ребенком и 86,2% из семей с тремя и более детьми.

Что касается успеваемости, то здесь зависимость от места жительства и уровня дохода семьи не такая прямая. Тем не менее, как показывают данные таблицы 21, наибольшая доля отличников наблюдается среди школьников областных центров (11,7%), хорошистов – среди жителей Москвы и Санкт-Петербурга (42,5%).

Таблица 21

Оценка успеваемости ребенка, 2015 г., % от респондентов 6–17 лет, посещающих школу, в зависимости от места жительства и наличия высшего образования у родителей и бабушки/дедушки

Уровень успеваемости	Место жительства				Высшее образование		
	Москва, Санкт-Петербург	Областной центр	Город	ПГТ, село	Нет ни у кого	У кого-то одного	У 2 и более
Почти все пятерки	6,7	11,7	8,3	7,8	6,0	12,6	13,8
В основном пятерки и четверки	42,5	29,8	39,2	41,5	36,1	40,7	41,4
В основном четверки	20,1	27,6	20,2	22,4	22,0	22,5	27,6
В основном четверки и тройки	24,6	27,0	25,2	23,7	29,6	20,4	13,8
В основном тройки	4,5	3,8	6,5	4,4	5,8	3,6	2,9
В основном тройки и часто двойки	1,5	0	0,6	0,2	0,4	0,3	0,6

Выше всего успеваемость также у детей, которые имеют одного брата или сестру: 10,9% отличников и 40,6% – хорошистов (табл. 22). Но самое очевидное влияние на успеваемость имеет уровень образования старших (табл. 21). Если среди родителей, бабушек и дедушек два человека и более имеют высшее образование, то 13,8% детей – отличники, а 41,4% учатся на хорошо и отлично (если старшие члены домохозяйства не имеют высшего образования, соответствующие доли равны 6 и 36,1%).

Как показано в таблице 22, среди детей из обеспеченных семей наблюдается наибольшая доля учащихся преимущественно на пятерки (16,3%), а из второй по обеспеченности группы – на четыре и пять (42,1%).

Таблица 22

Оценка успеваемости ребенка, 2015 г., % от числа респондентов 6–17 лет, посещающих школу, в зависимости от дохода семьи (квнтильная группа) и количества несовершеннолетних в семье

Уровень успеваемости	Квнтильные группы					Количество детей		
	1-я (самые бедные)	2-я	3-я	4-я	5-я (самые богатые)	1	2	3 и более
Почти все пятерки	5,6	4,9	12,6	9,7	16,3	8,4	10,9	4,9
В основном пятерки и четверки	32,8	38,8	38,1	42,1	36,9	38,2	40,6	31,7
В основном четверки	24,8	25,3	24,2	21,5	20,0	22,4	22,0	26,8
В основном четверки и тройки	29,9	25,3	21,9	24,1	21,3	26,7	21,6	28,8
В основном тройки	6,7	4,9	3,3	2,6	5,0	3,8	4,8	7,3
В основном тройки и часто двойки	0,3	0,8	0	0	0,6	0,5	0,2	0,5

Как показывают данные RLMS-HSE, оценка здоровья детей родителями (от 0 до 13 лет), а также самооценка здоровья подростками (14–17 лет), постоянно растет (табл. 23). Если в 1994 г. только у 55,5% детей здоровье оценивалось как «хорошее и очень хорошее», то в 2015 г. доля таких детей составляла 75,4%.

Таблица 23

Распределение детей по оценке их здоровья родителями (0–13 лет) или самооценке (14–17 лет), 1994–2015 гг., %

Оценка здоровья	1994	2000	2005	2010	2015
Плохое и очень плохое	3,9	2,8	1,7	1,4	1,0
Среднее	40,6	37,8	29,7	28,1	23,6
Хорошее и очень хорошее	55,5	59,4	68,7	70,5	75,4

Субъективному мнению родителей и подростков соответствуют и данные о наличии хронических заболеваний (доступны начиная с 2000 г.). Так, доля страдающих заболеваниями желудочно-кишечного тракта в 2000–2015 гг. снизилась с 5,4 до 3,8%, позвоночника – с 4,1 до 2,1%, почек – с 2,5 до 1,2%, печени – с 2 до 0,3% (табл. 24).

Таблица 24

Распределение детей по наличию хронических заболеваний различных органов, 2000–2015 гг., % от числа респондентов моложе 18 лет

Наличие хронических заболеваний	2000	2005	2009	2012	2015
Сердца	2,5	2,8	2,9	2,3	2,0
Легких	2,4	2,1	1,5	1,6	3,0
Печени	2,0	1,0	1,3	0,5	0,3
Почек	2,5	2,1	2,3	1,9	1,2
Желудочно-кишечного тракта	5,4	4,7	4,1	4,2	3,8
Позвоночника	4,1	3,8	3,2	2,7	2,1
ЛОР-органов	–	–	–	7,9	5,9
Неврологических	–	–	–	2,8	2,5
Глаз	–	–	–	4,3	4,4
Аллергии	–	–	–	7,7	7,5
Других хронических заболеваний	9,6	10,3	10,6	2,0	2,0
Наличие одного хронического заболевания	16,8	17,5	14,9	18,9	17,4
Наличие 2 и более хронических заболеваний	4,9	3,9	4,3	7,8	7,6
Наличие инвалидности	–	0,9	1,7	2,1	3,1

В меньшей степени сократились показатели хронических заболеваний сердца (с 2,5 до 2%), а распространенность легочных заболеваний выросла (с 2,4 до 3%). Начиная с 2012 г. список хронических заболеваний был расширен, что дало возможность выявить наиболее распространенные хронические заболевания среди детей и подростков, которыми оказались аллергия (7,5% в 2015 г.) и болез-

ни ЛОР-органов (5,9% в 2015 г., 7,9% в 2012 г.). Высока заболеваемость в 2015 г. и глазными болезнями (4,4%). Изменение методики опроса (увеличение списка заболеваний) объясняет кажущийся рост доли детей с хроническими заболеваниями в 2012 г. Однако на фоне снижения заболеваемости и повышения самооценки здоровья, выросла доля детей с инвалидностью: с 0,9% в 2005 г. до 3,1% в 2015 г.

Как показывает таблица 25, заболеваемость детей хроническими болезнями увеличивается с возрастом.

Таблица 25

Распределение детей по наличию хронических заболеваний, оценке здоровья и наличию инвалидности, 2015 г., по возрастным группам, % от числа респондентов моложе 18 лет

Заболевания	До 1 года	1–2 года	3–5 лет	6–9 лет	10–13 лет	14–15 лет	16–17 лет
Наличие хронических заболеваний							
Сердца	0,7	1,2	1,4	2,7	3,2	4,1	4,1
Легких	0,4	0,9	1,9	2,9	2,4	2,8	2,9
Печени	0,0	0,1	0,3	0,7	1,5	1,6	1,5
Почек	0,2	0,7	0,9	2,0	2,7	3,2	3,4
Желудочно-кишечного тракта	0,8	1,3	2,3	4,0	6,6	7,3	9,1
Позвоночника	0,2	0,3	0,9	2,3	4,9	5,6	7,4
ЛОР-органов	0,2	3,2	8,4	8,3	8,0	8,7	10,2
Неврологических	1,5	0,9	2,6	2,7	4,2	3,4	2,4
Глаз	0,2	1,1	2,2	4,1	7,3	7,1	8,4
Аллергии	3,8	6,9	8,3	8,4	7,7	6,3	6,3
Других хронических заболеваний	1,1	3,3	5,3	7,8	9,5	9,9	9,5
Наличие одного хронического заболевания	4,3	8,3	12,7	16,9	19,7	21,7	21,9
Наличие 2 и более хронических заболеваний	0,3	1,3	2,9	5,0	7,0	8,3	9,9
Оценка здоровья							
Здоровье плохое и очень плохое	0,7	1,5	1,9	2,1	2,3	2,3	2,6
Среднее здоровье	14,3	24,1	31,0	32,9	36,9	33,8	33,7
Здоровье хорошее и очень хорошее	85,0	74,3	67,1	65,0	60,9	63,9	63,7
Наличие инвалидности	0,3	1,5	1,9	1,5	2,1	2,7	2,3

Если среди детей до года показатель отсутствия хронических заболеваний очень высок – 95%, то в возрасте 6–9 лет он снижается до 78%, а в возрасте 16–17 лет – до 68%. При этом у 22% подростков 16–17 лет наличествует хотя бы одно хроническое заболевание, у 10% – два и более. Неудивительно, что если в возрасте 1–2 лет 74% детей имеют хорошее или очень хорошее здоровье по оценке родителей, то к 16–17 годам таковых остается только 64%. К этому возрасту доля детей с инвалидностью возрастает до 2,3%.

Как показывают данные таблицы 26, проживание в крупных городах оказывает неблагоприятное влияние на здоровье детей.

Таблица 26

Количество хронических заболеваний у ребенка, 2015 г., % от числа респондентов моложе 18 лет, в зависимости от места жительства и наличия высшего образования у родителей и бабушки/дедушки

Количество заболеваний	Место жительства				Высшее образование		
	Москва, Санкт-Петербург	Областной центр	Город	ПГТ, село	Нет ни у кого	У кого-то одного	У 2 и более
0	70,9	72,6	77,6	83,0	78,4	76,4	75,8
1	20,6	19,7	16,7	13,6	16,4	17,4	17,7
2 и более	8,5	7,6	5,7	3,4	5,3	6,2	6,5

Меньше всего доля не имеющих хронических заболеваний в Москве и Санкт-Петербурге (70,9% в 2015 г.), несколько больше в других областных центрах (72,6%), еще больше в других городах (77,6%) и селах (83%). В Москве и Санкт-Петербурге также самая высокая доля детей с двумя и больше хроническими заболеваниями (8,5%). Правда, возможно, что в больших городах (столице, областных центрах) выше доступность медицинских учреждений, что позволяет иметь хорошую диагностику, т. е. в малых городах и сельской местности родители не всегда могут знать о наличии у детей хронических заболеваний. Однако и загрязнение окружающей среды в больших городах выше.

О роли диагностики косвенно могут свидетельствовать и данные о заболеваемости детей в разных доходных группах семей, представленные в таблице 27.

Таблица 27

Количество хронических заболеваний у ребенка, 2015 г., % от числа респондентов моложе 18 лет, в зависимости от дохода семьи (квintильная группа) и количества несовершеннолетних в семье

Количество заболеваний	Квintильные группы					Количество детей в семье		
	1-я (самые бедные)	2-я	3-я	4-я	5-я (самые богатые)	1	2	3 и более
0	82,1	77,4	74,3	74,4	74,4	74,5	79,0	83,7
1	13,8	17,3	18,7	18,8	18,7	18,3	16,4	12,7
2 и более	4,1	5,3	7,0	6,8	6,9	7,1	4,6	3,7

В самых бедных семьях 82,1% детей без хронических заболеваний, а в более обеспеченных (3–5 квintили) – 74% (при этом 19% детей имеют одно хроническое заболевание). Вероятно, напрямую от дохода семьи здоровье детей не зависит, но доходы дают возможность доступа к качественной медицине и диагностике. Скорее всего, схожий эффект наблюдается и в семьях с разным количеством детей. Меньше всего детей с хроническими заболеваниями в семьях, где трое и более детей (83,7%), причем это самые бедные семьи. Наименьшая доля детей с хроническими заболеваниями также наблюдается в семьях, где у родителей и бабушки/дедушки нет высшего образования (78,4%), хотя доходы в этих семьях также ниже среднего.

Важным фактором здоровья детей является здоровье их родителей. Дети, чьи матери не имеют хронических заболеваний, в 85% случаев также не страдают от таковых. Напротив, если мать имеет хронические заболевания, вероятность обнаружить хроническое заболевание у ребенка возрастает, и только у 65,5% таких детей не зарегистрировано ни одного хронического заболевания. Наличие хронических заболеваний у детей почти не зависит от потребления отцами табачных изделий и слабо зависит от потребления алкоголя. У некурящих отцов 80,1% детей не имеют хронических заболеваний, у курящих этот показатель равен 78,6%. В 80% случаев дети не имеют хронических заболеваний, если отец не потребляет алкоголь. Если отец потребляет менее 250 г чистого этанола в месяц, доля детей без зарегистрированных заболеваний снижается до 79%; если потребление алкоголя колеблется от 250 г до 1 л – до 78%; если превышает более 1 л чистого алкоголя в месяц – до 75%.

Важным препятствием заболеваемости является профилактика, а фактором выздоровления – ранняя диагностика. Поэтому профилактический осмотр врача, особенно для детей и подростков, необходим. Как показывают данные таблицы 28, в 1994–2015 гг. доля детей, которые были у врача с профилактической целью в течение трех месяцев перед опросом, выросла с 26,6 до 40,2%, причем минимум – 21,5% – был достигнут в 1998 г., а максимум 46,1% – в 2008 г. В 2003–2010 гг. родителей детей младше 14 лет также спрашивали о профилактических посещениях врача в течение 12 месяцев, и доля положительных ответов на этот вопрос составляла от 60 до 64% в разные годы.

Таблица 28

Доля детей, обратившихся к врачу с целью профилактического осмотра, 1994–2015 гг.,
% от числа респондентов моложе 18 лет

1994	1998	2000	2002	2005	2008	2011	2015
26,6	21,5	23,2	40,7	37,8	46,1	42,0	40,2

Частота профилактических осмотров зависит от возраста ребенка, материального положения семьи, места жительства и образования родителей, что демонстрируют данные таблицы 29.

Таблица 29

Доля детей, обратившихся к врачу с целью профилактического осмотра,
в зависимости от возраста, уровня дохода в семье и типа поселения, 2015 г.,
% от числа респондентов моложе 18 лет

	Доля детей
Возраст детей	
До 1 года	77,9
1–2 года	49,4
3–5 лет	33,6
6–9 лет	45,5
10–13 лет	36,7
14–15 лет	30,9
16–17 лет	34,7

Продолжение таблицы 29

	Доля детей
Квintильные группы душевого дохода	
1-я (самые бедные)	34,8
2-я	40,7
3-я	42,7
4-я	42,0
5-я (самые богатые)	52,0
Тип поселения	
Москва, Санкт-Петербург	55,6
Областной центр	37,1
Город	37,6
ПГТ, село	39,6

Доля детей, которые показывались врачу с профилактической целью в течение последних 12 месяцев, падает с возрастом. В 2015 г. в профилактических целях врача посещали в возрасте до года 78%, в возрасте 1–2 лет – 49%, в 6–9 лет – 46%, в 16–17 лет – 35% несовершеннолетних. Доля посещавших врача падает и с уменьшением дохода семьи. Среди самых богатых она составила в 2015 г. 52%, а среди самых бедных – 35%. Аналогично влияние населенного пункта. В Москве и Санкт-Петербурге врачу показывались с целью профилактики 56%, а в других городах и селах – менее 40% несовершеннолетних.

В семьях, где более двух человек имеют высшее образование, 44% посещают профилактические осмотры врача, в домохозяйствах, где высшего образования нет ни у одного члена семьи, этот показатель равен 38%. При этом количество детей в семье не оказывает значимого влияния на частоту профилактических осмотров.

Начиная с 2010 г. родителям детей младше 14 лет задавали вопрос: «Какие меры принимает семья, чтобы укрепить здоровье Вашего ребенка и предупредить возможные заболевания?». Ответы респондентов представлены в таблице 30.

Таблица 30

Меры, принимаемые семьей для укрепления здоровья ребенка и предупреждения заболеваний, 2010–2015 гг., % от числа респондентов моложе 14 лет

Меры	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Закаливание	39,4	41,6	42,9	39,4	40,5	39,0
Правильное питание	83,1	85,0	88,2	87,3	89,4	87,8
Витамины/пищевые добавки	57,6	63,0	59,2	58,3	55,8	52,9
Соблюдение режима дня	79,0	83,5	86,6	86,0	87,4	86,7
Спортивные занятия	48,6	50,1	52,5	48,7	50,1	54,0
Посещение бани, сауны	21,0	25,4	27,7	25,7	26,0	28,9
Обязательные прогулки на свежем воздухе	91,2	94,3	94,3	94,4	94,2	94,3
Другое	2,3	4,0	2,8	1,9	2,5	2,9

Самой популярной мерой оказались обязательные прогулки на свежем воздухе, их отметили родители 94,3% детей в 2015 г. Родители почти 88% детей отметили правильное питание и 87% – соблюдение режима дня. Еще 54% родителей указали на спортивные занятия, 53% – на прием витаминов и пищевых добавок. Гораздо менее популярны закаливание (39% как в 2015, так и в 2010 г.) и посещение сауны.

Как показывают данные таблицы 31, наибольшее внимание профилактическим мерам для укрепления здоровья ребенка (особенно это касается закаливания, приема витаминов, спортивных занятий) уделяют родители детей младшего возраста, из более обеспеченных домохозяйств, в больших городах, а также в семьях, где у двух и более взрослых есть высшее образование.

Таблица 31

Меры профилактики заболеваний у детей, 2015 г., % от числа респондентов моложе 14 лет, в зависимости от возраста ребенка, дохода семьи (квintильная группа), места жительства, количества детей в семье и уровня образования взрослых

	Закаливание	Правильное питание	Витамины и пищевые добавки	Соблюдение режима дня	Спортивные занятия	Посещение бани, сауны	Прогулки на свежем воздухе	Другое
Возраст детей								
До 1 года	42,7	93,7	34,8	92,7	20,9	14,0	95,5	5,9
1–2 года	44,2	93,2	54,6	92,2	32,9	20,9	97,5	4,6
3–5 лет	40,6	88,5	60,6	89,8	53,7	31,9	96,3	1,6
6–9 лет	38,0	88,5	53,8	88,0	61,3	31,4	94,0	3,3
10–13 лет	35,3	82,4	48,2	78,1	65,4	31,2	90,8	1,9
Квintильные группы душевого дохода								
1-я (самые бедные)	34,7	81,9	44,5	82,6	44,6	35,6	91,8	1,4
2-я	40,9	87,9	50,4	88,1	51,6	27,1	94,9	2,1
3-я	39,0	92,8	54,8	91,3	59,8	31,9	97,0	5,0
4-я	40,6	92,8	63,6	90,7	63,4	22,2	95,1	4,3
5-я (самые богатые)	52,2	90,9	65,0	88,5	67,8	20,3	95,6	3,8
Тип поселения								
Москва, СПб	42,09	96,02	57,14	87,25	60,01	12,81	97,36	4,75
Обл. центр	40,59	90,02	53,97	89,55	51,66	19,23	94,21	6,15
Город	37,65	86,36	62,06	85,92	58,18	26,47	94,91	2,64
ПГТ, село	37,85	84,61	44,17	84,99	50,79	42,80	92,82	,29
Количество детей в семье								
1	38,5	87,3	56,6	86,1	58,7	24,3	95,9	3,9
2	37,3	89,4	51,0	86,8	52,6	28,8	93,8	2,2
3 и более	43,9	85,2	50,1	87,6	48,3	37,6	92,3	2,5
Уровень образования взрослых членов домохозяйства								
Нет ни у кого	36,9	85,8	48,9	84,4	50,8	33,5	93,3	1,8
У одного	39,4	88,9	55,8	88,0	56,0	21,7	94,6	4,0
У 2 и более	45,6	93,1	62,0	92,4	61,7	24,7	96,9	4,9

Подводя итог всем изменениям в положении российских семей с детьми, следует отметить противоречивость тенденций, наблюдаемых в 1994–2015 гг. С одной стороны, в этот период выросла доля детей, проживающих в неполных семьях, ухудшилось благосостояние детей из многодетных семей. С другой стороны, выросло образование родителей и улучшилось здоровье детей. Что касается влияния характеристик семьи на тип школы, в которой обучается ребенок, то стало очевидным, что вероятность посещать хорошую школу (гимназию, школу с углубленным изучением предметов и т. д.) растет вместе с ростом уровня урбанизации, уровня образования родителей, доходов семьи и падает – с увеличением количества детей в семье. Примерно такой же эффект перечисленные характеристики семьи оказывают на успеваемость ребенка.

В 2000–2015 гг. здоровье детей в целом улучшилось, о чем свидетельствуют и субъективная оценка родителей, и снижение распространенности хронических заболеваний. Данные говорят о том, что вероятность иметь хронические заболевания увеличивается с возрастом ребенка и уровнем урбанизации и положительно связана с наличием хронических заболеваний у родителей. Несмотря на то, что вероятность хронических заболеваний выше у детей из обеспеченных семей, наблюдаемый эффект скорее всего связан с неравным доступом к качественной диагностике заболеваний. Родители более обеспеченные, с более высоким уровнем образования, проживающие в больших городах, чаще показывают ребенка врачу с профилактической целью, хотя вероятность профилактического осмотра снижается с возрастом ребенка. Наибольшее внимание профилактическим мерам для укрепления здоровья ребенка (особенно это касается закаливания, приема витаминов, спортивных занятий) также уделяют родители детей младшего возраста, из более обеспеченных домохозяйств, в больших городах, а также в семьях, где у двух и более взрослых есть высшее образование.

CHILDREN AND TEENAGERS IN RUSSIA FROM 1994 TO 2015: HEALTH, EDUCATION AND FAMILY BACKGROUND

Roshchina Ya. M.

Abstract. The paper analyzes the family background, welfare and health of children and teenagers (those under the age of 18) in Russia during the period between 1994 and 2015, using the RLMS-HSE data. Multiple factors affected the welfare and well-being of Russian minors throughout this period. On the one hand, there were growing numbers of children living in either single-parent or multi-generational households. Families with three or more children experienced a considerable decline in living standards. On the other hand, the level of education of both parents increased. More mothers chose to stay at home with their children and, according to self-assessments and the recorded number of illnesses, the health of minors improved. Urbanization, educational achievements of parents and a household income had an impact on the quality of education and health services that children and teenagers had an access to. However, the number of doctor visits and health related activities also varied with the age of a minor.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey of HSE, children's health, teenagers' health, children's welfare, children's well-being, education inequality

Артемьева Н. М., Назимова А. С.

ЧЕМ ЗАНИМАЮТСЯ ДЕТИ В РОССИИ: ПРАКТИКИ И ДИНАМИКА ВРЕМЕННЫХ ЗАТРАТ

Аннотация. В статье на основании данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE) за 2010–2015 гг. рассматривается структура временных затрат детей в возрасте до 14 лет. Временные затраты на физическую активность, дополнительные (творческие и другие) занятия и домашний досуг анализируются в зависимости от пола и возраста ребенка, места проживания, уровня образования родителей и среднедушевого дохода домохозяйства. На основании кластерного анализа выделены группы детей, схожих по затратам времени. Группы детей, наиболее активно вовлеченных в занятия спортом, творческие занятия или занятия по дополнительному интеллектуальному развитию, формируются поочередно, по мере взросления детей. Вовлеченность в ту или иную деятельность имеет явно выраженные гендерные аспекты: девочки больше вовлечены в творческие и интеллектуальные занятия, мальчики – в занятия спортом. Уровень образования родителей оказывает непосредственное влияние как на степень вовлеченности детей в те или иные занятия, так и на разносторонность их интересов.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, затраты времени, дети, благополучие детей, досуг.

Развитие ребенка во многом определяется теми видами деятельности (спортивная, творческая, досуговая), в которые он вовлечен, начиная с раннего возраста. Деятельность обеспечивает умственное и физическое формирование человека; спортивные, досуговые и творческие занятия положительно влияют на выносливость, характер и усидчивость ребенка, закладывают фундамент его личности. Именно поэтому важно иметь представление о том, сколько времени дети разных возрастов тратят на основные виды деятельности, и как это распределение времени изменяется в последние годы.

Для анализа динамики временных затрат детьми в возрасте от 0 до 14 лет в статье использованы данные 19–24-й волн «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE) за 2010–2015 гг. В выборку, равно наполненную по гендерному признаку, вошли 19 007 человек. Имеющиеся в опросном

листе виды деятельности были укрупнены в три ключевых группы: «физическая активность», «дополнительные занятия» и «домашний досуг». К «физической активности» отнесены различные виды борьбы, спортивных игр и прочие занятия спортом (гимнастика, коньки, ролики и т. д.). В группу «дополнительные занятия» объединены творческая деятельность (рисование, музыка, фотография), изучение иностранных языков и компьютерных технологий. К «домашнему досугу» отнесены просмотр телевизора, домашние игры (видео- и компьютерные игры, а также шахматы, шашки, конструкторы и другие), чтение и выполнение домашних заданий. Исходные распределения частот по каждому виду деятельности представлены в [таблице 1](#).

Таблица 1

Распределение затрат времени детьми в возрасте до 14 лет на различные виды деятельности, 2010–2015 гг., часы в неделю

Виды деятельности	Дошкольники			Ученики младшей школы			Ученики средней школы		
	Среднее	Медиана	Максимум	Среднее	Медиана	Максимум	Среднее	Медиана	Максимум
Физическая активность									
Карате, дзюдо, самбо, борьба, бокс, гимнастика, плавание	0,2	0	28	0,6	0	28	0,6	0	20
Подвижные спортивные игры	–	–	–	1,5	0,7	36,3	2,2	1	40
Атлетика, лыжи, коньки, ролики	2,2	0	70	0,8	0	28	1	0,5	28
Другие виды физ. активности: салочки, прятки, катание на велосипеде	7,2	2,7	95	3	1,5	43,5	2,5	1	43,6
Дополнительные занятия									
Рисование, музыка	1,3	0	40	1,3	0	35	1,2	0	42
Художественное творчество: танцы, фотография, театр	0,4	0	18	0,7	0	21	0,6	0	16
Кружки технического и прикладного творчества	–	–	–	0,2	0	30	0,2	0	36
Компьютерные технологии	–	–	–	0,1	0	21	0,3	0	28
Иностранный язык	0,1	0	10	0,3	0	20	0,4	0	21
Другие дополнительные занятия	0,3	0	30	0,1	0	12	0,2	0	14
Домашний досуг									
Просмотр телевизора, видео- или компьютерные игры	1,1	1	15	1,8	1,5	10	1,9	2	14
Интернет	–	–	–	0,4	0	8	1	1	10
Игры: в машинки, куклы, конструкторы, шахматы, шашки	1,3	1	14,5	0,9	1	12	0,3	0	6
Выполнение домашних заданий	–	–	–	1,8	1,7	12	2	2	10
Чтение	0,5	0,5	10,5	0,6	0,5	10	0,7	0,5	5

За все годы наблюдений среднее количество часов, затрачиваемых на физическую активность детьми в возрасте до 14 лет, составляло 7,9 часов в неделю, максимальное значение показателя равнялось 109 часов в неделю. Примерно треть (35,8%) из

вошедших в выборку детей не занималась физической активностью, половина тратила на физическую активность не менее 4 часов в неделю. Среднее время на дополнительные занятия составляло 2,4 часа в неделю, максимальный показатель затрат времени достигал 60 часов в неделю. При этом почти половина (45,9%) детей в возрасте до 14 лет не посещала творческие кружки и классы дополнительного образования. На домашний досуг в среднем дети тратили времени больше, чем на дополнительные занятия, – 4,1 часа в неделю, однако максимальное время по этому показателю составляло всего 30 часов в неделю. «Домашними» видами деятельности занималось наибольшее число детей в возрасте до 14 лет, и только 16,7% не тратило время на домашний досуг.

Время, затрачиваемое на различные виды деятельности, рассматривается в разрезе трех возрастных групп: дошкольники, ученики младшей школы и ученики средней школы. Дети разделены на группы, исходя из ответа на вопрос: «В каком классе Вы учитесь?». Каждая из выделенных групп характеризуется определенным образом жизни и, соответственно, разными временными затратами. Дошкольники проводят большую часть времени с родителями и/или в детском саду, в начальной школе у детей еще много свободного времени, а начиная со средней школы более активной становится учебная деятельность. В группу дошкольников попало 54% выборки (10 265 человек), учеников младшей школы – 27,2% (5162 человека), а учеников средней школы – 18,8% (3580 человек).

Среди дошкольников оказалось 51,4% мальчиков и 48,6% девочек, возрастной диапазон детей в это группе варьируется от 0 до 8 лет. Динамика затрат времени на различные виды деятельности дошкольников представлена на рис. 1.

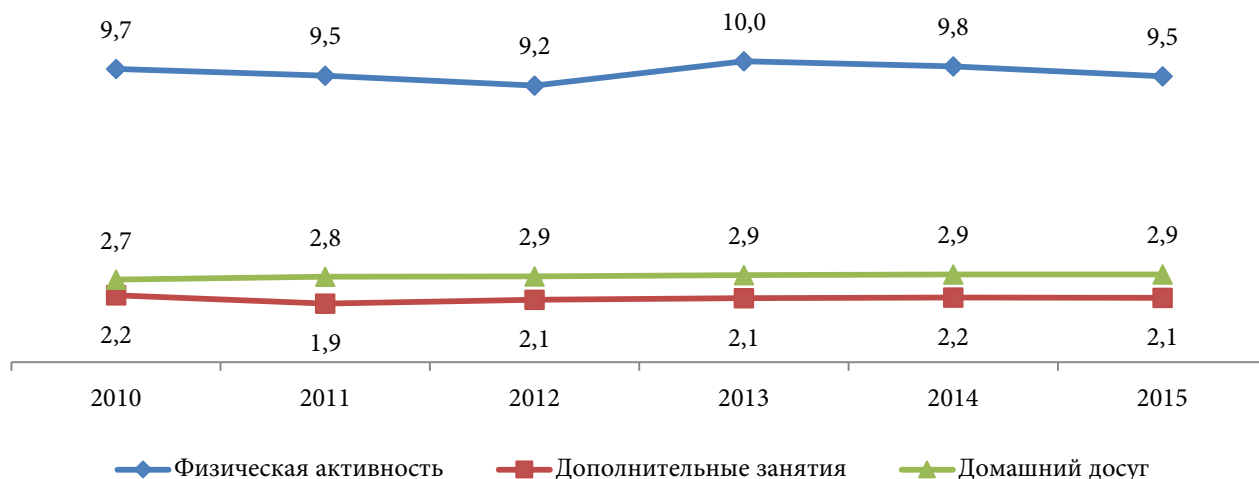

Рис. 1. Динамика временных затрат дошкольников на различные виды деятельности, 2010–2015 гг., часы в неделю

Статистически значимых изменений с 2010 по 2015 г. во времени, затрачиваемом дошкольниками на различные виды деятельности, не произошло. На протяжении всего изучаемого периода дошкольники больше всего времени тратили на физическую активность (в среднем 9,6 часа в неделю) и домашний досуг (2,9 часа в неделю), на дополнительные занятия у детей дошкольного возраста в среднем уходило 2,1 часа в неделю.

При переходе к группе учеников младшей школы, в числе которых оказалось 48,3% мальчиков и 51,7% девочек в возрасте от 5 до 12 лет, значительно увеличилось время, затрачиваемое на домашний досуг, в среднем с 2,9 до 5,5 часа в неделю (рис. 2). Столь резкий переход можно объяснить появлением временных затрат на выполнение домашних заданий и пользование сетью Интернет.

Рис. 2. Динамика временных затрат учеников начальной школы на различные виды деятельности, 2010–2015 гг., часы в неделю

Также наблюдалось небольшое повышение среднего времени, затрачиваемого на дополнительные занятия (в среднем с 2,1 до 2,8 часа в неделю), и значительное снижение времени, затрачиваемого на физическую активность (в среднем с 9,6 до 5,9 часа в неделю). Несмотря на это, по затратам времени физическая активность по-прежнему лидировала относительно двух других видов деятельности. Статистически значимых изменений с 2010 по 2015 г. во времени, затрачиваемом учениками младшей школы на различные виды деятельности, также не произошло.

В группе учеников средней школы оказалось 48,8% мальчиков и 51,2% девочек в возрасте от 10 до 14 лет. Динамика временных затрат на виды деятельности учеников средней школы представлена на рис. 3.

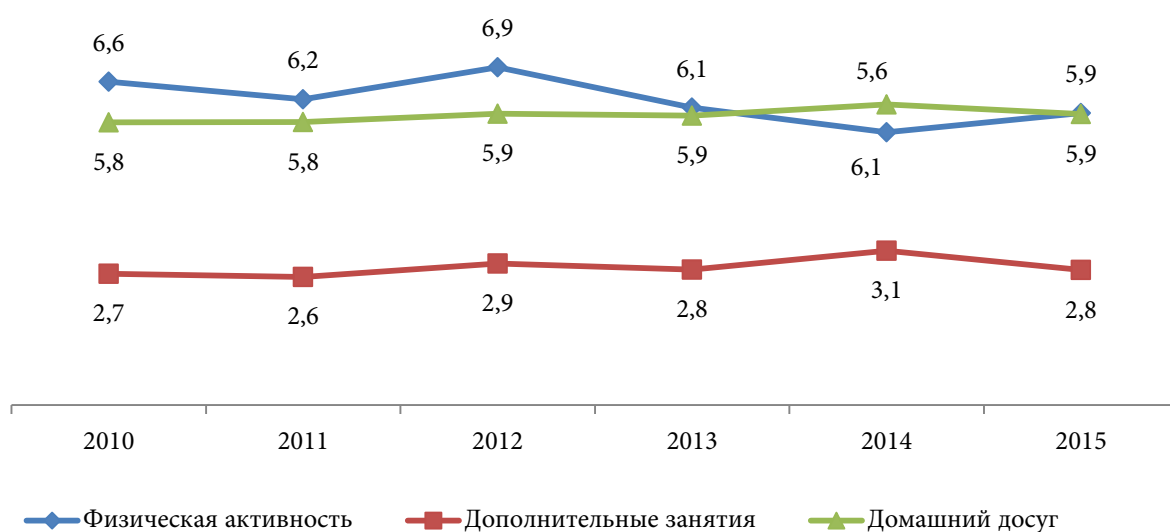

Рис. 3. Динамика временных затрат учеников средней школы на различные виды деятельности, 2010–2015 гг., часы в неделю

На графике видно, что в целом структура временных затрат учеников средней школы повторяет структуру временных затрат учеников младшей школы. Больше всего времени дети тратили на физическую активность (в среднем 6,2 часа

в неделю), чуть меньше на домашний досуг (в среднем 5,9 часа в неделю) и меньше всего на дополнительные занятия (в среднем 2,8 часа в неделю). В 2014 г. количество часов, затрачиваемых учениками средней школы на домашний досуг, единственный раз статистически значимо превысило число часов, затрачиваемых на физическую активность (в среднем 6,1 против 5,6 часа в неделю), однако, в 2015 г. эти показатели сравнялись.

Таким образом, на физическую активность дети тратят больше всего времени вне зависимости от возрастной группы. С каждым переходом в последующую возрастную группу среднее время, затрачиваемое на домашний досуг, увеличивается. Что касается дополнительных занятий, средние затраты времени у детей до 14 лет не меняются в течение всего периода обучения в школе.

Далее используются только данные 24-й волны RLMS-HSE за 2015 г. В выборку вошли 2690 детей в возрасте до 14 лет. Временные затраты по каждому из видов деятельности были разбиты на временные интервалы. По числу часов, затрачиваемых ребенком в неделю на физическую активность, были выделены следующие временные интервалы: 0 часов (те, кто не занимаются физической активностью), от 0,1 до 3 часов (до двух академических часов в неделю), от 3,1 до 7 часов (практически каждый день), от 7,1 до 21 часа (каждый день по несколько часов) и свыше 21,1 часа в неделю (спортивная подготовка). Максимальный показатель достигал 80 часов в неделю. Распределение временных затрат у детей, вошедших в выборку, представлено на рис. 4.

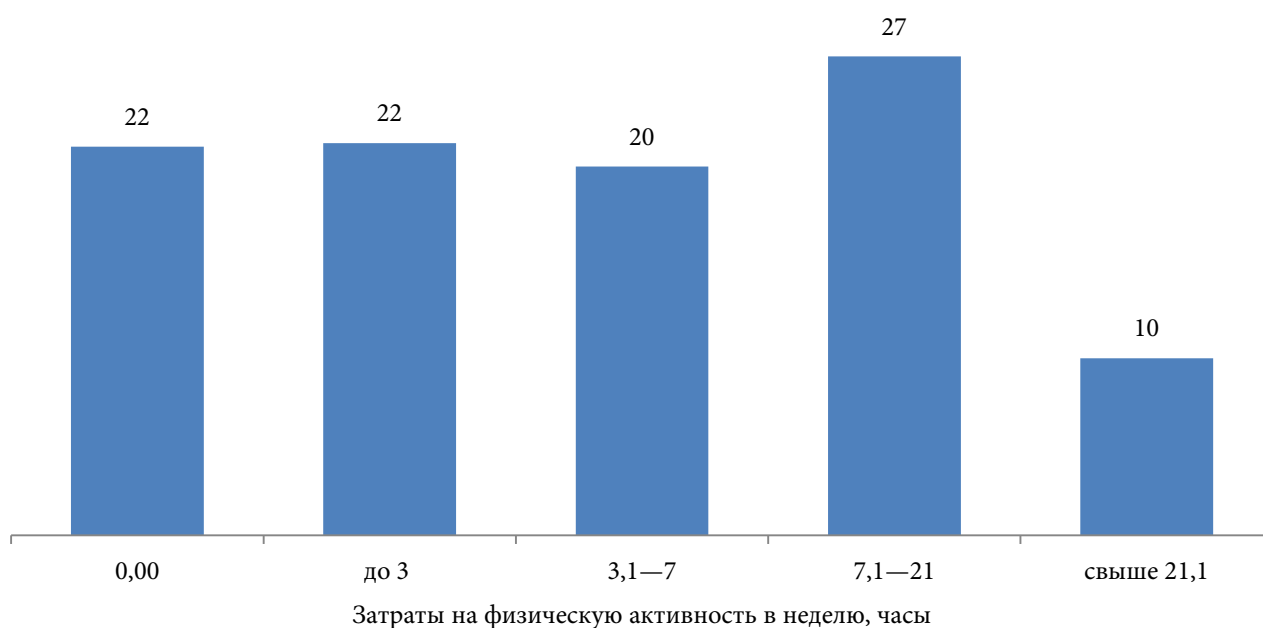

Рис. 4. Распределение времени, затраченного детьми до 14 лет на физическую активность, 2015 г., %

Анализ таблиц сопряженности и хи-квадрат ($\text{sign} = 0,000$) позволил определить наличие статистически значимых различий в распределениях по затратам времени на физическую активность в зависимости от возраста ребенка. Так, в возрастной категории дошкольников есть склонность либо вообще не уделять время физическим нагрузкам, либо заниматься спортом более 2 часов ежедневно (в среднем более 14 часов в неделю). Школьники, в свою очередь, в среднем посвящают спортивным занятиям до 7 часов в неделю.

Статистически значимые различия ($\text{sign} = 0,000$) обнаружались и в распределениях по затратам времени на физическую активность среди девочек и мальчиков. Девочки менее склонны уделять время физической активности (в среднем они занимаются спортом менее 2 академических часов в неделю); мальчики, напротив, как правило, затрачивают на этот вид деятельности от 1 до нескольких часов в день.

Затраты времени на физическую активность также различаются в зависимости от типа населенного пункта, где проживает ребенок ($\text{sign} = 0,010$). Дети, проживающие в областном центре, вероятнее всего не будут заниматься физической активностью. Маленькие жители городов, напротив, абсолютно не склонны отказываться от занятий спортом и в среднем уделяют этому занятию до 3 часов в неделю. В этом они схожи с теми детьми, которые проживают в поселках городского типа, однако последние менее склонны к ежедневной физической активности. У детей, живущих в селах, не наблюдается каких-либо ярко выраженных тенденций по затратам времени на физическую активность.

Распределения по затратам времени на физическую активность ожидаемо различаются в зависимости от уровня среднедушевого дохода домохозяйства, где проживают дети до 14 лет ($\text{sign} = 0,032$). Те, кто проживает в семьях со среднедушевым доходом ниже 10 тыс. руб., вероятнее всего не будут заниматься физической активностью. Дети, проживающие в семьях со среднедушевым доходом от 10 до 20 тыс. руб., более склонны заниматься спортом практически каждый день, а дети, проживающие в семьях со среднедушевым доходом выше 20 тыс. руб., вероятнее всего уделяют этому несколько часов в день.

Анализ таблиц сопряженности обнаруживает статистически значимые различия в затратах времени на физическую активность в зависимости от уровня образования родителей ребенка ($\text{sign} = 0,031$). Если высшее образование в семье только у матери, ребенок не склонен заниматься спортом. Можно предположить, что более образованные матери предпочитают направлять развитие своих детей в творческое и/или интеллектуальное русло. Наоборот, дети, проживающие отдельно от родителей, имеют склонность тратить на физическую активность около 2 академических часов в неделю.

Распределение времени на дополнительные занятия среди несовершеннолетних представлено на рис. 5.

Рис. 5. Распределение времени, затраченного детьми до 14 лет на дополнительные занятия, 2015 г., %

Время, затрачиваемое детьми на дополнительные занятия, разбито следующим образом: 0 часов (те, кто не занимается дополнительными занятиями), от 0,1 до 3 часов (до 2 академических часов в неделю), от 3,1 до 7 часов (практически каждый день) и свыше 7,1 часа в неделю (каждый день по несколько часов). Максимальное значение показателя составило 55 часов в неделю.

Анализ таблиц сопряженности и хи-квадрат ($\text{sign} = 0,000$) позволили определить наличие статистически значимых различий в распределениях по затратам времени на дополнительные занятия у девочек и мальчиков. Девочки в большей степени заинтересованы в дополнительном самообразовании, на которое они тратят больше 3 часов в неделю. Мальчики же, наоборот, вероятнее всего, вовсе не уделяют время дополнительным занятиям.

Статистически значимые различия в распределениях по затратам времени на дополнительные занятия наблюдаются также и в зависимости от типа населенного пункта, где проживает ребенок ($\text{sign} = 0,000$). Дети, живущие в селах, не склонны уделять время дополнительным занятиям, в то время как дети, проживающие в городах и областных центрах, напротив, имеют склонность к тому, чтобы затрачивать время на дополнительное образование в кружках и секциях. Можно предположить, что это связано непосредственно с наличием детских центров и домов творчества в местах, где проживает ребенок. Так, жители областных центров тратят от 3,1 до 7 часов на различные дополнительные занятия, т. е. занимаются несколько раз в неделю.

Затраты времени на дополнительные занятия различаются в зависимости от уровня среднедушевого дохода домохозяйства, где проживает ребенок ($\text{sign} = 0,000$). При минимальном среднедушевом доходе (до 10 тыс. руб.) дети не склонны тратить более 2 академических часов в неделю на дополнительные занятия, и, вероятнее всего, они вообще не будут уделять этому время, так как в большинстве своем данный вид деятельности требует определенных денежных затрат. Интересная тенденция наблюдается при переходе порога минимального прожиточного минимума. У детей, проживающих в семьях с доходом от 10 до 20 тыс. руб., существует склонность к практически ежедневным развивающим занятиям (более 7,1 часа в неделю). При среднедушевом доходе свыше 20 тыс. руб. дополнительным занятиям скорее будет уделяться от 3,1 до 7 часов в неделю.

Значимые различия во временных затратах на дополнительные занятия обнаруживаются и в зависимости от характеристик образования родителей ребенка ($\text{sign} = 0,000$). Если ни у отца, ни у матери нет высшего образования, ребенок скорее не склонен тратить время на дополнительную творческую и интеллектуальную деятельность. В случае если высшее образование имеет только мать ребенка, он или она вероятнее будет заниматься какими-либо дополнительными видами деятельности каждый день. Схожая тенденция наблюдается среди детей, которые растут в семье, где оба родителя имеют высшее образование.

Затраты времени на домашний досуг определены следующими интервалами: 0 часов (те, кто не тратят время на домашний досуг), от 0,1 до 3 часов (до 2 академических часов в неделю), от 3,1 до 5 часов (практически раз в 2 дня), от 5,1 до 7 (практически каждый день) и свыше 7,1 часа в неделю (каждый день по несколько часов). Максимальное значение показателя составило 24 часа в неделю, распределение показателя представлено на рис. 6.

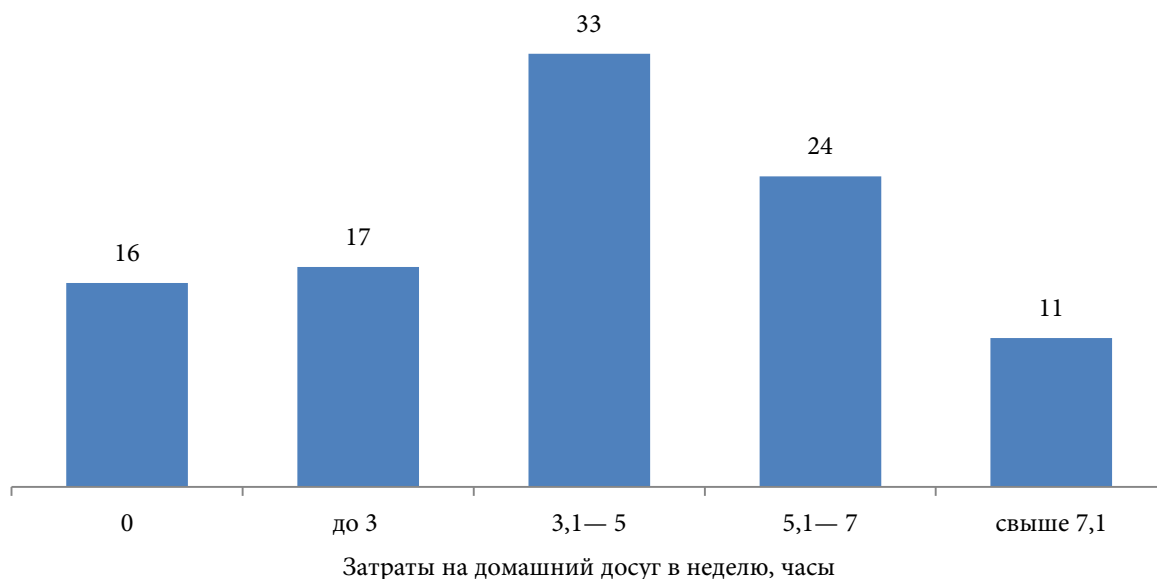

Рис. 6. Распределение времени, затраченного детьми до 14 лет на домашний досуг, 2015 г., %

Анализ таблиц сопряженности и хи-квадрат позволили определить отсутствие статистически значимых различий в распределениях по затратам времени на домашний досуг в зависимости от пола ребенка, типа населенного пункта, где проживает ребенок, уровня среднедушевого дохода домохозяйства и уровня образования родителей. Так, и девочки, и мальчики вне зависимости от места проживания, уровня среднедушевого дохода домохозяйства и уровня образования родителей склонны тратить на домашний досуг от 3,1 до 5 часов в неделю (32,9%).

При этом, как показал анализ таблиц сопряженности и хи-квадрат ($\text{sign} = 0,000$), время, затрачиваемое на домашний досуг, дифференцируется в зависимости от возраста ребенка. Согласно имеющимся данным, дошкольники наименее склонны к проведению досуга дома, у них на это уходит до 3 часов в неделю. С поступлением в школу ситуация меняется. Ученики школы скорее склонны посвящать деятельности, относящейся к домашнему досугу, более 5 часов в неделю, так как это связано с появлением домашних заданий и использованием сети Интернет.

Из всех видов деятельности больше всего детерминируются социально-демографическими признаками временные затраты на дополнительные занятия и абсолютно не детерминируются временные затраты на домашний досуг. Если в первом случае логично предположить, что это связано с гендерными особенностями психики человека и доступом к местам дополнительного образования (материальное положение семьи, уровень образования родителей и тип поселения), то количество времени, затрачиваемое на домашний досуг, остается необъясненным. Это предоставляет возможности для дальнейшей разработки данного аспекта.

Для того чтобы выделить группы детей, схожих по затратам времени на определенные виды деятельности в каждой из трех возрастных категорий, был проведен иерархический кластерный анализ. Для более насыщенной интерпретации результатов время, затрачиваемое на дополнительные занятия, было разделено на две категории: количество часов в неделю на занятия творчеством (рисование, музыка, танцы, фотография, театр) и количество часов в неделю на развитие умственных способностей (кружки технического и прикладного творчества, изучение компьютерных технологий и иностранного языка).

В каждой из возрастных категорий было сформировано четыре кластера. В первой возрастной группе дошкольников наиболее многочисленный кластер (45%) «умеренно вовлеченных» детей (табл. 2). Они занимаются физической активностью примерно каждый день, уделяют около 2 и 3 часов в неделю на занятия творчеством и домашний досуг соответственно и практически не занимаются развитием интеллекта.

Таблица 2

Средние затраты времени дошкольников на различные виды деятельности, по группам, 2015 г., часы в неделю

Кластер	Физическая активность	Занятия творчеством	Дополнительное развитие интеллектуальных способностей	Домашний досуг в целом
Разносторонне развитые	15,50	4,30	4,10	4,40
Спортсмены	29,10	2,90	0,10	5,80
Умеренно вовлеченные	7,10	1,90	0,10	3,40
Невовлеченные	0,02	0,00	0,00	0,00
Среднее	9,70	1,80	0,40	2,90

Данная группа, «умеренно вовлеченных», оказалась наиболее типичной по социально-демографическим признакам: 54% мальчиков, 41% проживают в областных центрах, 28% в городах, 5% в поселках городского типа и 26% в селах; 11% проживают в семьях со среднедушевым доходом ниже 5 тыс. руб. и от 20 до 40 тыс. руб., 31% — от 5 до 10 тыс. руб., 46% — от 10 до 20 тыс. руб. и всего лишь 1% — в семьях, где на каждого человека приходится более 40 тыс. руб. в месяц. У родителей 52% представителей этого кластера нет высшего образования, у 5% — высшее образование только у отца, у 25% — только у матери, у 17% группы высшее образование имеется у обоих родителей.

Следующим по размеру (29%) является кластер «невовлеченных» дошкольников, которые практически не затрачивают время на какой-либо вид деятельности. По социально-демографическим характеристикам они значимо не отличаются от группы «умеренно вовлеченных» дошкольников.

Кластер «спортсменов» составляет 18%, эти дети тратят около 30 часов в неделю на занятия спортом. Что интересно, детей, проживающих в семьях со среднедушевым доходом выше 40 тыс. руб., больше всего (4%) именно в данной группе дошкольников.

Самая малочисленная группа (8%) представляет собой наиболее разносторонне развитых детей. Они уделяют несколько часов в день физической активности, 4 часа в неделю тратят на творческую, интеллектуальную деятельность и домашний досуг. Данный кластер характеризуется превалированием девочек (53%), довольно низким числом жителей сельской местности (7%) и, напротив, высоким представительством жителей областных центров (57%). К группе «разносторонне развитых» в основном относятся дошкольники из довольно обеспеченных семей. Дети из домохозяйств со среднедушевым доходом от 10 до 20 тыс. руб. составляют 57% группы, и от 20 до 40 тыс. руб. — 22%, в то время как дети из домохозяйств со среднедушевым доходом до 5 тыс. руб. — всего 3%, от 5 до 10 тыс. руб. — 16%. По сравнению с остальными данный кластер характеризуется наибольшим числом детей, оба родителя которых имеют высшее образование, — 31%.

Во второй возрастной группе среди учеников младшей школы самым многочисленным (59%) оказался кластер «слабо вовлеченных» в различные виды деятельности детей (табл. 3).

Таблица 3

Средние затраты времени учеников начальной школы на различные виды деятельности, по группам, 2015 г., часы в неделю

Кластер	Физическая активность	Занятия творчеством	Дополнительное развитие интеллектуальных способностей	Домашний досуг в целом
Слабо вовлеченные	3,4	0,9	0,3	5,5
Спортсмены	14,2	1,6	0,3	5,2
Творческие	6,2	5,2	2,2	5,7
В высшей степени вовлеченные	23,8	17,4	10,1	9,7
Среднее	6,1	2,1	0,8	5,5

Дети данного кластера тратят на физическую активность около 3 часов в неделю, около 5 часов в неделю проводят досуг дома, в среднем чуть меньше часа в неделю уделяют на занятия творчеством и практически не занимаются какой-либо дополнительной интеллектуальной деятельностью. Ученики младшей школы в данной группе представляют собой наиболее типичных представителей этой возрастной категории в целом по некоторым социально-демографическим признакам: 51% составляют мальчики, 36% проживают в областных центрах, 31% в городах, 6% в поселках городского типа и 27% в селах; 6% проживают в семьях со среднедушевым доходом ниже 5 тыс. руб., 35% – от 5 до 10 тыс. руб., 48% – от 10 до 20 тыс. руб., 9% – от 20 до 40 тыс. руб. и 2% – в семьях, где на каждого человека приходится более 40 тыс. руб. в месяц. У 58% родителей представителей данного кластера нет высшего образования, у 7% – только у отца, у 23% – только у матери, у 10% – у обоих родителей.

Следующая группа, в которую входят 19% представителей младшей школы, характеризуется как «творческая». На дополнительные занятия рисованием, музыкой, танцами и т. д. они тратят около 5 часов в неделю. Данный кластер имеет ярко выраженную гендерную окраску, 70% составляют девочки. Также среди представителей данной группы относительно низкое представительство детей, проживающих в селах (17%), и высокое – учеников младшей школы, проживающих в семьях со среднедушевым доходом от 20 до 40 тыс. руб. (17%). По сравнению с остальными группами этой возрастной категории данная группа характеризуется наибольшим числом детей, оба родителя которых имеют высшее образование, – 28%.

Чуть меньшую по численности группу (16%) составляет кластер «спортсменов» – это дети, занимающиеся спортом примерно по 2 часа ежедневно. Аналогично с предыдущей возрастной группой, в этот кластер попадают преимущественно мальчики (52% в группе дошкольников и 57% в группе учеников начальной школы).

Последняя и наиболее интересная группа среди учеников начальной школы – «в высшей степени вовлеченные» дети, которая составляет всего 6% от выборки. На физическую активность они затрачивают более 2 академических часов в день, на занятия творчеством – более 2 часов в день, а на дополнительную интеллектуальную деятельность и домашний досуг – в среднем по 10 часов в неделю.

Здесь представительство девочек наиболее высокое: они составляют 88% группы. Что касается места жительства, то 50% учеников начальной школы в этой группе проживают в селе. Распределение по среднедушевым доходам домохозяйства, в котором проживает ребенок, равновеликое: 50% – от 5 до 10 тыс. руб. и 50% – от 10 до 20 тыс. руб. В 75% случаев у родителей представителей данного кластера высшего образования нет, еще в 25% случаев высшее образование имеется только у матери.

В возрастной группе учащихся средней школы наибольшую численность (60%) имеет кластер «слабо вовлеченных» в различные виды деятельности детей (табл. 4).

Таблица 4

Средние затраты времени учеников средней школы на различные виды деятельности, по группам, 2015 г., часы в неделю

Кластер	Физическая активность	Занятия творчеством	Дополнительное развитие интеллектуальных способностей	Домашний досуг в целом
Спортсмены	16,9	0,6	0,3	6,2
Интеллектуалы	7,5	2,2	3,8	5,9
Творческие	4,5	7,9	0,9	5,9
Слабо вовлеченные	3,8	0,6	0,3	5,9
Среднее	6,1	1,6	1,0	5,9

На занятия спортом «слабо вовлеченные» подростки данной группы тратят около 4 часов в неделю, на творческую и дополнительную интеллектуальную деятельность – менее часа (0,6 и 0,3 часа соответственно), а наибольшие затраты времени уходят на домашний досуг (в среднем почти 6 часов в неделю). Представители данной группы являются наиболее типичными среди всех детей в возрасте до 14 лет, обучающихся в классах, старше 4-го: 52% мальчиков, 36% проживают в областных центрах, 29% в селах, 5% в поселках городского типа и 30% в селах; 10% проживают в семьях со среднедушевым доходом ниже 5 тыс. руб., 31% – от 5 до 10 тыс. руб., 45% – от 10 до 20 тыс. руб., 12% – от 20 до 40 тыс. руб. и 2% – в семьях, где на каждого человека приходится более 40 тыс. руб. в месяц. У родителей 57% представителей группы высшего образования нет, у 6% – есть только у отца, у 24% – только у матери, у 7% высшее образование имеют оба родителя.

Следующий по размеру кластер (18%) может быть охарактеризован как «интеллектуалы». Эти дети в среднем уделяют около 4 часов в неделю на дополнительное развитие интеллектуальных способностей: изучение иностранного языка и компьютерных технологий, посещение кружков технического и прикладного творчества. Что касается социально-демографических признаков, данная группа больше представлена девочками (55%), отличается относительно низким представительством жителей сельской местности (19%) и высоким представительством детей из семей со среднедушевым доходом от 10 до 20 тыс. руб. (50%) и от 20 до 40 тыс. руб. (18%). Более того, детей, проживающих в семьях со среднедушевым доходом выше 40 тыс. руб., больше всего (6%) именно в данной группе учеников средней школы. По сравнению с остальными группами данной возрастной категории кластер характеризуется наибольшим числом детей, оба родителя которых имеют высшее образование (29%).

Кластер «спортсменов» составляет 12% выборки. Дети, входящие в эту группу, тратят на физическую активность более 2 часов ежедневно. Как правило, представителями данного кластера являются мальчики (65%).

Последняя группа, которую можно выделить в возрастной категории детей, учащихся в средней школе, – «творческие дети» (10%), которые тратят более часа ежедневно на занятия искусством, при этом 76% детей, попадающих в данный кластер, – девочки. По другим социально-демографическим признакам группа отличается относительно низким представительством жителей сельской местности (18%), отсутствием детей из семей с минимальным среднедушевым доходом (до 5 тыс. руб.) и высоким представительством с доходом от 20 до 40 тыс. руб. в месяц на человека (22%). Что интересно, среди представителей данной группы относительно небольшое число детей проживают в семьях, где высшее образование имеется только у матери (12%).

Таким образом, во всех трех проанализированных возрастных категориях преобладающими являются группы слабо вовлеченных в какие-либо виды деятельности детей. С каждым последующим переходом из одной возрастной категории в другую затраты времени на определенные виды деятельности становятся более четко сформированными: появляются группы детей, выбирающие тот или иной вид деятельности в качестве приоритетного. Так, например, среди дошкольников явно можно выделить группу детей, активно занимающихся физической активностью («спортсмены»). В группе учеников начальной школы появляется другой кластер – «творческие дети», а в категории представителей средней школы, помимо первых двух, появляется группа детей, активно развивающая свои дополнительные интеллектуальные способности («интеллектуалы»). Ярко выделяются некоторые гендерные аспекты вовлеченности в ту или иную деятельность. Можно заметить, что в группах в большей степени «творческих», «интеллектуальных» и «в высшей степени вовлеченных» детей вне зависимости от возраста больше девочек, тогда как группы «спортсменов» во всех трех возрастных категориях явно мужские. Среди представителей «разносторонне развитых», «творческих» и «интеллектуальных» кластеров большее число родителей имеет высшее образование.

WHAT DO CHILDREN DO IN RUSSIA: A TIME USE APPROACH

Artem'eva N. M., Nazimova A. S.

Abstract. The paper discusses the time use among children under the age of 14. We use the RLMS-HSE dataset that covers the period from 2010 to 2015 to examine the relationship between time spent on sports, arts and leisure activities and the gender, age and residence of a child, the educational level of her/his parents, and a household income per capita. We perform a cluster analysis to determine the groups of children, who are involved in sporting, creative or extra-curricular educational activities. As the analysis shows, those groups appear gradually as children grow. The level of the involvement in different types of activities is highly correlated with gender: girls prefer arts and extra-curricular educational activities, boys go in for sports. Parents' education influences both the level of the involvement and the variety of activities.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey of HSE, RLMS-HSE, time use, children, children's well-being, leisure

Богданов М. Б., Лебедев Д. В.

ПОЛЬЗОВАНИЕ СЕТЬЮ ИНТЕРНЕТ В РОССИИ В 2003–2015 гг.

Аннотация. В работе рассматривается динамика проникновения сети Интернет в России с 2003 по 2015 гг., как среди населения в целом, так и в разрезе различных социально-демографических групп. Мы используем метод классификации CHAID для выявления социально-демографических групп, наиболее вовлеченных в пользование мировой сетью, и кластерный анализ для определения групп интернет-пользователей с характерными предпочтениями и онлайн-практиками. В рассматриваемый период доля активных пользователей мировой сетью среди населения России неуклонно росла. Наибольшее проникновение сети Интернет наблюдается среди подростков и молодых россиян со средним специальным и высшим образованием, проживающих в урбанизированных местностях, а также среди лиц среднего возраста с высшим образованием. Лица, выходящие в мировую сеть с помощью персональных компьютеров, либо используют Интернет в рабочих целях и для получения информации, либо являются неактивными интернет-пользователями. Россияне, предпочитающие ноутбуки, планшеты и мобильные телефоны, выходят в мировую сеть с самыми разнообразными целями. Те же, кто использует Интернет исключительно для отдыха и общения, не имеют определенных предпочтений относительно электронных устройств.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, проникновение сети Интернет, практики использования сети Интернет, иерархический кластерный анализ, типология пользователей сети Интернет.

Интернет открывает современному человеку доступ к колоссальному объему информации и потенциально неисчислимым возможностям. Мировая сеть является не только способом и местом проведения досуга и развлечений, тем самым выполняя рекреационные функции, но и стремительно превращается в привычную рабочую среду для многих миллионов жителей как развитых, так и развивающихся стран. Кроме того, Интернет представляет собой особый способ медиапотребления. В отличие от других видов СМИ (телевизора, радио, печатных изданий) он дает возможность производить и распространять информацию любому пользователю, устранив те финансовые и правовые ограничения, которые присущи традиционным СМИ.

Однако проникновение мировой сети в различные социально-демографические группы неравномерно, а характерные для этих групп практики использования Интернета значительно отличаются друг от друга. В данной статье мы попытаемся проследить динамику проникновения сети Интернет в различные социально-демографические группы российского населения, выявить группы, наиболее активно использующие в своей повседневной жизни открываемые сетью возможности, и на этом основании построим типологию российских пользователей мировой сети и сравним социально-демографические профили полученных типов.

В работе использованы данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» RLMS-HSE) за 2003–2015 гг. Для анализа использованы индивидуальные данные волн с 12-й по 24-ю, охватывающие период с 2003 по 2015 г. и репрезентирующие население России за каждый год, без применения каких-либо ограничений (по полу, возрасту и прочим характеристикам).

Для большинства населения выход в Интернет до определенного времени был неразрывно связан с использованием персональных компьютеров. Кроме того, структура и логика анкеты РМЭЗ НИУ ВШЭ до 2012 г. была такова, что вопросы об использовании Интернета задавались только в том случае, если респондент пользовался компьютером хотя бы один раз за последние 12 месяцев. Поэтому описание динамики проникновения сети Интернет произведено в два этапа: первый этап — это описание онлайн-практик тех, кто пользовался компьютером в 2003–2015 гг.; второй — описание общего проникновения сети Интернет с 2012 по 2015 г.

В период с 2003 по 2015 г. доля населения, использовавшая персональный компьютер хотя бы раз за предшествующие 12 месяцев, непрерывно росла, увеличившись чуть более чем в 2 раза, с 31,5% в 2003 г. до 63,9% в 2015 г. (рис. 1).

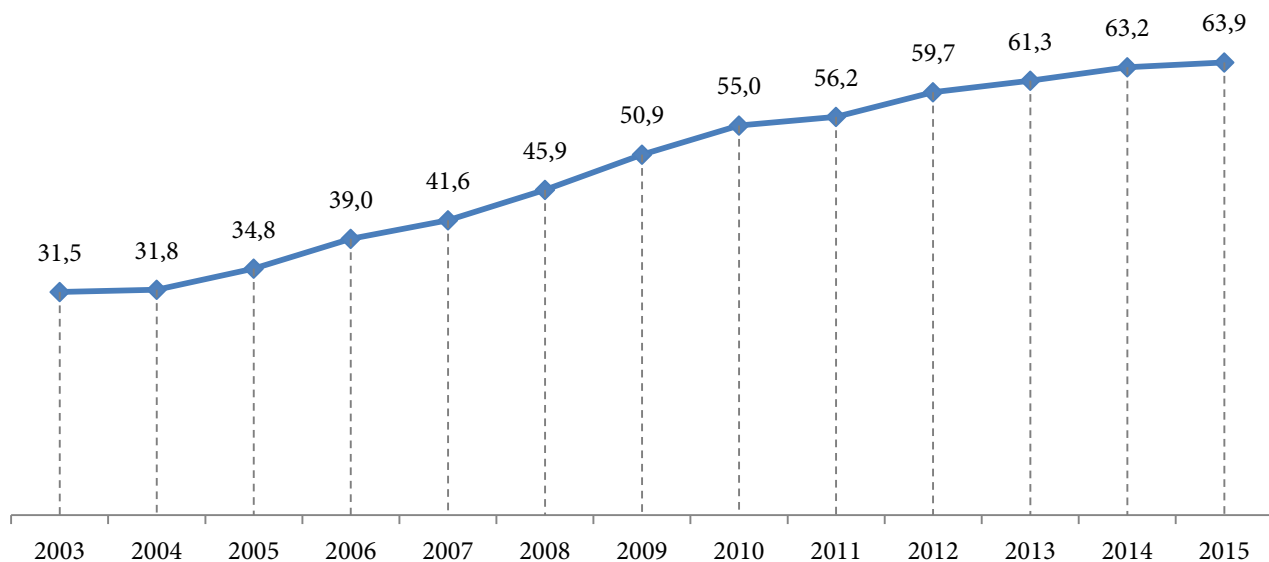

Рис. 1. Общая динамика проникновения персональных компьютеров, 2003–2015 гг., %

Доля пользовавшихся компьютером хотя бы раз за последние 12 месяцев непрерывно росла среди женщин, начиная с 2003 г., когда этот показатель находился на отметке в 29,4%, вплоть до 2015 г., когда он достиг 63,1% (рис. 2).

Среди мужчин доля пользовавшихся компьютером повысилась с 33,9% в 2003 г. до 64,9% в 2015 г. При этом в 2004 г. наблюдалось падение доли мужчин, пользовавшихся компьютером, на 0,5%. Тем не менее данное падение не превышает статистической погрешности, т. е. различия в долях мужчин, пользовавшихся компьютером в 2003 и в 2004 гг., являются статистически незначимыми.

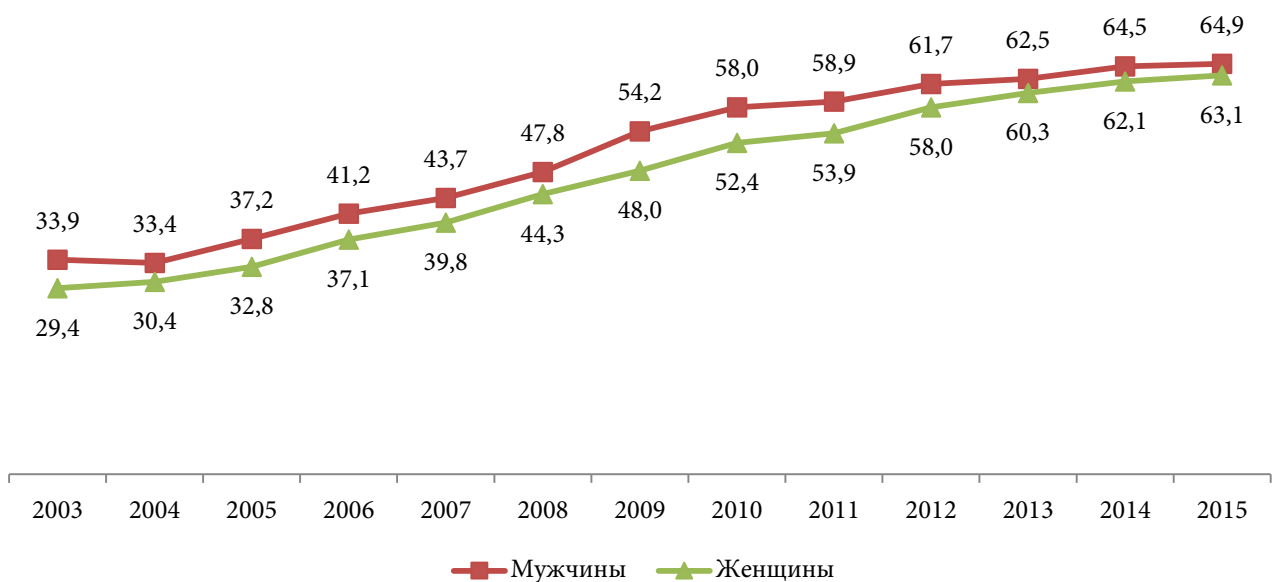

Рис. 2. Динамика проникновения персональных компьютеров, в группах по полу, 2003–2015 гг. %

На протяжении всего рассматриваемого периода доля мужчин, пользующихся компьютером, превышает долю женщин. Наибольшая разница, составившая 6,2%, наблюдается в 2009 г. При этом к 2015 г. доли пользующихся компьютером мужчин и женщин практически сравнялись, достигнув минимальной разницы за рассматриваемый период в 1,8 п. п. (64,9% среди мужчин и 63,1% среди женщин).

Среди тех, кто пользовался компьютером за последние 12 месяцев, доля пользователей сети Интернет непрерывно росла, начиная с 2003 г. (34%) и до 2015 г. (96%). Наибольший прирост происходил с 2007 (51%) по 2010 гг. (81%), когда проникновение Интернета в среду лиц, пользующихся компьютером, росло в среднем на 10% ежегодно. Можно констатировать, что на данный момент пользование компьютером неразрывно связано с выходом в Интернет. Подавляющее большинство (96%) тех, кто пользовался компьютером, также выходили и в Интернет (рис. 3).

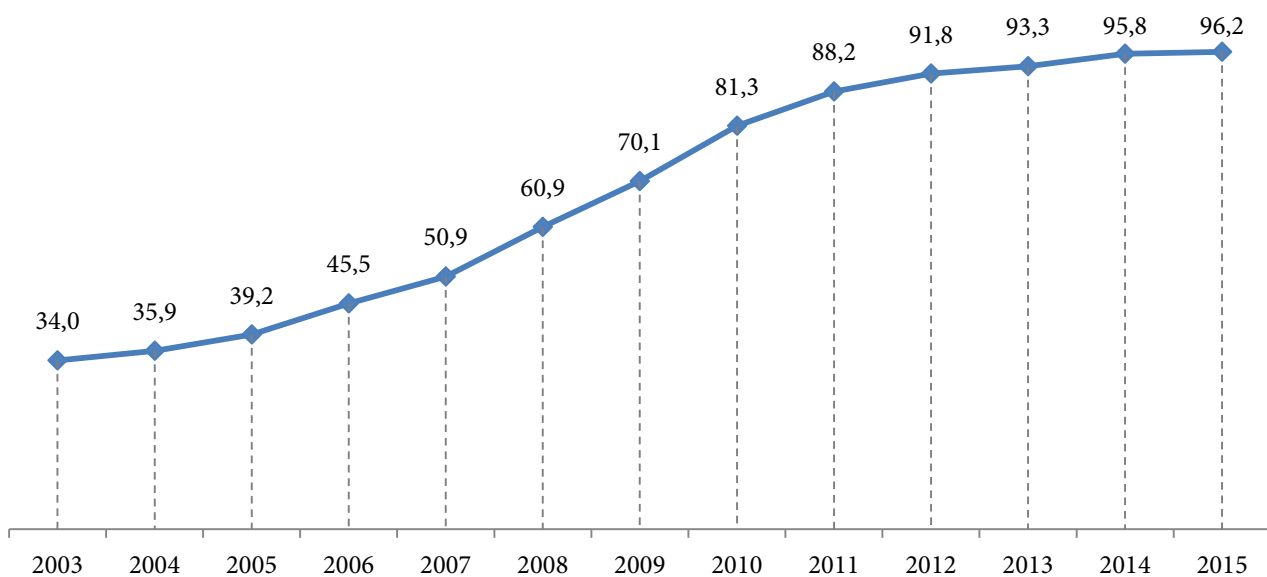

Рис. 3. Динамика проникновения сети Интернет, 2003–2015 гг., % от числа пользовавшихся персональным компьютером за последние 12 месяцев

Среди тех, кто пользовался компьютером за последние 12 месяцев, за все годы измерения наблюдалось неизменное повышение проникновения Интернета во всех возрастных группах, за исключением старших возрастов (рис. 4).

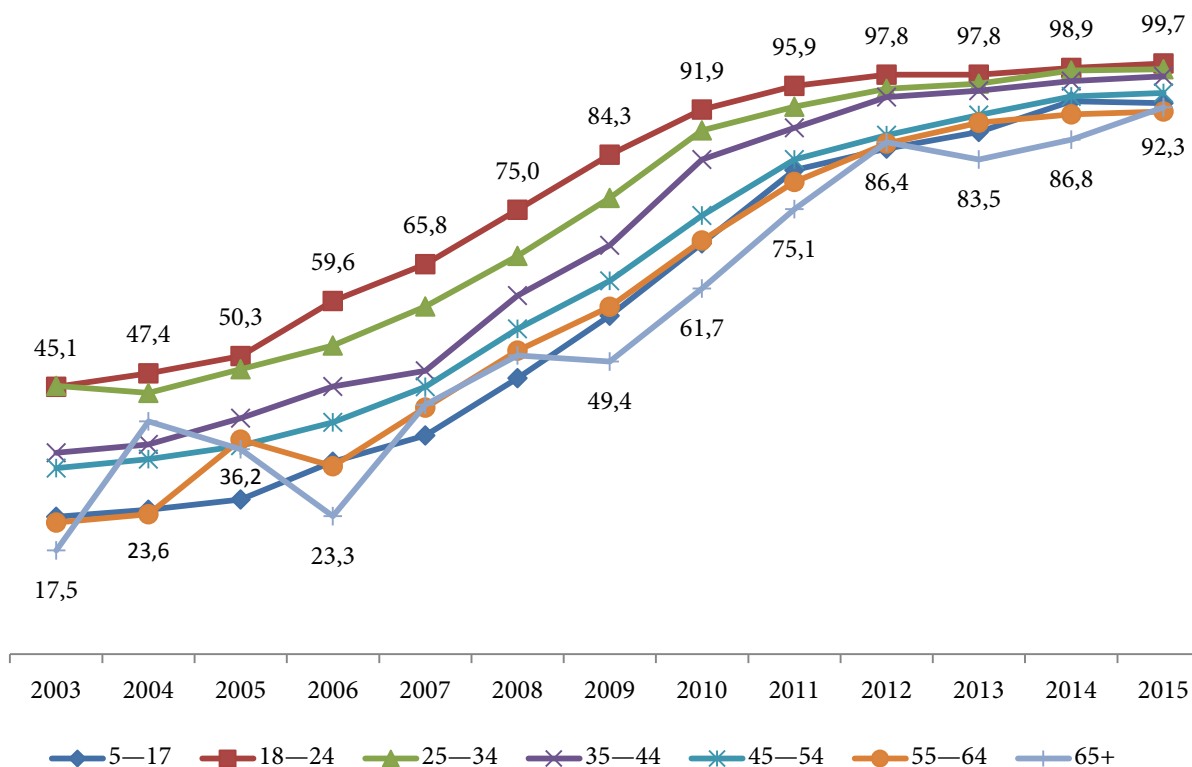

Рис. 4. Динамика проникновения сети Интернет, по возрастным группам, 2003–2015 гг., % от числа пользовавшихся персональным компьютером за последние 12 месяцев

Доля пользователей Интернета среди людей старше 65 лет падала в 2004–2006 гг. (с 39 до 23%) и в 2012–2013 гг. (с 86,4 до 83,5%). Также небольшое снижение было отмечено в возрастной группе 55–64-летних, где пользование Интернетом упало с 34,6% в 2005 г. до 31,7% в 2006 г. В целом в 2015 г. во всех возрастных группах пользователей компьютером доля людей, выходящих в Интернет, превысила показатель 90%.

Число интернет-пользователей среди лиц, пользовавшихся компьютером в течение последних 12 месяцев, росло во всех типах населенных пунктов (рис. 5).

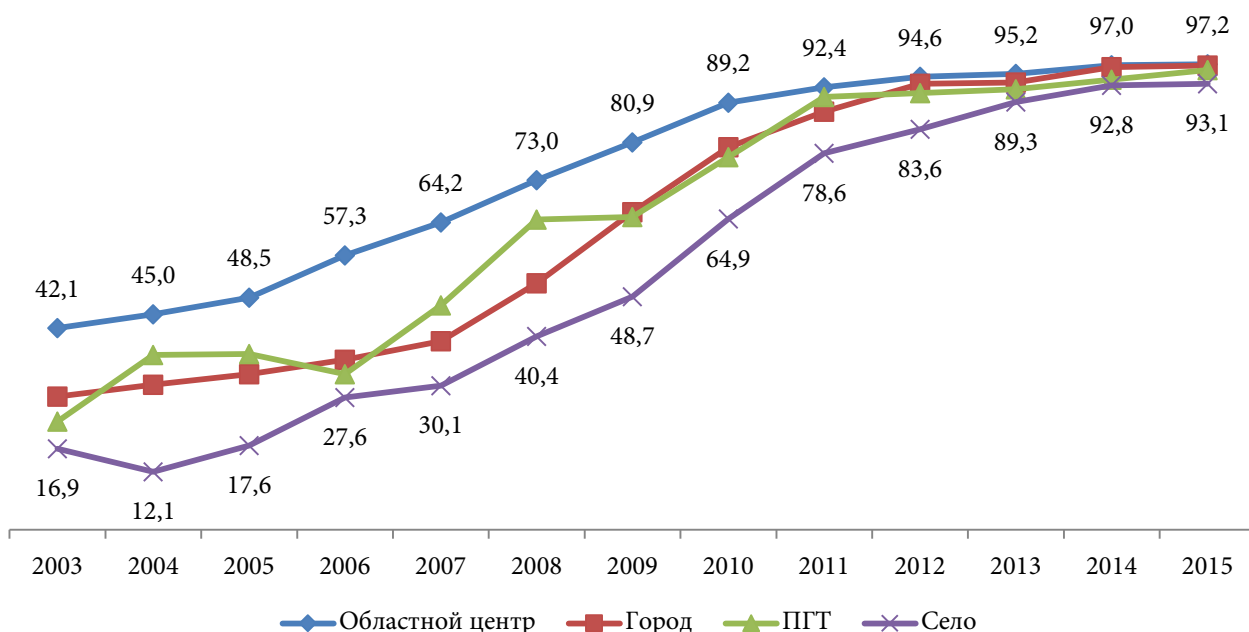

Рис. 5. Динамика проникновения сети Интернет, по типам населенных пунктов, 2003–2015 гг., % от числа пользовавшихся персональным компьютером за последние 12 месяцев

Из рисунка видно, что, как и в случае с возрастными группами, наблюдалось небольшое снижение проникновения сети Интернет в период с 2004 по 2006 г. (среди жителей поселков городского типа). Нам, однако, не удалось установить связь между снижением числа интернет-пользователей среди старших возрастных групп и жителей поселков городского типа в этот период. Анализ таблиц сопряженности не показал каких-либо значимых отклонений в выборке, т. е. мы не можем сказать, что люди старше 65 лет, пользующиеся компьютером, в те годы в основном проживали в ПГТ.

В 2015 г. разрыв в проникновении сети Интернет среди пользователей компьютеров, проживавших в областных центрах и селах, значительно сократился. Если в 2004 г. жители областных центров почти в 4 раза чаще выходили в мировую сеть (45% интернет-пользователей в областных центрах против 12,1% в селах), то в 2015 г. этот разрыв составил всего 4 п. п. (97 против 93% соответственно).

В 2012 г. произошло изменение структуры анкеты РМЭЗ НИУ ВШЭ. Если до 2012 г. вопрос об использовании Интернета задавался только тем респондентам, кто ответил положительно на вопрос о пользовании компьютером, то после 2012 г. этот вопрос задавался всем респондентам. В 2012 г. доля интернет-пользователей среди общего числа опрошенных составила 56%, к 2015 г. она выросла до 64%.

В результате изменения структуры вопросника между 2011 и 2012 г. наблюдается падение доли интернет-пользователей как среди мужчин, так и среди женщин (рис. 6).

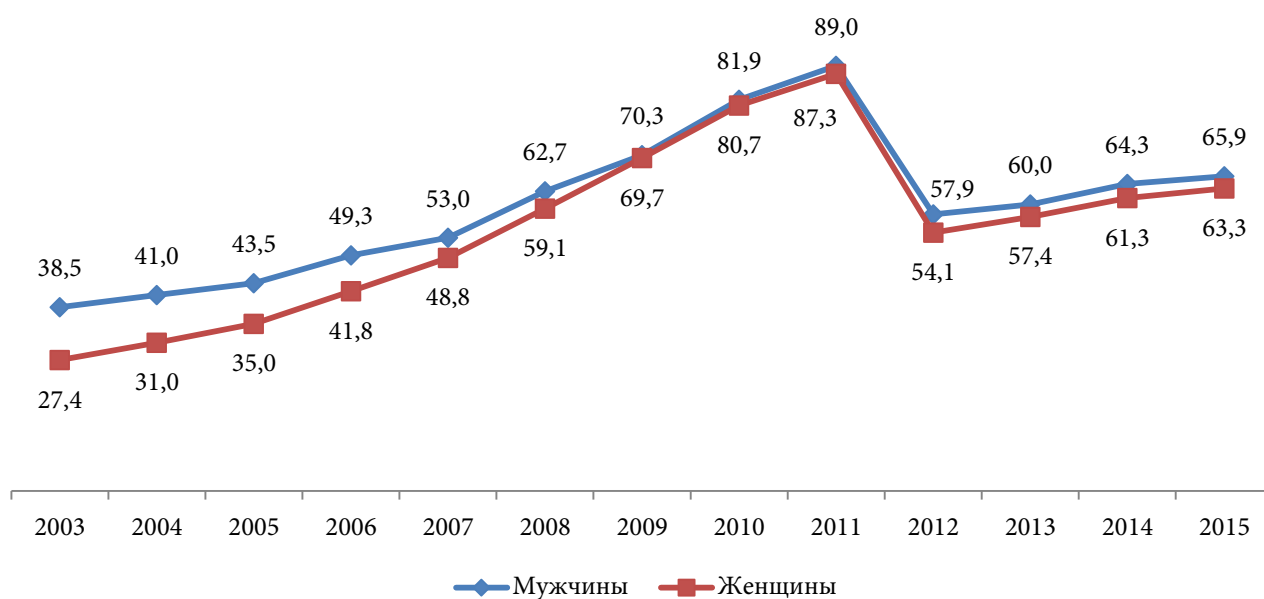

Рис. 6. Динамика проникновения сети Интернет, в группах по полу, 2003–2015 гг., %

Данные рисунка демонстрируют, что доля интернет-пользователей среди женщин, использующих компьютер, постепенно увеличивалась с 2003 по 2011 г. (с 27,4 до 87,3%). При этом в 2012 г. доля женщин, выходящих в мировую сеть, но не обязательно использовавших при этом компьютер, составляла 54,1%; к 2015 г. она увеличилась на 9,2 п. п. и достигла 63,3%. Доля мужчин, использующих и компьютер, и Интернет, также росла в 2003–2011 гг. (с 38,5 до 89%). Доля мужчин, пользовавшихся Интернетом, но не обязательно компьютером, при этом составляла 57,9% в 2012 г. и 65,9% в 2015 г.

Наибольшее распространение использование мировой сети получило среди молодежи 18–24 лет (93%). Эта возрастная группа лидировала по степени проникновения сети Интернет на протяжении всех четырех лет измерения с 2012 по 2015 г.. С увеличением возраста проникновение сети Интернет уменьшалось. Так, среди людей в возрасте старше 65 лет доля пользовавшихся Интернетом оказалась в 3 раза меньше, чем в возрастной группе 55–64-летних (12 и 38% соответственно). Заметная разница существовала и между возрастными группами 35–44 лет (78%) и 45–54 лет (59%). При этом из года в год доля пользовавшихся Интернетом хотя бы раз в течение 12 месяцев, предшествовавших опросу, повышалась в каждой возрастной группе (рис. 7).

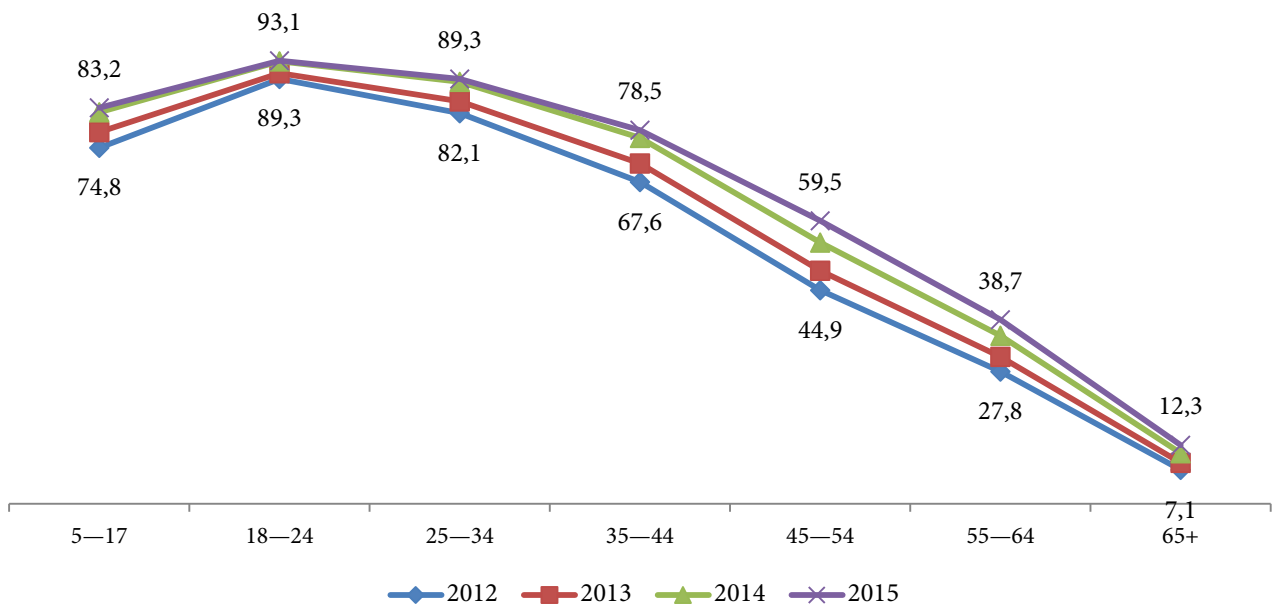

Рис. 7. Доля пользовавшихся сетью Интернет за последние 12 месяцев, по возрастным группам, 2012–2015 гг., %

Как показывают данные рис. 8, наиболее распространено использование сети Интернет в областных центрах.

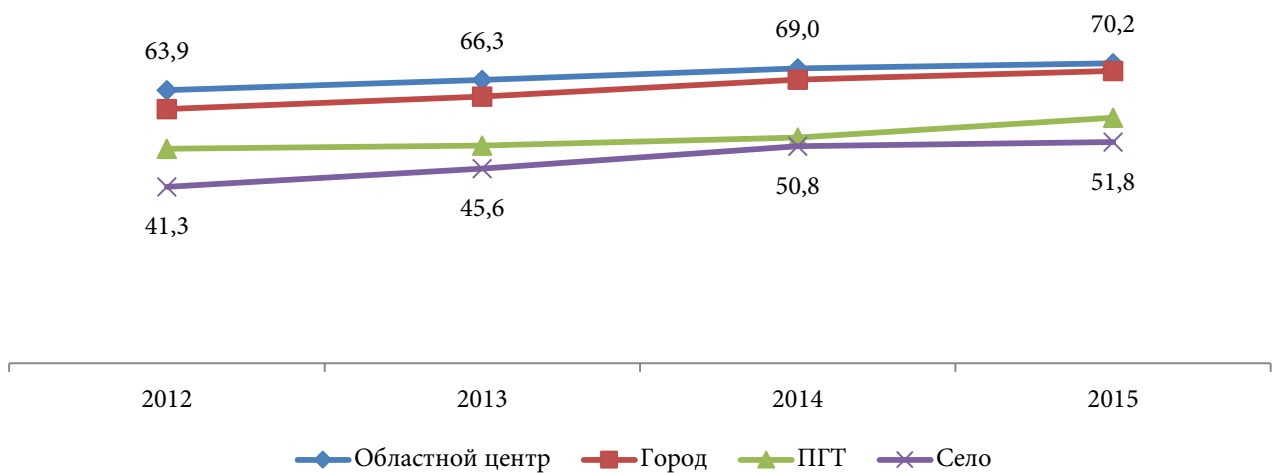

Рис. 8. Доля пользовавшихся сетью Интернет за последние 12 месяцев, по типам населенных пунктов, 2012–2015 гг., %

В 2012 г. доля населения областных центров, пользующихся мировой сетью, составляла около 64%, в 2015 г. она уже превышала 70%. Наименее охваченным мировой сетью оказалось население сел. Доля интернет-пользователей в этой группе не превышала 52% в 2015 г. В целом с 2012 по 2015 г. во всех типах населенных пунктов наблюдался рост проникновения сети Интернет.

Как видно из рис. 9, доля пользующихся Интернетом тем выше, чем выше среднедушевой доход домохозяйства. В 2012–2015 гг. наибольшая доля тех, кто пользовался Интернетом, наблюдалась в высокодоходной пятой квинтильной группе, а наименьшая – в наименее доходной первой группе.

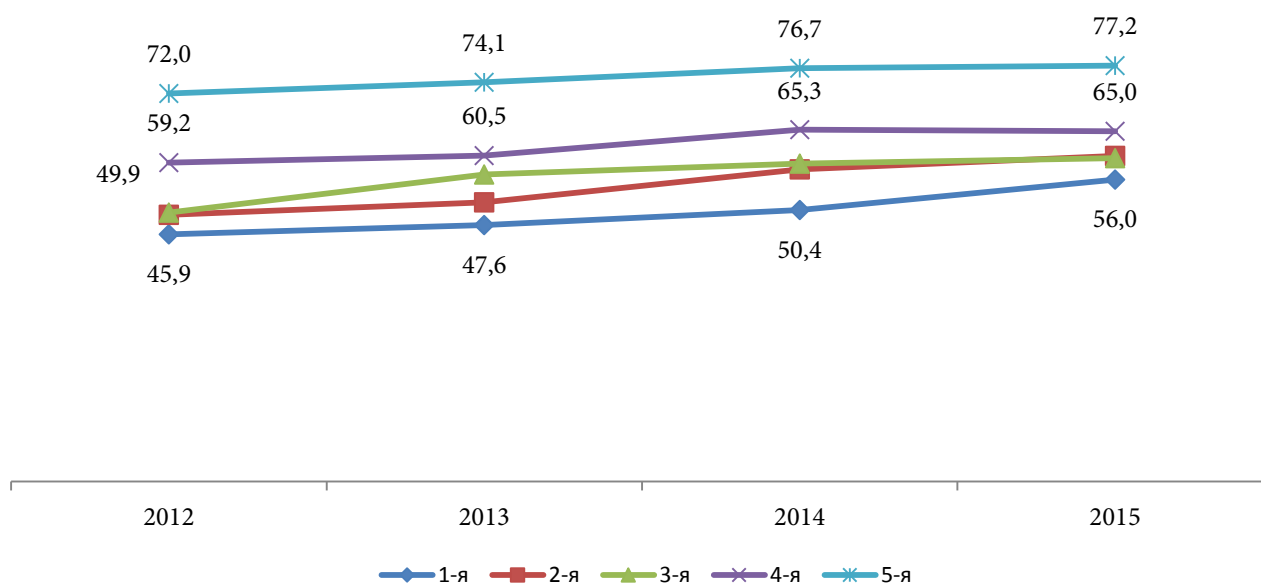

Рис. 9. Динамика проникновения сети Интернет, по квинтильным группам, 2012–2015 гг., % от числа пользующихся Интернетом

В целом на протяжении рассматриваемого периода рост проникновения сети Интернет наблюдался во всех доходных группах. При этом наиболее быстрыми темпами роста отличались первые три низкодоходные группы. В каждой из них доля интернет-пользователей выросла с 2012 по 2015 г. в среднем на 10%. В первой низкодоходной группе пользование мировой сетью выросло с 46 до 56%, во второй и третьей доходных группах – с 50 до 60%. В высокодоходных группах темпы роста не превышали 5–6%. В четвертой квинтильной группе доля интернет-пользователей увеличилась с 59 до 65%, а в пятой – с 72 до 77%. Таким образом, несмотря на то, что пользование Интернетом было более характерно для людей из домохозяйств с высокими среднедушевыми доходами, снижение цен на абонентскую плату и увеличение скорости доступа в Интернет¹, очевидно, способствовало увеличению числа пользователей в менее обеспеченных домохозяйствах.

В 2003–2015 гг. шло непрерывное увеличение числа пользователей, выходящих в мировую сеть из дома (рис. 10). В 2003 г. доля таких лиц увеличилась с 40% респондентов, пользующихся и Интернетом, и компьютером, до 97% всех респондентов в 2015 г.

¹ Индикаторы информационного общества: 2015: стат. сб. / Г. И. Абдрахманова и [др.]; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. С. 25.

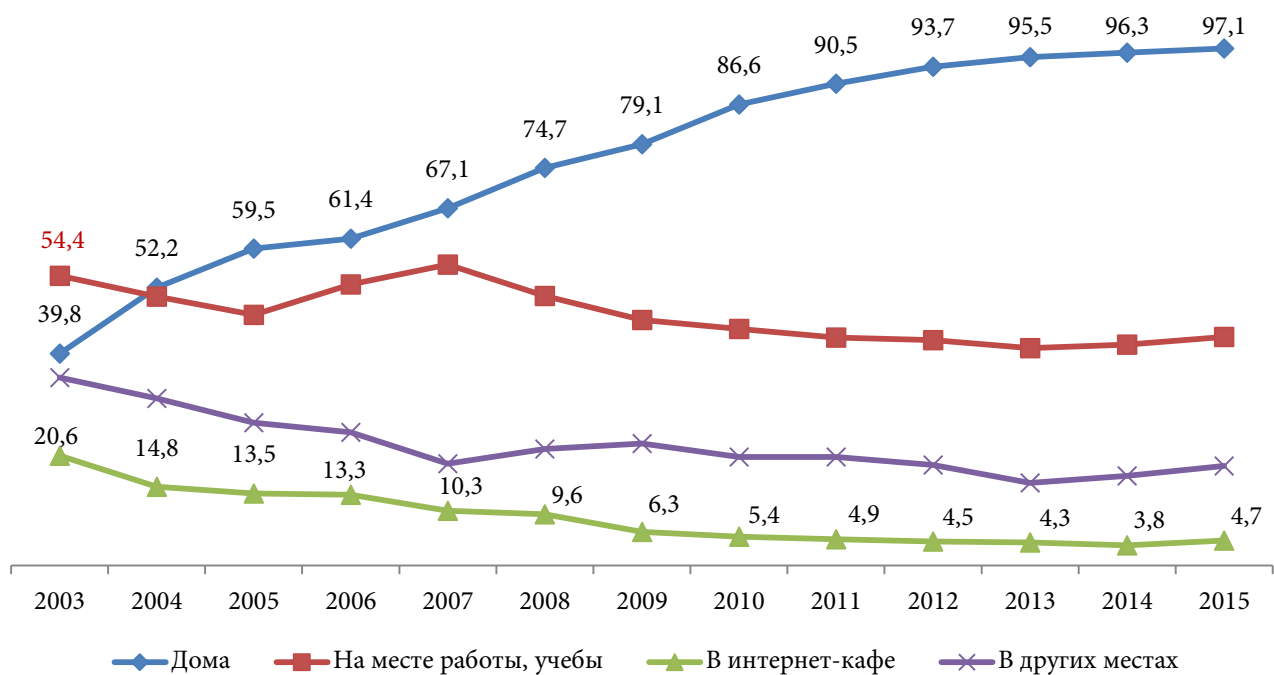

Рис. 10. Доля пользовавшихся сетью Интернет в разных условиях, 2003–2015 гг., % от числа пользовавшихся Интернетом за последние 12 месяцев

Напротив, пользование сетью Интернет по месту работы или учебы в целом имело нисходящую динамику. С 2003 по 2005 г. произошло незначительное снижение доли лиц, выходящих в мировую сеть по месту работу или учебы (с 54 до 47%). В 2007 г. этот показатель восстановился, достигнув 56%, но вновь упал до 43% в 2015 г. Популярность интернет-кафе снижалась равномерно на протяжении всего рассматриваемого периода. Доля респондентов, посещавших интернет-кафе, уменьшилась в 4 раза (с 20% в 2003 г. до 5% в 2015 г.). Выход в мировую сеть в других публичных местах также становился все менее популярным. С 2003 по 2015 г. доля выходящих в Интернет в других публичных местах снизилась с 35 до 19%.

Очевидно, что Интернет за последние 5 лет стал более мобильным явлением. Доля лиц, выходящих в Интернет с помощью телефона, смартфона, планшета, ноутбука или лэптопа, постоянно росла (рис. 11).

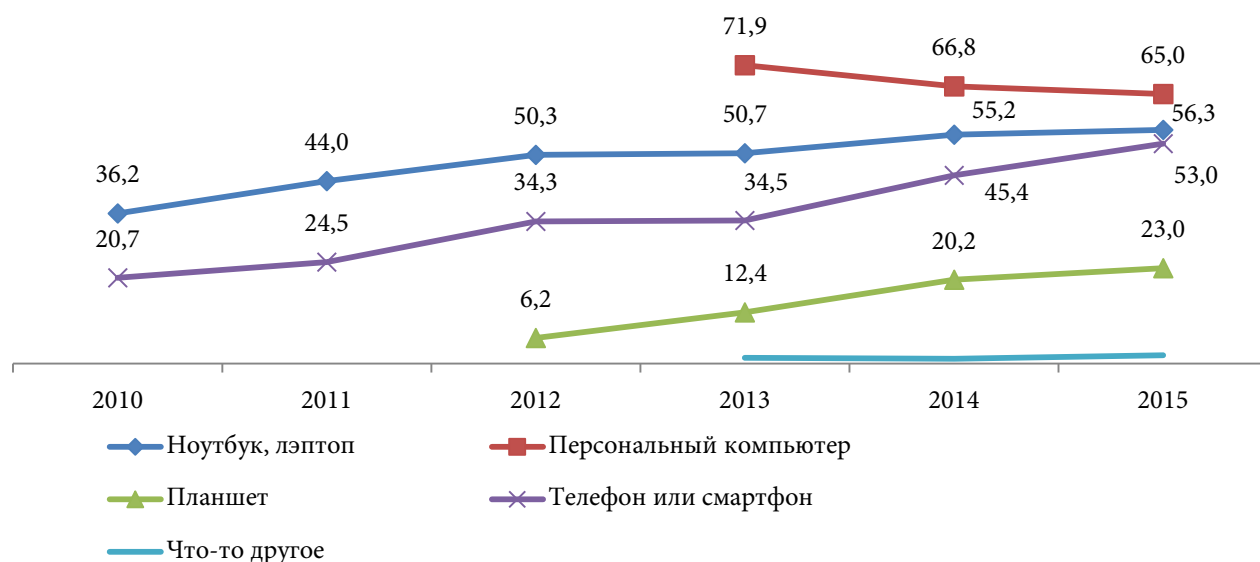

Рис. 11. Динамика использования различных устройств для выхода в Интернет, 2010–2015 гг., %

Как видно из рисунка, доля выходящих в Интернет через смартфон увеличилась за этот период с 21 до 53%, почти сравнявшись с долей тех, кто использовал для этой цели ноутбук или лэптоп (56% в 2015 г.). Также увеличилась доля тех, кто выходил в сеть через планшеты (с 6% в 2012 г. до 23% в 2015 г.). Напротив, персональный компьютер все реже использовался для выхода в мировую сеть (вероятность его использования снизилась с 72% в 2012 г. до 65% в 2015 г.).

Цели, с которыми люди выходили в сеть Интернет, становились все более разнообразными. Так, в 2012 г. чаще всего респонденты указывали пять целей использования сети, а в 2015 г. модальное значение стало равно шести, а распределение сместилось вправо, т. е. увеличилось количество целей использования Интернета.

С 2006 по 2015 г. заметно уменьшилась доля лиц, использующих сеть Интернет для учебы (с 48 до 30%). Возможно, это связано с тем, что Интернетом стало пользоваться больше людей старших возрастов. Также уменьшилась доля тех, кто пользуется Интернетом для работы (с 53 до 43%). Все больше людей стали использовать Интернет для развлечения и общения, доля таких лиц выросла с 62 до 80% и с 50 до 82% соответственно. При этом в период с 2012 по 2015 г. доля пользователей социальных сетей среди всех интернет-пользователей колебалась между 68 и 70%. Возросла и информационная роль мировой сети. Если в 2006 г. 65% респондентов использовали Интернет для получения новостей, то в 2015 г. этот показатель достиг 85%. Также увеличилось число лиц, использующих мировую сеть для расширения кругозора и увеличения своего культурного уровня. Значительный рост наблюдался в сфере онлайн-торговли. В 3 раза увеличилась доля тех, кто покупал товары и услуги через Интернет, с 12% в 2006 г. до 37% в 2015 г.

В 2012–2015 гг. респондентам, указавшим на то, что они используют сеть Интернет для посещения сайтов социальных сетей, задавались уточняющие вопросы, которые позволяют более точно охарактеризовать использование данного сегмента сети Интернет. В рассматриваемый период значимые изменения произошли с использованием наиболее популярными в России социальными сетями «Одноклассники» и «ВКонтакте». Так, доля пользователей социальной сетью «Одноклассники» уменьшилась с 77 до 70%, а доля пользователей «ВКонтакте», напротив, увеличилась с 64 до 69% (рис. 12). Показатели же остальных социальных сетей не претерпели значимых изменений.

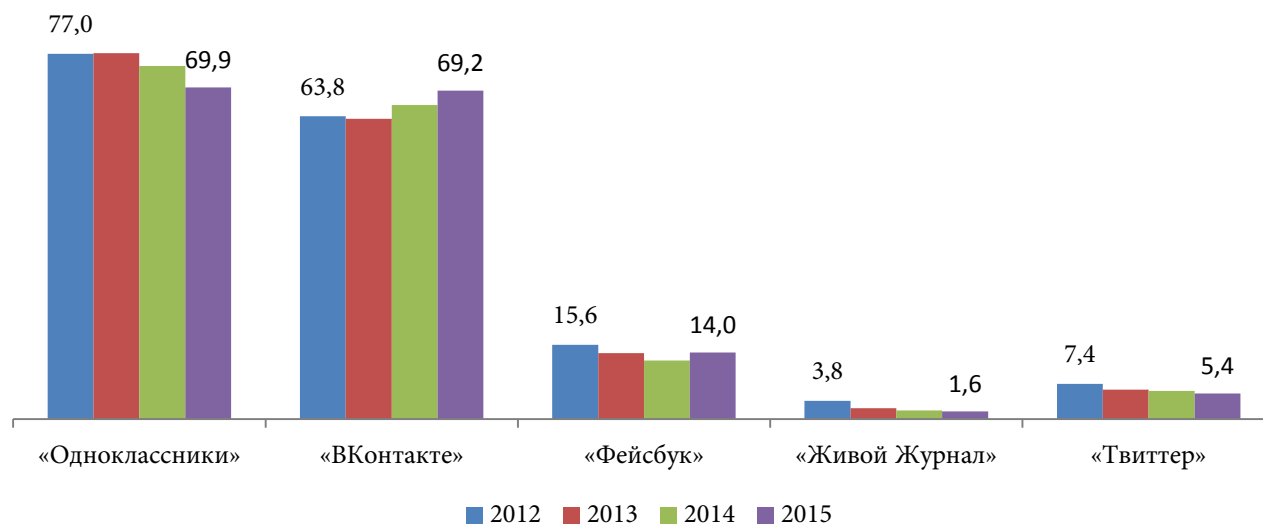

Рис. 12. Динамика использования социальных сетей, 2012–2015 гг., % от числа посещающих социальные сети

Как видно из рис. 13, доля пользователей социальной сетью «Одноклассники» возрастает с увеличением возраста. Эта социальная сеть имеет самые высокие показатели проникновения во всех возрастных группах старше 35 лет.

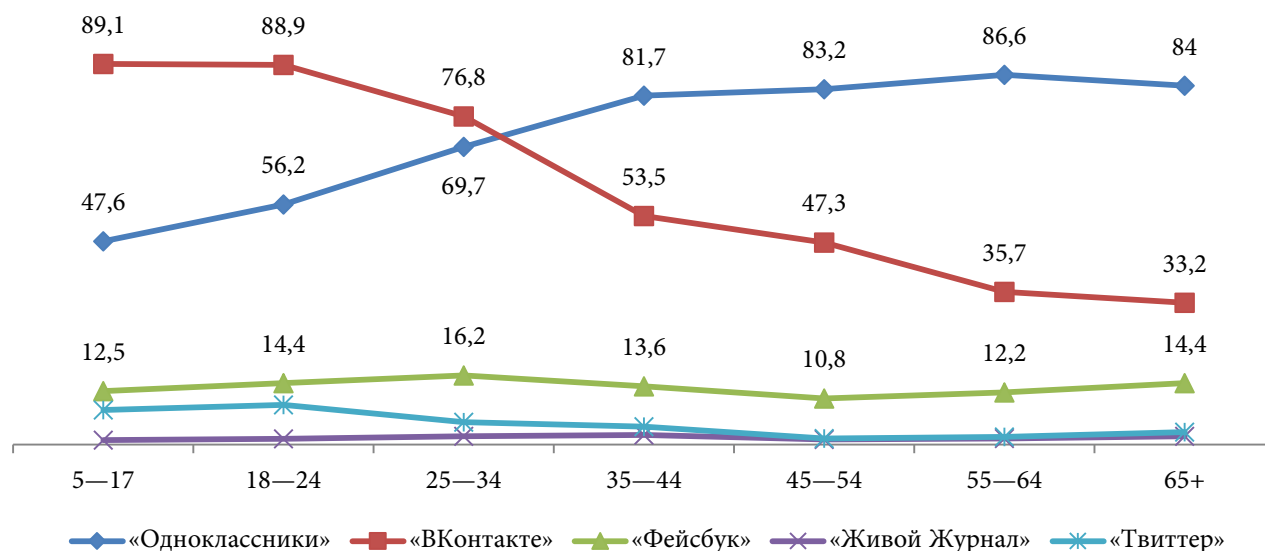

Рис. 13. Использование социальных сетей среди возрастных групп, 2015 г., от числа посещающих социальные сети

Наибольшая доля людей, пользующихся сетью «Одноклассники», наблюдается в возрастной группе 55–64 лет (87%). Обратная зависимость характерна для «ВКонтакте». Наиболее активно эту социальную сеть использует молодежь (89% в группах на рис. 15–17 и 18–24 года). Далее с увеличением возраста происходит спад: сетью «ВКонтакте» пользуются 77% лиц в возрасте 25–34 лет и 54% лиц в возрасте от 35 до 44 лет. Реже всего страницу «ВКонтакте» имеют люди старше 65 лет (33%). Аудиторию «Фейсбука» в основном составляют лица 25–34 лет (именно в этой возрастной группе наблюдается модальное значение, 16%), наименьшей популярностью эта сеть пользуется в группе 45–54-летних (11%). Таким образом, молодежь больше пользуется «ВКонтакте», в то время как старшее поколение предпочитает «Одноклассники». Переломная точка оказывается в возрастной группе 25–34 лет, именно среди людей этих возрастов показатели двух конкурирующих социальных сетей практически сравниваются (77% «ВКонтакте» и 70% «Одноклассники»), а с увеличением возраста имеют противоположные тренды.

Если рассматривать пользователей социальных сетей с точки зрения уровня образования, то первое, что бросается в глаза, это возрастающая доля пользователей «Фейсбука» с увеличением уровня последнего полученного образования (рис. 14). Так, 21% людей с законченным высшим образованием и выше пользуются этой социальной сетью.

Как показывают данные, представленные на рис. 14, «ВКонтакте» имеет наибольшее проникновение среди групп с незаконченным средним образованием: 82% лиц с незаконченным средним образованием и 79% лиц с незаконченным средним образованием и дополнительными курсами пользуются данной социальной сетью. Напротив, сеть «Одноклассники» в этих группах наименее популярна (49 и 60% пользователей соответственно). Среди людей, имеющих законченное высшее образование, доли пользующихся двумя наиболее популярными россий-

скими социальными сетями примерно равны: 71% пользуются сетью «ВКонтакте» и 70% – «Одноклассниками». Наибольшая доля пользователей социальной сетью «Одноклассники» наблюдается среди людей с законченным средним образованием (76%), социальная сеть «ВКонтакте», напротив, имеет в этой группе наихудший показатель (60% пользователей).

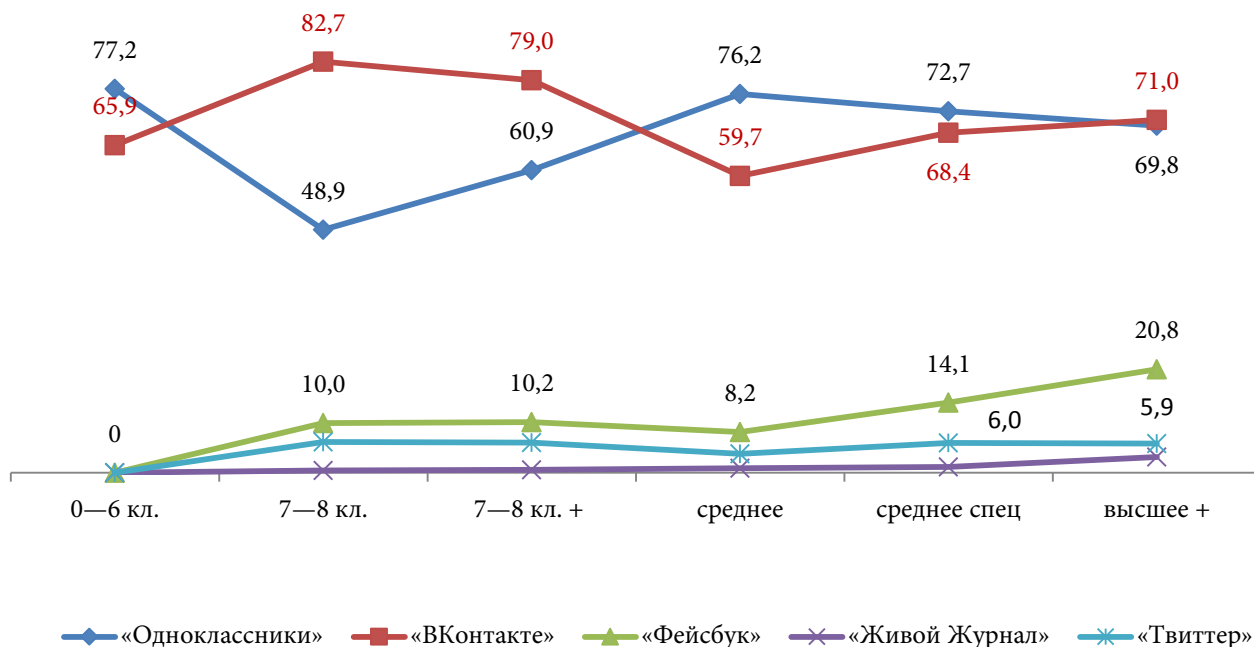

Рис. 14. Использование социальных сетей, 2015 г., в разрезе по последнему полученному образованию, % от числа посещающих социальные сети

В сельской местности подавляющее большинство пользователей Интернета, которые используют его в том числе и для посещения сайтов социальных сетей, пользуются сетью «Одноклассники» (84%). Доля предпочитающих «ВКонтакте» в этой группе практически на 30 п. п. ниже и равна 54% (рис. 15).

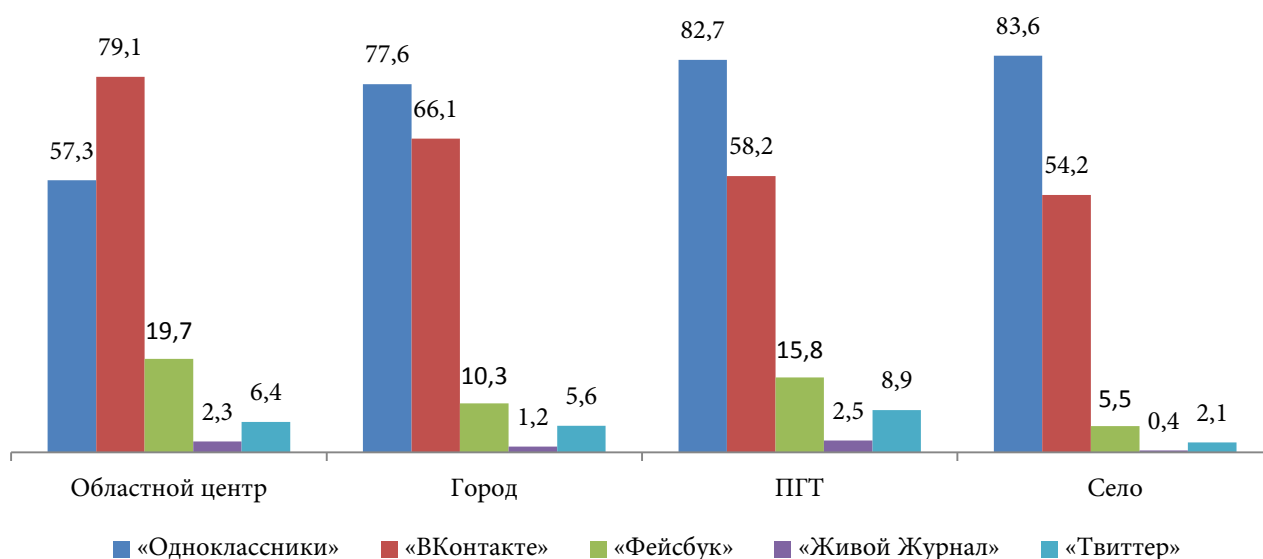

Рис. 15. Доля пользующихся социальными сетями, по типу населенных пунктов, 2015 г., % от числа посещающих социальные сети

Примерно такое же положение вещей складывается и в поселках городского типа: 82% пользуются «Одноклассниками» и только 58% – «ВКонтакте». В областных центрах ситуация противоположная. Там «ВКонтакте» лидирует с показателем 79%, а «Одноклассниками» пользуются только 57%. В городах «ВКонтакте» отстает от «Одноклассников» на 12 п. п.: 78% пользователей социальных сетей пользуются «Одноклассниками» и 66% пользуются «ВКонтакте». В поселках городского типа доля пользователей «Фейсбуком» равна 15%, что в 3 раза больше, чем в селах, и на 5 п. п. выше, чем в городах. В областных центрах «Фейсбуком» пользуется 20% от тех, кто пользуется социальными сетями.

Для выявления социально-демографических групп с наибольшим проникновением сети Интернет мы используем метод классификации CHAID (доверительная вероятность 0,99; минимальное количество объектов в родительском и терминальном узлах 150 и 300; максимальная глубина 3, установлена автоматически статистическим пакетом SPSS). Основанием для выбора данных показателей и уровней стало то, что при меньшем уровне доверительной вероятности и при меньших границах минимального наполнения узлов, а также при большей максимальной глубине дерева, получались глубокие деревья с мало наполненными терминальными узлами, что приводило к «переобученности» моделей и невозможности дальнейшей генерализации. Большой объем выборки (11 671 респондент) также благоприятствовал выбору указанных параметров анализа.

Характеристики итоговой модели CHAID представлены в таблице 1. Полученная модель номинально может считаться «переобученной», так как среднее значение функции риска при 5-кратной кросс-проверке на одну тысячную больше, чем на обучающих выборках. Однако, в сущности, данные функции риска можно считать примерно равными и предположить, что дерево вполне можно генерализировать на всю совокупность.

Таблица 1

Показатели дерева классификации проникновения Интернета

Показатели	CHAID
Риск	0,190
Среднее значение риска при 5-кратной кросс-проверке	0,191
Глубина	3
Всего узлов	52
Терминальных узлов	35
Наибольший индекс аффинити	165%
Доля целевой группы в узле с наибольшим индексом аффинити	99%
Второй узел по индексу аффинити	163%
Доля целевой группы в узле со вторым индексом аффинити	98%

Не все включенные в анализ переменные оказались дифференцирующими факторами проникновения сети Интернет. Например, ни в одной из построенных моделей ни пол, ни размер семьи не выступали в качестве предикторов, т. е. не разделяли респондентов на значительно отличающиеся по степени проник-

новения сети Интернет группы. Сильным предиктором такого проникновения ожидаемо оказался возраст: с увеличением возраста доля лиц, пользовавшихся Интернетом, снижалась. В целом в результате анализа мы выделили пять социально-демографических групп, характеризующихся наибольшим проникновением сети Интернет.

Первая группа включает в себя людей в возрасте от 24 до 36 лет, которые имеют высшее образование. Практически все представители данной группы пользовались Интернетом за последние 12 месяцев (99%). Вероятность встретить пользователя Интернета в этой группе на 64% больше, чем среди населения в целом. Эта группа составляет 7,4% всей выборки.

Вторая группа состоит из людей в возрасте от 16 до 23 лет, которые живут в областных центрах или городах. Доля пользователей Интернета в этой группе равна 98%, а вероятность встретить пользователя Интернета на 63% выше, чем в среднем по выборке. Люди с такими социально-демографическими характеристиками составляют 5,8% выборки.

В третью группу входят несовершеннолетние 15 лет и младше, окончившие более 6 классов школы. Среди них проникновение Интернета также равно почти 98%, и вероятность встретить пользующихся Интернетом в этой группе на 62% выше, чем в среднем по выборке. Размер этой группы в выборке составляет 2,3%.

Четвертая группа включает людей в возрасте от 24 до 36 лет со средним специальным образованием, среднедушевой доход которых составляет более 12 514 руб. в месяц. Доля интернет-пользователей в этой группе достигает 96%, вероятность встретить пользующихся мировой сетью в этой группе на 60% больше, чем в среднем по выборке. Группа составляет 2,4% выборки.

Пятая группа с относительно высокими показателями проникновения сети Интернет охватывает людей среднего возраста (от 37 до 43 лет) с высшим образованием. Доля лиц, пользующихся Интернетом, среди них составляет 95%. Размер этой группы в выборке – 3,1%.

Далее для построения типологии интернет-пользователей в зависимости от различных практик был применен кластерный анализ с использованием метода Варда, мерой дистанции между объектами выступал квадрат евклидова расстояния. В качестве кластеризуемых переменных были использованы 13 показателей, отражающих практики использования Интернета, в том числе устройства, которыми пользовались респонденты для выхода в мировую сеть, и цели, которые они при этом преследовали (табл. 2). Все переменные имели дихотомический вид: код «1» обозначал наличие признака, код «0» – его отсутствие.

В результате проведения анализа было выделено 6 кластеров.

Пользователи Интернета с ноутбука для получения различной информации. Данная группа людей характеризуется тем, что подавляющее большинство ее представителей выходят в Интернет в основном с ноутбуков или лэптопов (98%), что на 40 п. п. больше, чем в среднем по выборке, при этом остальными средствами выхода в Интернет они практически не пользуются. По большей части они используют всемирную сеть для получения различного рода новой информации, будь то новости (96%) или же просто информация для расширения кругозора (97%), а также для получения справочных материалов (93%), что в среднем на 10–15 п. п.

больше, чем в среднем по выборке. При этом лишь 15% из них покупают товары и услуги в Интернете, и лишь 17% используют его для работы, что для обоих показателей примерно в 2,5 раза меньше, чем в среднем по выборке. Средний возраст представителей данной группы равен 42 годам. Среднее значение среднедушевого дохода семей респондентов, вошедших в данный кластер, составляет 18,7 тыс. руб. Наибольшая доля представителей данной группы также попала в пятую квинтильную группу по среднедушевому доходу домохозяйства (26,1%). Чуть больше половины (55%) представителей данной группы – женщины, а модальный уровень образования для данной группы – «законченное среднее специальное образование». В данной группе наблюдается наибольшая доля респондентов, живущих в городе, в сравнении с другими выявленными в анализе группами (31,5%), однако в то же время наибольшая доля представителей данного кластера проживает в областных центрах (40,7%).

Активные пользователи Интернета с мобильных устройств. Для представителей данной группы характерно выходить в Интернет с помощью различных устройств, начиная с персональных компьютеров (76%) и заканчивая планшетами (51%) и смартфонами (75%). Представители этой группы используют Интернет для самых разных целей чаще, чем в целом по выборке: 49% – для учебы, 95% – для развлечений, 94% – для общения, 98% – для получения новостей, 99% – для расширения кругозора, 96% – для получения справочных материалов, 40% – для покупки товаров и услуг, 89% – для посещения социальных сетей. Средний возраст представителей данной группы составляет 29 лет, что является наименьшим значением среднего возраста по сравнению с другими группами. Среднедушевой доход семей равен 17,9 тыс. руб. в месяц, при этом наибольшая доля лиц, вошедших в кластер, принадлежит к пятой квинтильной группе по среднедушевому доходу семьи (24,4%). В данной группе равное распределение по полу (50% мужчин и 50% женщин). Важной характеристикой данной группы является то, что доля ее представителей, имеющих «незаконченное среднее образование (7–8 класс) и какие-либо курсы», является наибольшей, в сравнении с другими выделенными группами (20,8%). При этом наибольшая доля представителей данной группы имеет законченное среднее образование (23,5%).

Пользователи Интернета с персонального компьютера для работы и получения новой информации. Большинство членов этого кластера в основном выходят в Интернет с персональных компьютеров (88%), что на 23 п. п. больше, чем в среднем по выборке. Большая часть из них (61%) использует Интернет, в том числе для работы, также практически все члены этой группы используют сеть для получения справочных материалов (99%) и расширения кругозора (97%), а также для получения новостей (96%). Средний возраст равен 41 году, тогда как средний среднедушевой доход семьи достигает 21,2 тыс. руб. В данной группе наблюдается преобладание представителей женского пола (56,2%), при этом 41,6% имеют как минимум законченное высшее образование.

Неактивные пользователи Интернета с персональных компьютеров. Две трети членов данной группы выходят в сеть через персональные компьютеры. Для данной группы характерно неактивное времяпрепровождение в Интернете. Практически по всем целям использования Интернета доли пользователей меньше, чем в сред-

нем по выборке. Только 9% пользуются Интернетом для учебы, 33% – для развлечения, 19% – для общения, 13% – для посещения социальных сетей. Средний возраст представителей данной группы равен 44 годам, что является наивысшим показателем среди выделенных групп. Средний среднедушевой доход семьи равен 22,7 тыс. руб., распределение по полу равное. Почти треть представителей данной группы (31,3%) проживает в селе. Данный показатель является наивысшим в сравнении с другими группами. Тем не менее наибольшая доля представителей данного кластера проживает в областном центре (37,9%).

Пользователи Интернета для развлечения и общения. В этой группе нет какого-либо явно доминирующего устройства для выхода в мировую сеть, преобладает использование разнообразных средств: 52% лиц выходят в Интернет с ноутбуков, 50% – с персональных компьютеров, 47% – со смартфонов. Большинство представителей этой группы используют Интернет для общения (82%), развлечения (83%) и посещения социальных сетей (77%), однако эти значения не сильно отличаются от средних по выборке. В то же время другими видами деятельности в сети Интернет занимается значительно меньшая доля людей, чем в среднем по выборке. Лишь 16% используют Интернет для работы и 18% – для учебы. Для получения справочной информации, новостей, повышения культурного уровня всемирную сеть использует в 2–2,5 раза меньшая доля пользователей, чем в среднем по выборке. Средний возраст представителей данной группы – 35 лет, средний среднедушевой доход семей – 14,9 тыс. руб., что является наименьшим среди всех кластеров. Наибольшая доля представителей данной группы (23,2%) находится в первой квинтильной группе по среднедушевому доходу семьи, что является наивысшим показателем в сравнении с другими группами. Распределение по полу равное. Чуть больше трети (35,3%) представителей данной группы имеет законченное среднее образование.

Активные пользователи Интернета с переносных устройств. Для представителей данной группы характерен выход в Интернет с ноутбуков или лэптопов (99%), а также со смартфонов (95%). В этой группе в 2 раза больше доля людей, выходящих в сеть с планшетов (45%), чем в среднем по выборке. Представители этой группы пользуются Интернетом во всех упомянутых целях. По всем показателям доля людей, пользующихся Интернетом с той или иной целью, превышает средние значения по выборке. Все представители кластера используют Интернет для общения, получения новостей, расширения кругозора, получения справочных материалов. В 2 раза больше доля тех, кто совершает покупки через Интернет (69%), чем в среднем по выборке. Средний возраст представителей данной группы равен 30 годам, среднее значение среднедушевого дохода семьи достигает 25,9 тыс. руб., что является наивысшим показателем среди полученных кластеров. Кроме того, 39% представителей данной группы находятся в пятой квинтильной группе по среднедушевому доходу семьи, что также является наивысшим показателем в сравнении с другими группами. Чуть больше половины (56%) этой группы составляют женщины; 42,5% имеют законченное высшее образование и выше, что является наивысшим показателем в сравнении с другими группами; 54,4% представителей данного кластера проживают в областном центре, что также является наивысшим показателем в сравнении с другими кластерами.

Таблица 2

Описание групп кластерной модели по практикам использования Интернета,
доля давших положительный ответ, % от числа представителей кластера

Кластеры	Вы пользуетесь для выхода в Интернет ...				Вы пользовались Интернетом в течение последних 12 месяцев для ...									Доля в выборке
	Ноутбуком, лэптопом	Персональным компьютером	Планшетом	Телефоном или смартфоном	Учебы	Работы	Развлечений	Общения с другими людьми	Получения информации о новостях	Расширения кругозора, повышения культурного уровня	Получения справочных материалов	Покупок, получения товаров и услуг	Посещения сайтов социальных сетей	
Пользователи Интернета с ноутбука для получения различной информации	98	6	2	16	21	17	59	81	96	97	93	15	56	7
Активные пользователи Интернета с мобильных устройств	14	76	51	75	49	25	95	94	98	99	96	40	89	15
Пользователи Интернета с персонального компьютера для работы и получения новой информации	46	88	3	28	14	61	78	91	96	97	99	42	65	25
Неактивные пользователи Интернета с персональных компьютеров	28	74	4	30	9	48	33	19	64	56	69	7	13	10
Пользователи Интернета для развлечения и общения	52	50	13	47	18	16	83	82	47	38	33	12	77	18
Активные пользователи Интернета с переносных устройств	99	62	45	95	40	62	94	99	100	100	100	69	95	24
В среднем по выборке	57	65	22	54	26	43	79	83	85	83	83	37	72	

Как показал проведенный анализ, увеличение числа пользователей сети Интернет в России шло рука об руку с распространением персональных компьютеров. К началу 2010-х годов подавляющее число пользователей ПК также являлись пользователями мировой сети. Значимых различий по степени проникновения сети Интернет по полу, возрасту и месту жительства среди пользователей ПК не наблюдалось. В связи со снижением цен и увеличением доступности и скорости доступа к сети Интернет происходило увеличение количества интернет-пользователей в менее обеспеченных и менее урбанизированных домохозяйствах. Пользование Интернетом в рассматриваемый период переместилось с рабочего места и из интернет-кафе в дома россиян, при этом электронные устройства, с помощью которых люди выходили в мировую сеть, стали значительно разнообразней. В результате расширения аудитории изменились основные цели, преследуемые пользователями при выходе в Интернет. Люди стали значительно чаще обращаться к мировой сети в рекреационных целях. Наибольшее проникновение сеть Интернет приобрела среди подростков, молодых россиян с высшим и средним специальным образованием и лиц среднего возраста с высшим образованием. По предпочтениям и онлайн-практикам россияне разделились на тех, кто выходит в мировую сеть для различных целей с помощью ноутбука; активных пользователей сетью с мобильных устройств; тех, кто использует Интернет для работы и получения новой информации при помощи ПК; неактивных пользователей ПК; пользователей, преследующих исключительно рекреационные цели (развлечение, общение); и наконец, активных пользователей персональных устройств (планшетов).

THE USE OF THE INTERNET IN RUSSIA FROM 2003 TO 2015

Bogdanov M. B., Lebedev D. V.

Abstract. The paper analyzes the dynamics of the Internet penetration in Russia during the period between 2003 and 2015, both in the general population and in the context of various socio-demographic groups. We apply CHAID and hierarchical cluster analysis to determine socio-demographic groups with the highest level of the Internet penetration and the most common patterns of the Internet use. In general, the proportion of the Russian population getting access to the World Wide Web dramatically increased over the period between 2003 and 2015. Teenagers and young people with a university diploma or a college degree, who lived in urban areas, along with adults with a university diploma were the most likely to use the Internet. Those who used PC for browsing the Web either did it for work-related purposes or appeared to be reluctant Internet-users. Those who opted for laptops, tablets or mobile phones went online for multiple purposes and those who logged on the Internet exclusively for recreational purposes had no preferences for a particular type of an electronic device.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey of HSE, RLMS-HSE, Internet penetration, Internet use, hierarchical cluster analysis, Internet-users typology.

Сведения об авторах

Артемьева Нина Михайловна

Студентка 4 курса факультета социальных наук департамента социологии НИУ ВШЭ, стажер-исследователь Центра лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ ВШЭ.

E-mail: ninablart@gmail.com

Богданов Михаил Богданович

Студент 4 курса факультета социальных наук департамент социологии НИУ ВШЭ, стажер-исследователь Центра лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ ВШЭ.

E-mail: bogdanovmikle@mail.ru

Воронин Геннадий Леонидович

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН.

E-mail: voroning@isras.ru

Козырева Полина Михайловна

Доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии РАН.

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ ВШЭ.

E-mail: pkozyreva@hse.ru

Косолапов Михаил Самуилович

Кандидат философских наук, руководитель Центра Института социологии РАН.

E-mail: mkosolapov@isras.ru

Лебедев Даниил Вадимович

Студент 4 курса факультета социальных наук департамента социологии НИУ ВШЭ, стажер-исследователь Центра лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС.

E-mail: zenon-daniil@yandex.ru

Назимова Алина Сергеевна

Студентка 4 курса факультета социальных наук департамента социологии НИУ ВШЭ, стажер-исследователь института социальной политики НИУ ВШЭ.

E-mail: asnazimova@gmail.com

Низамова Алфия Энварьевна

Кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник Центра лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ.

E-mail: anizamova@hse.ru

Рощина Яна Михайловна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической социологии
НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Центра лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ.

E-mail: yroshchina@mail.ru

Сивкова Ирина Викторовна

Младший научный сотрудник Института социологии РАН.

E-mail: ishustova@demoscope.com.ru

Смирнов Александр Ильич

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии РАН.

E-mail: smir_al@bk.ru

Соколова Светлана Борисовна

Научный сотрудник Института социологии РАН.

E-mail: sveta@demoscope.com.ru

Тонис Елена Игоревна

Научный сотрудник Института социологии РАН.

E-mail: ea163100@mail.ru

Шестова Ольга Александровна

Младший научный сотрудник Института социологии РАН.

E-mail: oshestova@demoscope.com.ru

Научное электронное издание

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО МОНИТОРИНГА
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ
НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)**

Корректор: В. В. Камышан
Компьютерная верстка: Е. И. Григорьева, И. М. Ситдииков

Уч.-изд. л. 9. Объем 1,83 Мб.

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: (495) 621 7983; 628 7931

E-mail: hse@hse.ru

URL: http://www.hse.ru/rlms/vestnik/Vestnik_RLMS-HSE_2017.pdf